

АРТ ЗАПАД

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

П. Лимеров. Диалог с Епифанием Премудрым или идентичность коми литературы	4
---	---

НА ЗАПАД ШЛИ... Стихи поэтов-фронтовиков

Ф. Щербаков. «Мы шагаем вперёд...» Стихи	12
--	----

А. Размыслов. Брату. Стихотворение	15
--	----

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

A. Расторгуев. Время наше. Стихи	18
--	----

П. Сорокин. Предтеча. Роман. Окончание	25
--	----

Ю. Екишев. Записки о семейной рыбалке	
---------------------------------------	--

(Главы из книги «Наскальные рисунки». Продолжение ...	86
---	----

A. Вурдов. Кыдзи лёсвяны збыльторлы? Пьеса	97
--	----

A. Шебырев. «Из улын...». Кывбууръяс	101
--	-----

ШТУДИИ

Л. Тульцева. «Соловеюшко на рученьках...»	106
---	-----

Г. Савельева. Рождественские игрища на Выми	113
---	-----

АРТПИЯН

H. Куратова. Батьяс йылышь висьт	130
--	-----

D. Донцов. Иван Куратов «Пасъяс синтёмлён» поэмалын шёр герой образлён аслыспёлётслун	151
---	-----

АРТ-ФАКТ

H. Плаксина. Таёжная симфония Валерия Нечаева	154
---	-----

A. Мишина. «У человека всегда остается тяга к подлинному, рукотворному...» Интервью с П. Лимеровым	172
--	-----

H. Жукова. «Барышня-крестьянка» М. Герцмана: «современный водевиль»	179
---	-----

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

A. Бушенева. Удорский Корчагин	185
--------------------------------------	-----

Нам пишут	191
-----------------	-----

Станислав Анфимович Торлопов (некролог)	192
---	-----

Сыктывкар
2015

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканска литература, публицистика,
история, культурология да художественой журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»

Руководитель — Новикова Н.М.

Главный редактор — Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© Журнал «Арт», № 1 (70)_2015 г.

Подписано к печати по графику 18.03.15. Фактически 18.03.15. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 1591. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. В.Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа А.Мишиной «Пресвятая Троица, помни о нас!».

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиройт и авторъяслы найос оз мөддөй. Редакция оз век во ѿти кывйб авторъяскöд.

Год литературы

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, родился 11.02.1958 года. Детство прошло в д. Муфтуяга, первые два года учился в школе п. Байдыд Яг с. Кослан. В 1977 году закончил Печорское речное училище, работал на теплоходе «Сапсан» Нижнепечорского техучастка. Служил с 1977 по 1980 гг. на Тихом океане в составе экипажа подводной лодки. В 1987 году закончил филологический факультет СыктГУ, работал в школе. С 1989 года работает в ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Опубликовано около 170 работ общим объёмом более 190 п.л., в том числе учебное пособие «Коми несказочная проза» (1998); монография «Мифология загробного мира» (1998), сборник фольклорных текстов «Му

пуксьём – Сотворение мира» (2005), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдёр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).

Диалог с Епифанием Премудрым или идентичность коми литературы

Человеческая история есть не что иное, как история литературы. Так сложилось, что до-письменные или, точнее, до-литературные народы вроде бы и не имеют своей истории. Конечно, можно говорить об археологических памятниках, но эти памятники мало что могут сказать о людях, которым они принадлежали. Истории народов начинаются с их фиксации в хрониках, летописях и даже с записей и публикаций эпоса. История коми народа начинается со «Слова о Житии св. Стефана Пермского» — агиографического сочинения Епифания Премудрого. Я не хочу говорить о скучных данных летописей или данных археологии — они ничего не сообщают нам о жизни коми людей. Только в этом Житии Стефана Пермского впервые предстаёт полнокровный образ Коми земли и коми народа — с его языческой верой, старинными обычаями, его национальными героями и его путём в большую историю через приобщение к христианству. И этому образу мы доверяем, поскольку он написан Епифанием Премудрым — едва ли не самым талантливым из писателей русского средневековья.

Согласно Патриаршей летописи в 6891 (1383) году митрополит Пимен учредил новую, восемнадцатую по счёту епархию на Руси и назначил её епископом Стефана Храпа, ростовского иеромонаха. Особенностью этой новой епархии было то, что она учреждалась не для русских прихожан, а для вновь крещёного народа, известного в то время как пермяне. Новая епархия получила название Пермской, поскольку её территория фактически совпадала с территорией, которую на Руси называли Вычегодская Пермь, соответственно, Стефан Храп стал именоваться епископом

Пермским. Таким образом, Вычегодская Пермь в составе Пермской епархии включалась в Русскую (Киевскую) митрополию Константинопольского патриархата, а, поскольку местом жительства митрополитов всея Руси была уже Москва, а не Киев или Владимир, то Вычегодская Пермь подпадала в духовное подчинение именно Москве. Очевидно, это означало и политическое присоединение к Московской Руси, но нужно отметить, что присоединялись к Москве не аморфные «земли», на которых проживали некие «пермяне», присоединялась Пермская епархия — целостное духовно-политическое образование, имеющее свои территориальные границы и свой язык. «Земли» и населяющие их народы входили в состав Руси и прежде, но без признания их территориальной и языковой целостности они смешивались со славянами и вскоре теряли свою национальную идентичность — становились русскими. В этом смысле, Вычегодская Пермь впервые входила в состав становящегося Московского государства официально, на правах автономного церковно-политического территориального образования. Особенностью этой территории как новой административной единицы Руси было то, что здесь епископ совмещал и духовные, и административные функции, а площадь новой епархии значительно превышала площадь самого Московского княжества.

Значение этой церковно-политической акции для истории России огромно и, по-видимому, ещё не оценено по достоинству. Во-первых, на примере Перми Вычегодской впервые был осуществлён опыт федерализма в будущем политическом устройстве России, и, во-вторых, христианизация и присоединение к Москве территории Перми Вычегодской, а затем и Перми Великой фактически открыли для России ворота в Сибирь, и стали первым шагом в будущем становлении евразийской Российской империи. В-третьих, в лице Стефана Пермского Русская православная церковь не только впервые выступила в учительной миссии, но и впервые, по словам русского религиозного философа Г.П. Федотова, дала «религиозное обоснование иной национальной культуры»¹. Федотов имеет в виду Стефановский замысел Пермской Церкви со своей национальной иерархией и пермским (коми) языком богослужения и книжностью на коми языке. В современных научных интерпретациях создание Стефаном Пермским коми письменности предстаёт как сугубо филологическая акция, но для эпохи XIV века эта акция имела религиозно-реформаторский и политический характер.

Согласно доктрине о «церковном триязычии» признанными литургическими языками были греческий, латынь и еврейский, в IX веке по благословению римского папы Адриана литургическим был признан славянский язык. В целом же христианизация Европы в языковом аспекте шла как распространение священных книг и богослужения на латыни (за исключением славянского богослужения). Фактически до XVI века переводы священных книг на народные языки объявлялись еретическими и осуждались Церковью. В свете этого, письмотворчество Стефана Пермского, а главное — признание в лице Русской митрополии Православной церковью пермского (коми) языка в качестве богослужебного — явление в высшей степени уникальное. По сути это означало не что иное, как включение пермского (коми) языка в ряд литургических, наряду с греческим, латынью, еврейским и славянским, и это стало возможным только благодаря исключительному церковному авторитету Стефана Пермского. Политическое значение данной акции

¹ Федотов Г.П. Святые Древней Руси.— М., 1992.— С. 137.

заключается в признании Русью языкового идентитета пермского (коми) народа, входящего в состав государства. Никогда и нигде в мире, ни до Стефана, ни после него народы не входили в состав государства таким образом. Конечно, присоединялись к России и другие народы: кто-то добровольно, кто-то нет, но подобной акции — с признанием языковой, национальной и территориальной идентичности небольшого охотничьего этноса — не было не только в истории России, но и в мировой истории в целом.

Деятельность Стефана Пермского по христианизации коми народа обычно трактуется как начало движения Руси на Восток, в Сибирь. Но как-то мало говорится о том, что этим было положено и движение на восток русской культуры. И первым регионом, вошедшим в орбиту русской культуры, стала Вычегодская Пермь. С принятием христианства Вычегодская Пермь включилась в круг православной цивилизации, «мировым» языком которой был русский, а языком письменности — славянский. Первые городки, основанные во времена Стефана Пермского — Усть-Вымь, Яренск, Пырас (Котлас) были организованы по типу русских городков и выросли в совершенно чужом для них языческом лесном kraе. Население этих городков, этнические пермяне-коми, в силу своей причастности к русской вере и к русской культуре, очевидно, называли себя «русскими» — в отличие от жителей леса, сохранявших языческую веру. Получивший русскую образованность культурный пермянин поневоле считал этнически родное чем-то второстепенным, не-культурным, тем, что нужно забыть — и чем скорее, тем лучше. Видимо, это стало одной из причин забвения основанной Стефаном литературной традиции на коми языке. Нам известны имена коми книжников XV века — Гаврилы Лукина, его сына Васюка, попова сына Гаврилова. Известны книги, ими переписанные — это Сочинения Григория Синаита, Номоканон и некоторые другие, очень важные для православной культуры книги, но это книги на славянском языке, а не на пермском — несмотря на то, что оба знали пермскую письменность. Это неудивительно, приобщённость Перми к русской культуре порождала русских книжников, а не коми. Время становления коми литературы на народном языке придёт гораздо позднее, почти через пятьсот лет после Стефана и будет связано с формированием коми культурного идентитета в творчестве И.А. Куратова. Но пока была только одна возможность — стать книжником славянского языка или попросту — русским книжником. Поэтому мы имеем литературную традицию Вычегодской Перми (или то, что от неё сохранилось) именно на русском языке. Как правило, эту литературную традицию называют русской, но с не меньшим основанием её можно причислить к коми литературе на русском языке. Ориентация в этом случае на язык произведения — не более чем ведомственная условность, гораздо более важным показателем национальной литературной традиции в этом случае является духовная связь этих произведений с Коми землёй, с коми народом.

Дошедшие до сегодняшнего дня в списках XVIII–XIX вв. разножанровые литературные памятники немногочисленны и созданы в разное время. Это «Повесть о св. Стефане Пермском», составленная, очевидно, ко времени общерусской канонизации Стефана Пермского 1547 года на основе житийного текста Епифания Премудрого и местных церковных преданий; краткое «Житие Питирима», опубликованное в середине XIX в. И.А. Шляпкиным; «Сказание о пермских

епископах» в составе сборника XVIII века. Цельным повествованием с ясно выраженной историко-художественной концепцией является «Вычегодско-Вымская летопись», составлявшаяся с 1580-х по 1619 годы Усть-Вымскими священниками Мисаилом и Евтихием. В той или иной степени все эти литературные произведения касаются темы христианизации Коми края, поэтому ключевым текстом для них являлось, конечно же, Житие Стефана Пермского. При этом версия крестительской деятельности Стефана Пермского в этих памятниках существенно отличается от Епифаньевской. Если для Епифания важно было показать миссию Стефана как равноапостольное деяние, то в Повести и в Летописи внимание акцентируется на чудесах Стефана — ослеплении напавших язычников и рубке говорящей берёзы. Это тексты другого времени и составлены в соответствии с другими потребностями читателей. В чём же значение сочинения Епифания Премудрого в становлении собственно коми литературы?

Ответ на этот вопрос скрывается в особенностях этого уникального литературного памятника. Как правило, жития святых писались спустя долгие годы и даже столетия после кончины подвижника, когда святость его уже была доказана: его мощи оставались нетленными, чудотворными и т.п. Естественно, что писать о человеке, пусть даже и знаменитом, при отсутствии письменных сведений о нём фактически невозможно, поэтому писатели-житийники ориентировались на устные легенды, а также использовали так называемые «агиографические клише» — образцы деяний одноимённых святых, живших в начальные времена христианства в Египте, Сирии, Византии или Европе. Точно также икона не писалась каждый раз заново: мастера-иконописцы пользовались образцами — «прописями» с икон, написанных в более ранние времена. Поэтому если бы агиограф составлял Житие Стефана Пермского после его канонизации в 1547 году, т.е. спустя 151 год после кончины, то он использовал бы некие церковные легенды и «прописи» с какого-нибудь более раннего жития. Собственно, так и случилось: написанная примерно в эти годы Повесть о Стефане Пермском состоит из цитат из сочинения Епифания Премудрого и легендарных эпизодов с рубкой святителем священной берёзы и ослеплением напавших язычников. Фольклорные мотивы, на основе которых написаны эти эпизоды, имеют достаточно широкое распространение, но также известны и по другим памятникам житийной литературы. Что касается Епифания Премудрого, то он писал своё сочинение синхронно или почти синхронно описываемым им событиям. Это значит, что история о Стефане Пермском произошла на самом деле, и он, составляя сюжет жития, расположил события этой истории в той последовательности, в какой они происходили в реальности. Таким образом, произведение Епифания одновременно и литературное, и историческое. Как историк, он выбрал из хаоса фактов события, связанные с именем Стефана Пермского и историей его деяний по христианизации Вычегодской Перми, определил их значение для русской истории, для православной Церкви, и дал этим событиям первую интерпретацию. Как писатель-агиограф, он разработал житийную концепцию своего произведения, и составил сюжет, учитывающий и литературную концепцию, и хроникальную последовательность реально происходивших событий. Как и в любом другом литературном произведении, сюжет жития имеет завязку, кульминацию и развязку, другое дело, что это и сюжет истории, опирающейся на реальные факты, как сказал бы американский философ Х. Уайт —

«исторической истории». В силу этого сюжет христианизации пермян (коми народа) Стефаном Пермским обретает определённую автономность от своего первоисточника — сочинения Епифания и многократно воспроизводится в различных исторических, агиографических и литературных произведениях, уже и без указаний на первоисточник. Иными словами, для культурной памяти сюжет христианизации становится очевидной данностью: люди знают, как происходили эти события, в какой последовательности и кто в них участвовал.

В основе сюжета жития лежит биография Стефана Пермского и, согласно концепции Епифания, это история его религиозного подвига, равного подвигам апостолов Христа, крестивших разные народы. Завязкой сюжета является, соответственно, история духовного становления святого, далее сюжет разворачивается через мотив решения Стефана крестить Пермь, погрязшую в язычестве. Таким образом, выявляется конфликт сюжета — конфликт между язычеством и христианской религией. Высшей точкой конфликта, а значит и кульминацией сюжета, является эпизод прения и Божьего суда между Стефаном Пермским и Памом сотником. Волей автора или же исторических обстоятельств оба героя становятся носителями противопоставленных друг другу начал — язычества и христианства. В этом противостоянии человеческое неотделимо от божественного, и уже у Епифания угадывается трагедия оставленного народом и своими богами пермского волхва, чутко воспринятая в XIX веке И.А. Куратовым, а затем и авторами XX века. Без Епифаниеевского образца едва ли были бы возможны лучшие произведения И.А. Куратова, К.Ф. Жакова, Г.А. Юшкова, Ю.А. Екишева, О.И. Уляшева. Но это в историко-литературной перспективе, а на ранних стадиях включиться в диалог с русской культурной традицией смог только коми фольклор. Сюжет христианизации, созданный Епифанием, был многократно переработан фольклорной традицией, и результатом этой переработки стало то, что принято называть народной агиографией. Это совершенно иная версия христианизации, с совершенно иным образом Стефана Пермского, объясняющая его культ с народной точки зрения.

В истории сложения фольклорных легенд о Стефане много неясного, их стали записывать достаточно поздно, но одно очевидно — епифаниеевский сюжет дал толчок возникновению легенд о Стефане в коми фольклоре, в свою очередь, некоторые из этих легенд были усвоены книжной традицией и, возвратились в фольклор, обогатившись существенно. Следует также обратить внимание на связь между распространением фольклорных легенд о христианизации и становлением этнического самосознания коми народа (комиэтничности). На сегодняшний день фиксируется для большинства локальных фольклорных традиций бытование комплексов легенд о Стефане Пермском, христианизации. Базовым мотивом, вокруг которого формируется весь комплекс легенд, является мотив путешествия-плавания Стефана на камне, в ходе которого он крестит чудь. Функция этих легенд объяснительная, в своей совокупности они рассказывают о том, как произошёл коми христианский народ, и куда исчезла языческая коми-чудь. Бытование таких легенд явление уникальное, на самом деле, кроме как у коми, ни у одного народа в мире нет легенд о своих крестителях.

Конечно, устные легенды о христианизации не стали началом становления самобытной коми литературы, но значение их в том, что на уровне этих легенд

происходило осмысление и усвоение определённых фольклорно-литературных стереотипов, образов, ставших предтечами будущего литературного процесса. То, что пермская (коми) традиция, через Стефана Пермского, получив воздействие русской культуры, создала «свой» фольклорный образ Степана — стало её ответом русской житийной традиции и началом диалога с ней. Формой диалога с житийной трактовкой образа Стефана является и художественная рецепция темы христианизации и образа Стефана в писательском творчестве И.А. Куратова и К.Ф. Жакова. Эта рецепция во многом близка фольклорной, и, в то же время, является отражением религиозно-философских, эстетических взглядов писателей. И.А. Куратов, задумав поэму о Стефане Пермском и крещении коми народа, обратился к сочинению Епифания как к основному источнику исторических сведений. Однако по мере осмысления событий крещения, фактуры материалов для обрисовки образов основных героев-противников — Стефана Пермского и Пама — Куратов воспроизвёл в поэме не житийный, а народный взгляд на христианизацию, причём, той части народа, которая христианизацию не поддержала. Эта иная, неепифаниевская точка зрения на крещение, предполагала главным героем произведения не Стефана Пермского, а его противника, Пама сотника, и была на то время абсолютно новаторской. В сущности, интерпретация событий крещения с точки зрения Пама переводила сюжет поэмы на иной концептуальный уровень, и это был уровень национальной литературы со своей особой аксиологией и философией.¹ Фактически же опыт Куратова показал, что тема христианизации, столь значимая для коми национального менталитета, является ключевой и для коми словесности в целом — показателем её национальной специфики, и, в силу этого, почвой для обретения автором национальной идентичности. С особой ясностью это показывает литературный опыт К.Ф. Жакова, в творчестве которого христианизация обозначается как концептуальная граница между языческим Золотым веком коми народа и современной историей. Этот исторический переход был неизбежен, но связь с языческим прошлым остаётся показателем подлинности, этничности, изначальной мудрости, знания основ бытия. Не случайно носителем этих черт является сын Пама сотника — Пам Бурморт², носитель особого знания, упоминание о котором проходит сквозной темой в произведениях писателя. В дальнейшем, сюжет христианизации осваивается творчеством М.Н. Лебедева, а после идеологического перерыва в советский период истории возвращается в коми литературу в конце 1980-х – 1990-е гг., и связан с именами Г.А. Юшкова, О.И. Уляшева, Ю.А. Екишева, В.В. Тимина и др. Следует отметить, что в литературном освоении сюжета христианизации и образа Стефана Пермского современные коми писатели, за исключением Ю.А. Екишева, продолжают линию Жакова и Куратова.

Так что же есть литература? Если культура народа — это накопленный им исторический и социальный опыт, то литература — это наиболее яркая,

¹ Лимеров П.Ф. Неоконченная поэма-пьеса И.А. Куратова «Пама»: на пути к национальному герою // Литература Урала: история и современность: сб. статей. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть.— Екатеринбург, 2011.— С. 105–109.

² Лимеров П.Ф. Религиозно-философские взгляды К.Ф. Жакова в книге «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом»// Литература Урала: история и современность. Выпуск 7. Литература и история – грани единого (ко проблеме междисциплинарных взаимосвязей).— Екатеринбург, 2013. Т.2.— С. 251–261.

репрезентативная форма осуществления культуры — именно как культуры национальной. Есть такое выражение — память культуры. Это не значит, что культура просто помнит о своём историческом прошлом, скорее, культура живёт в диалоге со своим прошлым, и этим обеспечивается её стабильность. Память культуры коми народа начинается с событий, описанных Епифанием Премудрым. Хотим мы того или нет, но у нас нет истории до этих событий. Но вот что интересно: Епифаний пишет историю о том, как монах из Ростова просветил коми народ христианской верой и коми грамотой. И если мы примем положение, что это — литературная история, в которой и Стефан Пермский, и коми народ, и выдающийся Пам сотник выступают в качестве литературных героев, то становится понятно, почему самые талантливые коми писатели вновь и вновь возвращаются к истории, рассказанной Епифанием, дополняя её, внося новые эпизоды и другие смыслы — они словно бы надеются, что эти исправления могут повлиять на реальную историю, и мир коми народа станет чуточку стабильнее, лучше, счастливее.

Творческий гений Каллистрата Жакова, продлившего историю Пама сотника до начала XX века, представил нам образ Ена, Бога-читателя, в небесной книге которого записаны судьбы всего мира и каждого из нас в отдельности. В этой книге все мы всего лишь литературные персонажи, действующие по замыслу всемогущего автора.

На Запад шли...

Стихи поэтов-фронтовиков

Фёдор Щербаков

Фёдор Васильевич Щербаков родился 2 марта 1914 года в селе Туръя Яренского уезда Вологодской губернии. Учился в Ухтинском горном техникуме. В 1942–1943 годах воевал на фронтах Отечественной войны, был тяжело ранен. После возвращения с войны учился в Коми пединституте, работал учителем, радиожурналистом, редактором в Коми книжном издательстве, сотрудником газеты «Югыд туй».

Писать начал с 1935 года, с 1953 года член Союза писателей СССР. Сформировался как поэт-песенник и лирик, которому удавались стихи о природе родного края и жизни коми народа, о любви и дружбе. Он напи-

сал также две героические драмы в стихах «Кир Вась» и «Домна Каликова». По второй драме ленинградский композитор Б. Архимандритов написал оперу. Фёдор Щербаков перевёл на коми язык много произведений русских прозаиков и поэтов: А. Пушкина, М. Салтыкова-Щедрина, В. Осеевой и других.

Умер 7 июня 1978 года. В его родном селе Туръя открыта первая музей-библиотека, которая носит имя поэта.

«Мы шли вперёд...»

* * *

В грохоте снарядов
Снова день погас.
Вот уж третья сутки
Не смыкаем глаз.

Где-то рядом с нами
Гибнет человек:
От горячей крови
Тает, тает снег.

А живые — дальше
Под огнём идут...
Может, только ранят,
Может, не убьют...

В час затишья

Дождь омыл российские поля,
И трава, и листья посвежели,
И рванулись к небу тополя,
Длинные вытягивая шеи.

В этот день, от солнца золотой,
В это утро — тихое такое
Мне б идти за плугом бороздой.
Выводить бы стадо к водопою.

Мне б косить на Пожеге траву.
Мне б вязать в полях снопы тугие...
Только это сон, а наяву
Мне картины видятся другие.

Бой идёт, и всюду непокой,
И на мне — солдата гимнастёрка,
И ряды окопов за рекой
Вьются от пригорка до пригорка.

Вот иду навстречу смерти я,
И лицо мне опаляет пламя,
И кружатся стаи воронья
По ночам над ратными полями.

Родина!

Над головой врага
Подняла ты меч свой справедливый,
Чтоб тучнели сочные луга,
Чтобы мирный день вставал над нивой;

Чтоб, просёлком солнечным пыля,
Под дугой бубенчики звенели...
Дождь омыл российские поля,
И трава, и листья посвежели.

На Запад шли

Была, как месиво, дорога,
Был нескончаем долгий путь.
Хотелось отдохнуть немного
Да и горячего хлебнуть.

И наш майор — мой друг из Клина —
Сказал, надежду затая:
Вот доберёмся до Берлина,
Тогда отдохнёмся, друзья!

Передохнув в хатёнке стоя,
Ушли мы снова снег толочь,
И что стряслось на поле боя,
Об этом знает только ночь.

Лес опустел, и снег багровый
Темнел и оседал на пни.
И, как Иисус, комбат бескровный
Лежал, раскинув пятерни.

Мы шли вперёд, Руси солдаты,
И силой ненависти всей
Теснили недругов к закату
И грозно мстили за друзей.

Потом в деревне молча ели,
Потом ложились спать в углы,
Лесные снежные постели
Сменив на тёплые полы.

Переводы с коми Малышева Николая Иосифовича

Щербаков Ф.В. Годы, расскажите о себе : стихи, песни, поэмы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. – С. 59, 57–58, 60.

Ананий Размыслов

Ананий Прокопьевич Размыслов (1915–1943).

А.П. Размыслов родился 6 ноября 1915 года в селе Палевицы Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В 1931 году закончил Усть-Вымскую школу II ступени и поступил на курсы литературных работников, после окончания которых стал редактором Кomi книжного издательства. В 1933–1937 годах учился в Вологодском автодорожном техникуме, работал техником по строительству автодорог. С 1940 года сотрудник газеты «Коми комсомолец». В годы войны участвовал в боях под Воронежем, на Дону, на Украине. 30 сентября 1943 года старший лейтенант А.П. Размыслов погиб смертью храбрых в сражении за Украину.

Писать он начал ещё в школьные годы. Позднее создал поэму «Первая любовь» и ряд стихотворений, перевёл на коми поэмы Пушкина, стихи В. Маяковского, а на русский — стихи Куратова. А. Размыслов навсегда остался первооткрывателем жанра лирической поэмы в коми литературе, а в жизни сам повторил путь своего героя Гриши, геройски погибшего при охране государственной границы. Его творчество явилось выражением дум и настроений молодого поколения нашей страны 1930–1940 годов. Защищая Украину, он погиб у села Великая Кохновка, недалеко от города Кременчуга. Память о нём сохранилась. Его поэма «Первая любовь» опубликована на украинском языке в краткой антологии коми поэзии «Песни над Печорой».

Некоторые его стихи переводил с коми Арсений Тарковский.

Брату

С Запада, из дальней стороны,
Шлю большой привет тебе, братишка.
Этим летом ты меня не жди,
Но не надо убиваться слишком.

Дремлет летним вечером село.
Вычегда устало катит воды.
Все уж спят. Но не пришла ещё
Наша мать, наверно, с огорода.

А вернётся — знаю, перед сном
Всех детей своих она вспомянет:
Где они теперь,
В kraю каком
И в какую даль судьба их манит?

Девять братьев и сестёр, росли
 Все мы вместе, под одною крышей...
 Много троп во всех концах земли
 И свою дорогу каждый ищет.

Вырастешь и всё поймёшь ты сам,
 Сам найдёшь своё большое счастье...
 Только помни: трудно старикам
 Разрывать свою семью на части.

А пока играй и веселись
 Нашим милым старикам на радость.
 Бегай, пой, ершей в реке лови —
 Вешать, братец, голову не надо!

Отгони свою пустую грусть.
 Я скажу, братишка, откровенно:
 Этим летом, может, не вернусь,
 Но вернусь домой я непременно.

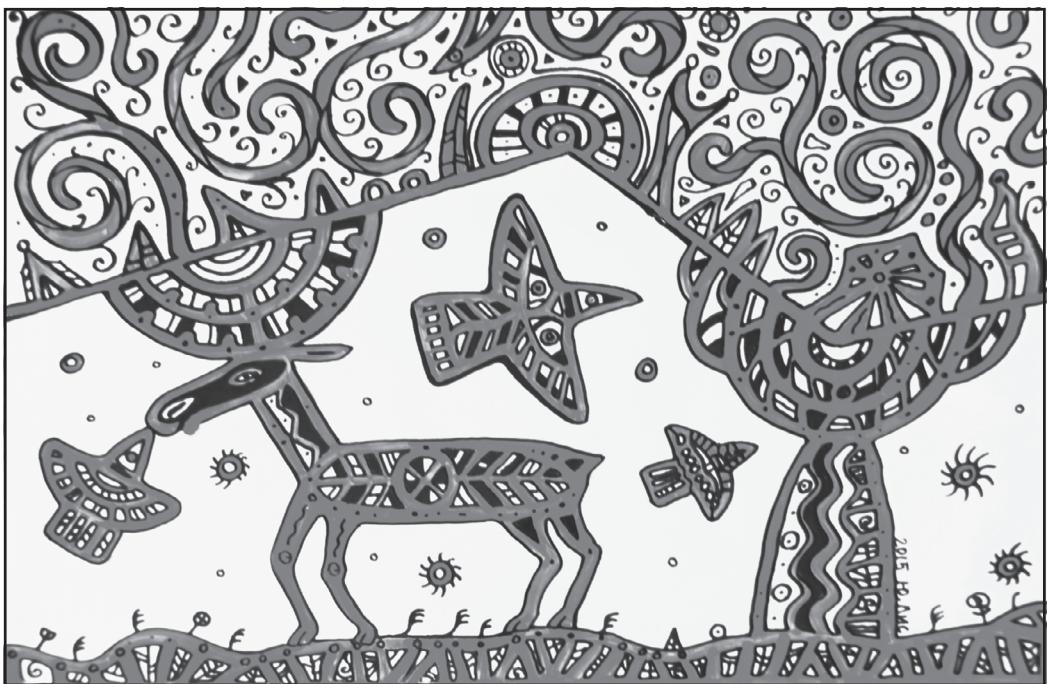
Перевод Г. Луцкого

Источник:

Ананий Размыслов : стихи, письма, воспоминания, критика / Сост. М.В. Сизов. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. — С. 227.

Проза. Поэзия

Андрей Расторгуев

Андрей Петрович Расторгуев (р. 1964) — российский поэт, переводчик, журналист. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, автор нескольких поэтических книг; кандидат исторических наук. Живёт в г. Екатеринбурге. Андрей Расторгуев является постоянным автором журнала «Север» (Петрозаводск), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учёба» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Простор» (Алма-Ата). Поэтическую деятельность он удачно совмещает с амплуа переводчика — переводит на русский язык стихи финно-угорских поэтов. В свою очередь, стихи Расторгуева переводились на коми, венгерский, финский и башкирский языки.

Время наше

Ыб

Елене Габовой
и Петру Столповскому

На стенке дома в селенье Ыб —
лёгкая стайка летучих рыб,
как на волне или полотне.
Клёв невелик при большой луне,
где бы и взяться плоти плотвиц.
А может статься, то стая птиц...

Дерево изнемогло во мгле —
в чёрном тепле на сырой земле,
но, как на будущее крючки,
неистребимы его сучки —
жизни добавка, души припёк
за прорастание поперёк.

Из потревоженной целины
не взращены, но возвращены,
это они на пытливый взгляд
против теченья плывут-летят,
крыльями связывая следы
неба, земли и большой воды.

Не на приманку и не в узде —
только на тонком стальном гвозде
держатся, чтобы не унесло
полой рекой поутру село
в купах черёмух и древних ив
и его имя чудное — Ыб.

* * *

...Самостоянье человека,
Залог величия его...

A.C. Пушкин

Кто увещал нас поучительно,
тот понимал наверняка:
самостояние мучительно,
когда гордыня велика.
Какое к дьяволу величие,
когда ты горло застудил
о ледяное безразличие
филологических светил?

Но впрямь бывает уморительно,
хоть отвратительно притом,
глядеть на тех, кто осмотрительно
передвигается гуртом,
а веселей того — внимательно
на перекрестье дорог,
где судит всех самостоятельно
и непременно замечательно
кто несомненно одинок...

* * *

Когда всему своё отведено,
что проку в параллелях и повторах?
Берёза сеет рыжее зерно,
а лиственница сыплет жёлтый порох.

Всё — реплика, отава, лебеда,
одна вода по замкнутому кругу.
Все провода, года и города,
и жизни откликаются друг другу.

И, ощущив далёкое родство,
быть может, даже ладящий петличку
не пресечёт дыханья своего,
когда услышит эту перекличку.

* * *

Когда на закате укажет заря
не преобразиться — так переодеться,
глубокие реки впадают в моря,
а люди впадают в глубокое детство.

Что перетекло в деловой календарь,
начислено в столбик, написано в строчку —
как телекартинка двуцветная встарь,
сливается в луч, собирается в точку.

И ты остаёшься один на один
с волною, отзывчивой на непогоду...
Так рыба летучая или дельфин,
взойдя из воды, возвращается в воду.

Но, чуя аортою вечную связь,
гребёшь к небосводу, противясь измору.
Предтечи твои, до крови просолясь,
решились — и всё-таки вышли из моря.

* * *

Словно держа в голове ежа,
рыщем по белому свету счастья...
Если остался — не уезжай,
если уехал — не возвращайся.

Пусть железа разъедает ржा,
не сторожа мы кандалльной части.
Если остался — не уезжай,
если уехал — не возвращайся.

Лишку елея родне не лей
и с неродными не жди затишья...
Если остался — не сожалей.
Если уехал — не возвратишься.

* * *

Не уходи, не засыпай — со мной побудь ещё
и обними, и поцелуй, как полагается...
Нам всё труднее говорить о дальнем будущем,
как будто даль земная не отодвигается.

Сего ли мира мы делами и повадками,
попыткой тщетною не опускаться в пошлое?
Но осязается лопатками и пятками,
едва минут, каменеющее прошлое.

Вчера услышал, как болтали две студенточки —
кто наперёд какие виды-планы выдумал.
Мне усмехнуться бы — мол, размечтались деточки,
а я не до смерти, но грешен — позавидовал.

Зачем завидовать, коль каждому достанется?
Когда устанется, тогда и станет пятница...
И если нам с тобой дороги не останется,
услышит вечный окоём — да и попятившись.

Канал Грибоедова

Екатерине Полянской

Неразличима глубина
в Екатерининском канале.
Вода высокая темна —
как целина, что распахали.
Не подымая головы,
в перевороченные степи
глядят эпические львы,
зубами стиснувшие цепи.
Не чая кучерской вожжи,
на межсезонной пересменке
экскурсионные баржи
уткнулись в каменные стенки...

Все прихотливые винты
креплёной мужиками сушки —
неистребимые черты
глухой болотистой Кривушки.

И у Казанского моста
приходит на душу в итоге:
какие русские места
поднялись из чухонской топи...

* * *

Сею вновь огородную зелень
в черноту перекопанных гряд.
Это тяга к земле, а не в землю —
дети пусть, что хотят, говорят:
мол, погода на свете иная —
даже иней гораздо иней...
Что я сею и что пожинаю,
здесь по осени много видней.

* * *

Время наше не сочтено
ни обидами, ни рублями.
Мы из тех, что идут на дно
с городами и кораблями —
не прикованные к веслу,
не затерянные в крапиве,
но причастные ремеслу
хирургии и терапии.

Лён и скальпель, игла и нить.
Слово — тело, не только дело:
что разъято — соединить,
упокоить, что омертвело.
Океан или перегной —
припадай к поднесённой чаше.
Нет воды и земли иной.
Время наше — и бремя наше.

Яблони Валаама

I

С ветхозаветного Адама
тысячелетия храня,
на мягких лапах Валаама
лежит гранитная броня.
Но человек не знает меры
своих неимоверных сил —
и устыдились маловеры,
и камень заплодоносил.

В северорусские просторы
давно, как будто испокон,
глядят израильские горы
Фавор, Сион и Елеон.
Когда бессмысленно опасный
огонь пойдёт по головам —
как Иерусалим запасный
волнам открытый Валаам.

Пока в неимоверной каше
не потемнела высота,
успей к молению о чаше
у Гефсиманского скита,
дыханием неплотоядным

открыв на кончике весла
в одной из валаамских яблонь
познание добра и зла...

II

Старуха с косою — пугалка,
осада телесному лишь...
Монаху надгробием — галька,
окрашенный белым голыш.
Чьё бренное тело почнет,
земно поклониться кому?
Мирская молва ни к чему
усопшему в ангельском чине...

Искателю истин подсказка,
из дальних пришедшему мест:
облупится белая краска,

истлеет воздвигнутый крест —
серебряный ли, золочёный...
Все наши мирские следы —
окатыш, волнами точёный,
у ладожской серой воды.

А, может быть, в добroe время
на почву и он упадёт
как яблони малое семя,
что на Валааме растёт.

III

Норовистое Ладога-море
переменчиво, как времена.
В Спасо-Преображенском соборе
именитых людей имена.
Не былых родовых — нуворишей,
на изломе страны наваривших
то, что ныне на Божеский суд
соразмерною платой несут...

Под смиренною сенью собора
умеряется праведный гнев —
да не станут плодами раздора
нам плоды валаамских дерев.
Я и сам не являю отвагу
страдовать не во имя своё,
уповая всерьёз на бумагу
и на долготерпенье её,
но и не укреплённый обетом,
как бывало, в закатную тишину
по озёрной воде рикошетом
не швырну валаамский голыш...

*31 июля – 3 августа 2013 г.,
о. Валаам – п. Марциальные воды – Петрозаводск*

Питирим Сорокин

Питирим Александрович Сорокин (23 января 1889, село Турья Яренского уезда Вологодской губернии Российской империи — 10 февраля 1968, Винчестер, Массачусетс, США) — русско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Предтеча*

Роман

Начало в №№ 3 и 4 2014 года

Посвящ. Е.П. Баратынской

Часть третья

Полдень

Глава 5

...

— Пожалуйте, очень, очень рад Вас видеть, ну садитесь, Семён Столпник,— протягивая руку Никуличеву, встретил его Каракозов.— Ну как Ваша работа, и скоро ли конец Вашему искусству?

— Благодарю Вас, Михаил Михайлыч. Работа подошла почти к концу. Вот на этот счёт я и приехал поговорить с Вами. Вы прочли английский текст моей книги?

— Да, и скажу прямо, с большим удовольствием. Мало того, я уже послал по её поводу большую статью в «Sociological review». В ближайшей книге она будет напечатана. Кроме того, я написал президенту Академии политических и

* Роман подготовлен к публикации М.В. Ломоносовой.

моральных наук в Париже по поводу французского издания Вашей работы. Написал о ней и секретарю международного социологического института.

— Я очень, очень благодарен Вам, Михаил Михайлович.

— Ну полноте. Благодарить тут не за что. Ваша работа и Ваша книга — явление исключительное, а потому было бы глупо и неумно не содействовать и не ускорить её успех, несомненно обеспеченный. Ну, а здесь, помимо всего, есть у меня и своя корысть. Как ни как, Вы мой бывший ученик, правда, обогнавший далеко своего учителя. В своём труде Вы не раз ссылаетесь и на мои писания. Стало быть, лучи Вашей славы косвенно падают и на меня,— широко улыбаясь продолжал Каракозов.

— Вот в чём дело, Михаил Михайлович. На днях выходит русский текст моей книги. Работа главная у меня почти что закончена, и мы с доктором Кобылинским решили выйти на улицу. Думаем наш выход начать с Академии. Одновременно с выходом книги мы бы хотели сделать доклад о нашей работе и опытах в Академии. Как Вы думаете, можно будет устроить это?

— Можно-то, оно пожалуй, и можно. Но какой прок от этого? Стоит ли овчинка выделки? Что Вам могут сказать эти почтенные, слепые, глухие и чающие движения воды? Иное дело, ежели бы Вы представили им мемуар по фонетике алтайских языков, или толкование такого-то места Брихаспата, или о количестве надела крестьян царя Салтана,— тут бы они поговорили.

— Дорогой Михаил Михайлович, само по себе мнение почтенных академиков для меня не важно. Но важно оно в ином, чисто общественном значении. Вам уже известно, что я не собираюсь довольствоваться чисто теоретическим значением наших работ. Это лишь первая ступень. Смысл же и значение их в том, что они должны сделаться практической силой, орудием социальной перестройки и прогресса.

Вокруг них должна завязаться борьба и борьба жестокая. Это раз; во-вторых, в тех же целях — я хочу добиться признания моей системы государством, в-третьих, для широкого осуществления нашей системы — нам нужны будут громадные деньги. А Вы знаете глупость нашей публики. Ей нужны патенты и гарантии. Одной из таких гарантий в её глазах является приговор Академии. Вот причины, почему мы находим уместным и нужным выступления в ней и желали бы, чтобы заседание было не закрытое, а открытое, с привлечением всех тех, кто сколько-нибудь смыслит в этих вещах.

— Пожалуй, Вы и правы в этом смысле. Но я боюсь одного: ведь за исключением одного-двух академиков, едва ли кто из них понимает что-нибудь в исследуемых Вами вопросах. А так как Вы бунтарь и подлинный новатор в этой области, то как бы за Вашу непочтительность они не вздумали покарать Вас.

— Ну, это уж не так страшно. Я им дам не только теорию, но и осознательные практические опыты. Кроме того, я намерен устроить доклад лишь тогда, когда у меня будут отзывы иностранных учёных. Этого, я думаю, будет достаточно, чтобы заставить их действовать так, как мы хотим. Из боязни скомпрометировать себя они будут принуждены санкционировать наши работы.

— Я берусь устроить Вам это: к какому же времени приурочиваете Вы заседание?

— Думаю, недели через три. В числах двадцатых ноября.
— На этом, значит, и порешим. Превосходно, а теперь пойдёмте завтракать...

Глава 6

Надежды Никуличева и Кобылина, возлагавшиеся на успех их книг за границей, не только оправдались, но и превзошли их ожидания. На столе Никуличева лежал уже ряд журналов социологических, психологических, философских, педагогических и даже социалистических с целым рядом статей, посвящённых и вызванных их книгами. Кроме того, Никуличевым и Кобылиным был получен ряд писем от учёных и специалистов с благодарностью за присылку книг, с лестными отзывами знаменитых учёных, с приглашениями от ряда научных обществ приехать и прочесть доклады, с запросами относительно тех или иных деталей, с просьбой разрешить приехать и познакомиться с лабораторией на месте, с просьбой к Кобылину прислать «сверхумород» или указать, где можно купить его и как пользоваться им и т.д. и т.д.

В ряду этих писем и статей особенно обрадовали того и другого учёного статья знаменитого английского учёного Вильяма, помещённая в «Бюллетенях Лондонского Королевского Общества», и статья французского академика Фуше, напечатанная в «Социологическом обозрении». И тот и другой дали работам учёных самую лестную оценку.

«Работы и опыты гг. Никуличева и Кобылина,— писал первый,— открывают новую эру в истории социальных наук и новую эру в социальном творчестве культуры. В них нет фраз — есть только доказанные истины. Нет туманностей и неясностей — напротив, всё точно и ясно измерено. Смелые, даже дерзкие мысли построены на прочном фундаменте кропотливого исследования и осторожного анализа фактов. Нет здесь и бессмысленного нагромождения последних, ни беспочвенной дедукции. Что касается тех практических последствий, которые будут вызваны ими, то я не сочту неосторожным сказать: эти результаты будут громадны. Я не хочу быть пророком, но полагаю, что многое отныне должно будет измениться; и кто знает, быть может, эта система заставит пойти по новому руслу всё наше обучение, воспитание, социальную борьбу и весь социальный уклад. Работа этих двух учёных — явление необычное» и т.д.

Не менее лестной была оценка и Эмиля Фуше.

Из других писем обращали на себя внимание два письма: Гильома Мориу,— председателя международного социалистического Союза, и г. Бару,— государственного секретаря Северо-Американских Соединённых Штатов, бывшего профессора Социологии в Чикагском Университете. «Многоуважаемый г. Никуличев и дорогой коллега! — писал Мориу.— Я только что закончил чтение Вашей книги и книги Вашего друга, доктора Кобылина. Пока я не могу дать своё более подробное и ясное мнение о них, в особенности о Вашей книге, непосредственно относящейся к социальным вопросам и, частности, социалистической практике. Ограничиваюсь этим письмом. Начну с того, что Вы заставили меня усомниться во многих вещах, и подвергнуть сомнению лозунги, до сих пор считавшиеся аксиомой. Это уже много. Наша работа,— я говорю «наша» потому, что хотя

лично и не знаю Вас, но по духу Вашей книги вижу, что Вы наш, Ваши цели — народные цели, ваша забота — забота о массах, Ваше оружие служит нашим задачам — эта наша работа, быть может, кое в чём и проигрывает от вашей книги, но, насколько я теперь могу судить, благодаря Вам же она получит и новую и, смею думать, более правильную постановку. Боюсь одного, как бы выкованное орудие не захватили наши социальные враги. Но это уже наша вина. Пока же присланная Вами книга изучается рядом наших теоретиков и в ближайшем будущем, вероятно, будет немало вопросов и статей по её поводу. Позвольте поблагодарить Вас от души за Ваш смелый план социального переустройства и разрешите включить Вас в число членов нашего Института. Так или иначе Вы «наш». Быть может, мы многое отвергнем из Ваших предложений, но, несомненно, останется от книги многое, что принадлежит «вечности».

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам Г. Мориу.

Если понадобится Вам какая-нибудь помощь, то всегда можете рассчитывать на меня.

Ваш Г. Мориу».

Письмо же Бару было чисто делового свойства. Бывший учёный и тщерешний государственный секретарь Штатов предлагал прислать от имени Штатов трёх учёных для детального знакомства с системой Никуличева и Кобылина. Система нового воспитания и обучения показалась Бару настолько ценной и плодотворной, что он хочет сделать опыт широкого применения её в одном из Штатов Америки. Если коллега учёный ничего не имеет против, то он пришлёт специалистов для знакомства на месте с его теориями, лабораторией и т.д. В конце письма Бару предлагал приехать Никуличеву в Штаты, чтобы непосредственно руководить государственным применением его теории и методов.

Аналогичные письма имелись от директора тюрем в Пенсильвании, Италии, от председателя Международного Союза Криминалистов и т.д.

В ряду этих писем и было письмо издателя, сообщавшего, что первое издание книг обоих учёных разошлось, и предлагавшего на новых, весьма выгодных условиях, выпустить новое издание.

Ряд таких же писем от физиологов, биологов, психологов и знаменитых медиков имелись и на имя Кобылина. Помимо их — несколько компаний предлагали продать им патент на его «сверхумород». Суммы были весьма значительны.

С одним из таких писем в руках Кобылин вошёл в кабинет Никуличева.

— Не хочешь ли, Дмитрий, разбогатеть? Изволь, посмотри, пишут мне...

Никуличев взял письмо, в котором крупнейшая немецкая фирма химических препаратов предлагает Кобылину 150 000 марок за его изобретение.

— Цена приличная, — прочтя письмо, сказал Никуличев. — Как же ты решаешь?

— Никак.

— То есть?

Чёрта с три я продам им сверхумород. Для них что ли я изобретал его? Пожалуйте, купите. Назначьте по 10 руб. за коробку и продавайте богатым. Коли будешь иметь деньги — так будешь умён, а беднячки — и без уморода проживут.

Как бы не так... Не на того, черти полосатые, напали. Я изобретал умород для всех людей — и все его получат и получат бесплатно, как воду и воздух. Иначе — пусть он пропадает.

— Руку, Иван!..

Кобылин протянул руку и крепко пожал, в свою очередь, руку Никуличева.

— Я не выпущу и не опубликую его состав до тех пор, пока государство не поставит себе в обязанность раздавать его даром, совсем даром, всем тем, кому оно будет нужно. Ну, ладно, не буду мешать тебе, да и мне надо в лабораторию. Прощай!

Никуличев остался один и снова принял за перелистывание писем и статей.

В полусумраке кабинета половина его головы ярко освещалась лампой. Большой, квадратный и крутой лоб, благодаря игре света, казался ещё большим. Ровный огонь электричества делал ещё более бледным и неподвижным лицо учёного. Кончив чтение, он повернулся к кнопке, взял газету и перешёл к ярко горевшему камину.

В дверь постучали.

— Вам письмо и газета из редакции, — подал студент.

— Благодарю Вас, — ответил он, — и распечатал небольшой серый конверт. Это было письмо Воеводской, адресованное в «Обозрение» и доставленное с опозданием.

Никуличев прочёл, и улыбка промелькнула по его губам.

— Вот как, Елизавета Александровна. Вы думаете, что «нам видеться незачем». Нет, мы увидимся и скоро, — подумал он. И улыбка снова пробежала по его губам.

— Вы думаете, в этой статье я весь, и у меня нет более ничего за душой? Как Вы ошибаетесь, Елизавета Александровна, — пробежало в его голове. — С таким багажом я бы не выступил. Мою статью написал бы всякий неглупый и бойкий публицист, если бы всё дело было только в этой статье. Подождите ещё немножко и тогда Вы увидите меня во весь рост. Посмотрим, что Вы скажете тогда?

Огонь ярко горел в камине и то вспыхивал, то успокаивался. Статуя Леонардо то ярко выступала из полусумрака кабинета, то снова расплывалась в белое неясное пятно.

— А статья, ведь, произвела шум? — думал далее Никуличев, и горько улыбнулся. — Как мало нужно для того, чтобы быть известным и популярным. Стоило написать бойко и неглупо статью, выругать болтунов, что смог бы сделать всякий умный человек, и есть уже имя, есть уже известность.

Напиши он ещё две-три таких статьи, и его имя было бы именем улицы. И теперь уже «Отверженного» знают, и теперь уже приглашают его на лекции, собрания и в органы печати. А за что? За то, что хорошенъко выругал пустых фразёров, кроме слов и фраз, не имеющих ничего и льющих словесную воду на пустые колёса пустых человеческих дум, падких на всякую глупость, не умеющих отличить правой руки от левой. Не в этом ли заключаются все заслуги большинства «учёных», популярных писателей и общественных деятелей? Разве это не те же пустые души, с хорошо довешенными языками? Разве вся их заслуга не исчерпывается взаимной руганью, в которой один старается перецголять другого? Так как большинство из них ничего не знает, а ещё менее их знает улица — то и получается с виду нечто учёное и умное в их перебранке. В итоге создаются

«имена», выделяются «таланты», и актёры мысли и дела получают высокий курс на человеческой бирже. Слепец ведёт слепца, а толпа, как бараны, вьёт им венки, окружает их фимиамом и превозносит их до небес. О глупое, преглупое человеческое стадо,— с горькой улыбкой думал Никуличев.— Когда же ты поймёшь? Когда научишься хоть сколько-нибудь разбираться в твоих вождях и паstryрях? А казалось бы, пора уже научиться. Ошибкам нет конца, глупости — тоже. Лишь временами появлялись подлинные творцы и толкали тебя против воли и желания вперёд.

А современные популярные и известные лица? Разве это не нули, круглые, чистые, пустые нули?

— Э, впрочем, не стоит думать об этом,— проговорил Никуличев.

Его взгляд снова упал на записку Воеводской.

— Смешно... Сколько шума вызвала эта статья. Появился вслед за ней ряд новых. Одни соглашались с ним, другие защищали Воеводского. Обрадовались болтуны...

А ответная статья Воеводского? Жалкая статья завравшегося и избалованного ребёнка. Тон её был напыщенный, торжественный, как будто профессор снисходил до своего оппонента.

Но кроме тона и остроумных словечек в ней ничего не было. Ни один из его аргументов не был разрушен, не одно положение не было опровергнуто. Бедный фразёр, погубленный своим успехом и человеческой глупостью...

Бедная Елизавета Александровна... Её записка — холодна и горда, как холодна и горда и её статья, направленная против него...

Читая строчку за строчкой он оживлял её мысли и чувства. В статье, несмотря на холодный тон, временами прорывалось бессилие и какая-то надломленность. Ряд строк говорил ему, что тут она сама переставала верить в то, что защищает. Как будто он придавил её камнем своих положений и она пыталась сбросить эту тяжесть и... не могла. Некоторые строки были понятны, пожалуй, ему одному. Под нейтральной формой полемики в них скрыт был интимный личный упрёк, недовольство и гнев. Они говорили: «Ведь я не виновата, что ты завидуешь Воеводскому, что он победитель, а ты побеждённый, что он прославился, а ты банкрот, и теперь мстишь ему и жалишь его в пяту, хотя и чувствительно, но не опасно».

— Понимаю, очень хорошо понимаю Вас, Елизавета Александровна. Боюсь одного, что тон Ваш скоро будет иным, очень скоро. И для Вас, и для Вашего мужа и всех гуманных либералов достаточно будет моей ответной статьи. Там я окончательно раздел Вас и оставил нагими, чистыми, как пустота. Только безнадёжно глупые не согласятся со мной. А толпа? О, эта статья убедила её! Для этого-то он и написал её так резко, одел свои мысли в убийственный стиль, напитал статью ядом иронии.

Толпа будет моей. Раз она может принимать пищу только в такой проправе — пусть получает её.

Я дал ей это. Когда же он раскроет свои карты вполне, они убьют её. Уже лежат на столе веяния славы и плоды его работ. Он уже признан и известен. Через месяц-два он будет знаменит. К его имени пришлют эпитеты: «талантливый, гениальный, великий учёный, наша гордость» и т.д. Та людская толпа,

которая до сих пор не хотела знать его, пойдёт за ним, будет жевать его имя. При его появлении будут пальцами показывать на него; старцы и мужи с уважением пожимать его руку, юноши — смотреть ему в рот, а женщины — о, эти куклы будут косвенно предлагать себя: «Возьми, осчастливь, отдохни наедине со мной, дай обнять и поцеловать тебя». Целыми стаями они будут бегать за ним — и юные, и старые, и кокетки, и наивные. Одним он нужен будет для салона, другим — для того, чтобы прославить себя по примеру любовниц гениев, третьим — просто ради хвастовства, а четвёртым — ради него самого. Придёте, пожалуй, и Вы, Елизавета Александровна. Посмотрим тогда, какую роль будете играть. Будет довольно забавно,— и горькая улыбка снова промелькнула на губах учёного. Камин потух. Пора было спать.

Глава 7

— Не угодно ли прочесть,— протягивая повестку жене, сказал Воеводский. Повестка была от Академии Наук и извещала, что 23 ноября в 7 с половиной часов вечера состоится публичное соединённое заседание отделения социально-философских и медицинских наук. Предметом заседания будут доклады Д.Н. Никуличева «Механика человеческого поведения и новая система интеллектуального и морального воспитания» и И.П. Кобылина: «Интенсивная траты нервной энергии и способы её восстановления». В повестке значилось, что доклады будут сопровождаться демонстрированием детей, воспитанных по новой системе, и что после доклада будут прения.

— Любопытно,— процедила Воеводская.— Ты думаешь пойти?

— Не знаю, стоит ли? Темы любопытны, но можно ли ждать чего-нибудь нового от Никуличева?

— Раз допустили его до доклада в соединённом заседании, да ещё публичного — значит, доклады действительно интересны. Я бы, пожалуй, пошла.

Тогда идём. Тем более, что это хороший случай познакомиться с ним, да, пожалуй, и рассчитаться кстати.

— Я то же думаю.

Повестка Академии наук была большой неожиданностью для Воеводских. О работе двух друзей, как и многие, не знали ничего. До случайной встречи на концерте, а равно и после неё, Никуличев был забыт. Впервые о нём вспомнили после его статьи, посвящённой критике гуманизма и Воеводского. С тех пор оба супруга не забывали «Отверженного». Если первая статья учёного была ошеломляющей, то его ответ на статьи Воеводского и его сторонников был поистине уничтожающим. Один только стиль и тот обращал на себя внимание. Искусно вскрывши бессодержательность ответов, «Отверженный» с редким сарказмом осмеял напыщенный и высокомерный тон «его светлости, г. князя», вообразившего, что он с высоты своей светлости разговаривает со своим лакеем; подчеркнувши эту внешнюю значительность тона, автор изящно провёл параллель между стилем Воеводского и пшютом из золотой молодёжи, тон которого всегда значителен, но за душой которого ничего нет. Не пропустил он случая высмеять и бессодержательную реставрацию старого византизма в любимых фразах Воеводского: «мистический», «Св.Троица», «религия великого духа» и т.д. и т.д.

В статье имелись также строки, специально написанные для Воеводской. Смысл их говорил ей, что она поторопилась в своих выводах насчёт его зависти и мести. Автор скрыто говорил, «подождите немного, и тогда Вы увидите, кто победитель и кто побеждённый. Разве уж теперь не ясно для Вас, что у Вас и Вашего мужа нет ничего за душой, кроме фраз?» Статья имела громадный успех в обществе, некоторые слова были настолько остроумны, что даже попали на страницы сатирических журналов.

В Воеводском статья вызвала решительное чувство вражды к Никуличеву. В его представлении теперь он рисовался каким-то «человеком с улицы», научным авантюристом, из зависти жалящим его самым неприличным образом. Избалованный успехом, привыкший к похвалам, он самоё выступление против него в глубине души считал непозволительной дерзостью. Он мог бы ещё примириться с нападением, если бы оно исходило от известного учёного и не было бы столь резким. А тут, с позволения сказать какое-то ничтожество, какой-то неудачник, бывший его соперник, осмелился поднять на него руку и поднять дерзко и смело.

— Нахальство,— думал Воеводский, читая статью, — научное хулиганство.

Но это хулиганство было метко по его главным позициям. Попытка отпарировать удар вызвала ещё более резкое нападение. Не отдавая точного отчёта, Воеводский бессознательно чувствовал, что отвечать ему нечего. Туманные и неясные фразы, годные для других, не годились для «Отверженного». Он ловко распутывал и не без умения вскрывал их пустоту. Оставался только один выход: молчать, делать вид, что он игнорирует противника и находит недостойным для себя спорить с «человеком с улицы». В этом роде и напечатано было им письмо во «Времени» и «Звуке».

Поступая так, Воеводский рассчитывал ликвидировать этим путём полемику. Он ничего не знал о работе Никуличева и потому полагал, что этого жеста будет достаточно. «Мало ли есть всяких проходимцев, не отвечать же на все их нападки», — таков был смысл его «Письма в редакцию». Несколько иные чувства вызвал ответ «Отверженного» в Елизавете Александровне. Читая первую статью, она уже поняла, что тот, кого она считала неудачником, не совсем таков. Его слова сильны, мысли ясны, удары — разрушительны.

Написав ответную статью, она временно успокоилась.

Когда же она прочла ответ Никуличева, впечатление получилось иное. Сомнения, вызванные первой статьёй, теперь окрепли: многие положения социально-философской системы её мужа здесь были окончательно дискредитированы. «Отверженный» снимал одну словесную завесу за другой и говорил: «Посмотрите, что там за завесой». Читатель смотрел и видел одно: пустоту, пустоту и пустоту. Вместо стройной системы получался какой-то винегрет, складочное место, где были перемешаны огрызки самых различных теорий и мыслей. Вместо прекрасного плаща получались одни отрепья, сшитые из разных лоскутьев. А тут ещё личная угроза, гласившая: «Подождите немного и Вы увидите».

Теперь Елизавета Александровна увидела свою ошибку. Она поторопилась отнести Никуличева к неудачникам. «Банкроты так не пишут и не говорят».

Вместе с этими мыслями новое чувство прокрались в её душу. Многое из жестов и мыслей мужа теперь стало казаться смешным. Многое из того, что она считала своим и верным, показалось взятым напрокат и сомнительным. Без-

мятежная гладь души покрылась рябью не то тревоги, не то сожаления. О чём — она и сама не знала. Отныне образ Никуличева чаще и чаще вставал перед ней: холодное лицо, серые, стальные глаза, и ироничная улыбка на губах. Было ли тут сожаление о своём выборе? Нет. Оно ещё не сознавалось. Было просто какое-то томление, неясное и смутное. Было неоформленное недовольство, невысказанный и скрытый упрёк. Одновременно родилось и подобие восхищения тем, кого она считала конченным, и кто снова воскресал на её глазах.

Повестка подействовала ошеломляюще на Воеводского и на неё. «Раз допустили его до доклада, значит, что-то есть у него. Значит, он не только бойкий публицист, но и ёщё и учёный».

«Посмотрим,— думал князь.— Посмотрим, голубчик,— с угрозой повторял он.— Других критиковать легко, а вот ты нам покажи свой товар. Боюсь, что от него ничего не останется,— самодовольно улыбался он. Он решил быть там и разнести его вдребезги. В том, что это ему удастся, он не сомневался. В случае чего, выедем на ораторстве»,— думал князь.

— Итак, значит, мы едем? — весело спросил он снова.

— Да, я думаю, следует.

Любопытство княгини было возбуждено.

Глава 8

Большой конференц-зал Академии в половине восьмого был полон. Смутные и неясные слухи об изобретении Никуличева и Кобылина уже неслись по городу. Возбуждала интерес и сама тема доклада. Явились академики и все специалисты, работавшие в тех областях, которых касались темы доклада. Не мало помог стечению публики и академик Каракозов, с одной стороны, с другой — Воеводский, пригласивший видных сторонников гуманизма для того, чтобы провалить доклад и тем уничтожить партию, стоявшую позади Никуличева.

За одним из длинных столов, покрытых зелёным сукном, сидел знаменитый историк Востока Календарев — высокий, сухой старик с маленькой бородой и с синими, ещё юными глазами. Он вёл беседу с академиком Журавлёвым — умным и приятным стариком-хохлом, на лице которого всегда лежала приветливая улыбка.

Недалеко от них академик Ширинский сердито разговаривал о чём-то с высокой дамой. Он был известным криминалистом, приобретшим славу своей работой об алкоголизме и его влиянии на преступность. Об его специальности говорил также и красновато-сизый нос, свидетельствовавший практическое знакомство академика с алкоголем. По его недовольному лицу, по трясущейся бородке, по резким жестам можно было бы подумать, что он за что-то отчаянно распекает свою собеседницу. Между тем разговор у них шёл самый мирный о самых простых вещах.

В конце стола сидел и оглядывал публику знаменитый психофизиолог, академик Пастухов, недавно получивший за свои работы Нобелевскую премию. Облокотившись на стол, он спокойно осматривал публику и, казалось, ни о чём не думал.

Постепенно места за столами всё более и более заполнялись. Явились представители кафедр социологии, психологии, морали, философии, физиологии и

медицины. Рядом с ними мелькали сюртуки видных публицистов, кое-кого из депутатов, в том числе лидера социалистов Поленова. В местах для публики виднелись студенты, курсистки, модно разряженные дамы, ряд репортёров, короче, вся та публика, которую можно встретить на всяких торжественных заседаниях.

Тут же сидела и Елизавета Александровна Воеводская. Она то и дело раскланивалась со своими знакомыми, то издали приветствовавшими её, то подходившими к ней и целовавшими руку. Воеводский в стороне о чём-то беседовал с группой лиц, в которой можно было заметить и Синицина, и Пришвина, и Хлебникова, и Рабиновича и др. лидеров партии гуманистов.

Ярко горели люстры. Недвижно смотрели портреты великих людей на волнующуюся публику.

Из неясного гула толпы время от времени выделялись обрывки фраз:

- Здравствуйте.
- Спасибо.
- Кто он такой? — Не знаю. Какой-то молодой изобретатель.
- Где он?
- Любопытно.
- Вероятно, дутая штука.
- Пуф.
- Кто это?
- Смотри, милая. Вон-вон он.
- Душечка Воеводский.
- А это кто?

Фразы рождались и таяли.

В восемь часов раскрылись двери, и ряд академиков во главе с президентом вошёл в зал. За ними показались Никуличев, Кобылин, Витя, Ваня и Алёша — ученики учёных. Позади их два служителя несли кипу книг и стали раскладывать их по столам перед сидящими академиками.

Президент занял своё место и позвонил. Пока тишина водворялась в зале, Никуличев обежал глазами публику. Направо от себя он увидел Лену, мило бесседовавшую с банкиром Шахматовым. Тот раскланялся и дружески кивнул ему головой.

В толпе взгляд его заметил ещё ряд знакомых лиц и, скользнувши по ним, остановился на Воеводской. Взгляды их встретились. Краска быстро вспыхнула на лице княгини, но через минуту оно приняло любезный вид и деланно улыбнулось. Никуличев холодно кивнул головой. В зале стало тихо.

«Объявляю соединённое заседание социально-философского и медицинского отделов Академии Наук открытым. Слово принадлежит Д.Н. Никуличеву», — провозгласил президент. Никуличев поднялся и прошёл на кафедру.

Лицо его было спокойно, но бледно. Глаза горели обычным холодным блеском. Без видимого волнения он разложил листки бумаги, раскрыл свою книгу, и начал.

— Милостивые государыни и Милостивые государи. Человеческий ум со временем своего появления направил своё внимание на познание закономерности окружающих его явлений. В пёстром и разноцветном потоке событий он пытался уловить законы, управляющие ими, подметить причинные связи, познать отношения, диктуемые необходимостью. Медленно, с ошибками и заблуждениями,

но эта задача постепенно выполнялась им. Мир из нестройного и непонятного хаоса событий превращался мало-помалу в один связный и стройный механизм, подчинённый великому року. Весь умственный прогресс с этой точки зрения есть постепенная замена случая и чуда — необходимостью и механизмом. К нашему времени расшифрована механика физических и химических событий, проведены ясные линии в сложном узоре явлений жизни. Остался лишь один человек. Несмотря на ряд попыток, до сих пор не удавалось разложить его поведение на составные части и дать формулу, определяющую его механизм. Неудача этих попыток привела даже к тому, что на него стали смотреть как на исключение, как на существование, неподчинённое законам необходимости, а обладающее свободной волей, стоящее выше требований неизбежности. Человек — царство свободы и носитель великого Духа. Так говорили и говорить нам. Попытка отрицать правильность этих положений не нова. Но эти голые отрицания бесполезны. Для достижения указанных целей, подсказанных невежеством, умственной ленностью их адептов, мало голого отрицания. Нужны доказательства вещественные. Нужно фактическое разложение человеческого механизма на части, изучение сил, толкающих его на те или иные поступки, словом, нужно неоспоримое и несомненное доказательство, что человек та же машина. И вот я утверждаю: человек — машина, но машина, снабжённая несколько отличным «мотором», чем вещи неорганического и вещи биологического мира. Этот мотор — мотор психический. Понять человека — значит изучить закономерность самой психики и её формы.

Этому и была посвящена наша, совместная с доктором Кобылиным работа. Начав изучение с поведения простейших — амёб и инфузорий, мы постепенно усложняли наши опыты, вводя ряд новых реагентов и более сложных организмов.

Я не буду приводить подробно ход этих работ и те формы поведения, которым подчиняются поступки этих организмов, начиная низшими и кончая высшими. Их Вы найдёте в лежащих перед Вами томах моей книги и книги Кобылина.

Здесь я дам только голый вывод, касающийся непосредственно человека. Наши исследованиями установлено, что человек есть продукт двух условий: наследственности и среды, в которой он живёт.

Первый фактор снабжает его рядом свойств, передаваемых механически: таковы анатомо-физиологическая структура человека, потребности питания, размножения, самозащиты. Эти силы мы называли абсолютными рефлексами. Всё остальное есть результат среды, которая окружает каждого человека с первого дня его рождения. Это она выводит те узоры, которые вычерчивает человек в течение своей жизни. Это ей каждый обязан своим характером, умом и глупостью, добром и злом, красотой и безобразием. Но сказать просто это — мало. Очень мало. Нужно было исследовать составные части среды, её формы и тот механизм, которым она действует, иначе говоря, установить отношения между тем или иным раздражителем и тем эффектом, который он вызывает.

В этих целях мы разделили её на среду космическую, биологическую и социологическую. Каждую из них разложили на составные части и изучали эффекты каждого фактора.

Тут Никуличев сжато формулировал ряд теорем, как влияют отдельные факторы каждой категории и какие эффекты в поведении человека вызывают они:

например, колебания температуры, конфигурация земной поверхности, характер флоры и фауны, смена времени года, рефлексы питания, размножения и самосохранения, борьба и наследственность, и наконец, социальные факторы: знание, религия, искусство, нравственность.

Голос его звучал ясно и спокойно. Жесты были математически размерены, лицо оставалось холодным, и только глаза горели ярче, чем обычно. Они ровно переходили с одного лица на другое, и каждый, на ком они останавливались, чувствовал какой-то ток, исходивший от них и связывавший его нитью с докладчиком. Казалось, докладчик впивался глазами в душу слушателя, приковывал её к себе и связывал всех множеством нитей, сходившихся в нём одном.

Высказывая свои формулы, он писал их на доске и, когда кончил изложение сил и факторов, управляющих поведением человека, он продолжал: «Теперь соедините все эти частные формулы в одну и Вы получите формулу всего человека, определяющую весь механизм его поведения. Эта формула такова...»; и он спокойным движением резко и ясно написал формулу, объединяющую все предыдущие. «Поставьте теперь на место каждого значка — то, что он выражает, и Вы поймёте всю сложную машину, называемую человеком, весь механизм общественной жизни, и всю историю. Нет в ней ни тайн, ни чудес, ни случайности, ни пророчеств, а царит одна великкая необходимость, властная и всесильная», — падали ровные, отчётливые слова. Казалось, говорил сам рок, своими устами. В зале было тихо. Человек, стоявший на кафедре, захватил внимание людей и без пафоса, без фраз, крепко держал его в своих руках. Слушатели были прикованы к нему. Каждому из них он раскрывал душу, вонзая в неё свой анализирующий скальпель, умело разлагая на части сложный клубок души, как машинист разбирает машину на колёса и винтики. С каждой формулой этот механизм делался яснее и яснее, непонятное становилось понятным, и чудесное — закономерным.

Слова текли и... душа человеческая распадалась на свои винтики и колёса, общественная жизнь входила в каналы необходимости, а история человечества становилась географической картой, понятной каждому.

— Вот, в кратких чертах, те основные формулы, которые выведены нами. В интересах человечества нужно было пустить их в ход, сделать практической силой — и мы в дальнейшем перешли к этой задаче.

Все из Вас знают, что четырёхлетний Джон Стюарт Милль писал стихи на греческом и латинском, в 10–12 лет он знал то, что знают современные студенты. Известно также Вам, что история знает ряд таких вундеркиндлов. Не так давно Вы все с удивлением видели 8-летнего мальчика, превосходно дирижировавшего громадными оркестрами и знавшего наизусть партитуры симфоний, не запоминаяемых знаменитыми взрослыми дирижёрами. Все Вы помните недавнего вундеркинда, без бумаги и чернил свободно оперировавшего миллионными цифрами, превосходно излагавшего высшую математику ссложнейшими формулами интегралов, дифференциалов и теории вероятности.

Подобные факты остановили на себе наше внимание. Другое, что поразило нас — это явление, во-первых, «неисправимых» преступников и лиц, с испорченностью, с которой бессильны бороться все меры, во-вторых, исключительные случаи внезапного раскаяния и исправления самых закоренелых преступников и испорченных людей. Отдельные случаи Вам известны. Раскройте историю и, хотя

бы Четыри Минеи, и Вы найдёте их сколько угодно. Приходится удивляться, почему эти факты не обратили на себя внимание гораздо раньше. Когда Вы говорите о них, Вы откладываетесь пустыми фразами, что это «чудо», «случайность», «Рука providения», «мистический факт» и т.д. Фразы, изобретённые ленивым и близоруким умом. Вместо того, чтобы изучить их, господа учителя и педагоги занимались ненужными переливаниями из пустого в порожнее, а господа криминалисты, ничего не знающие и ни к чему не способные, успокоились на открытии неисправимых преступников, и исправляли их гильотиной, виселицей и тюрьмами. О Великая и непроходимая человеческая глупость! — голос Никуличева дрогнул и зазвучал резко. На лице заиграла саркастическая улыбка.

Вместо знания — подносились фразы, вместо обучения — ученики глупели и после 15–20 лет учения выходили такими же глупцами, какими и были. Воспитатели, сами не умевшие отличить правой руки от левой, окончательно портили воспитываемых и коверкали их жизнь. В то время, как господа народные пастыри и криминалисты измышляли свои теории о различии умысла и неосторожности и спорили о том, пятнадцатью или двадцатью годами каторги следует наказывать убийцу, там в тюрьмах и на эшафоте гибли сотни тысяч людей, расплачивавшихся своей жизнью за учёные измышления хорошо упитанных невежд. С этой точки зрения вся история человечества есть сплошная история глупости, где одна несуразность громоздится на другой и уступает место ещё большей глупости.

Между тем в указанных мною «чудесных случаях» крылся весь секрет воспитания и обучения. Стоило их понять, терпеливо изучить, и разрешение чудес было бы достигнуто. Так мы и сделали с доктором Кобылинным.

Пользуясь общей формулой человеческого поведения, мы обратили наше внимание на эти факты и приступили к опытам. Каковы были итоги этой долгой работы — я не буду говорить. Вместо этого я Вам представлю своих учеников: десятилетнего Витю, пятилетнего Вадю и семилетнего Алёшу, с одной стороны, и бывшего неисправимого преступника, вора-рецидивиста и алкоголика Петра Николаевича Никуличева — моего брата, Григория Ивановича Попова, бывшего каторжника, и ряд официально засвидетельствованных документов. Первый из детей — специалист по истории и праву, второй — математик, знающий курс высшей математики в объёме высших учебных заведений, третий — лингвист-филолог и философ.

Что же касается моего брата, то г. Президент огласит сведения, касающиеся его.

«На основании данных, сообщённых прокуратурой, П.Н. Никуличев, — начал Президент, — семь раз судился за кражу, 4 раза за грабёж, 2 раза за побои и нанесение ран. Был опасным вором-рецидивистом и привычным алкоголиком. Последние два года работал на фабрике Рябушкина, и по отзыву администрации является образцовым механиком, усердным работником, не пьющим, трудолюбивым, всегда исправным и вполне честным». Такое же свидетельство прочёл он и относительно Попова и ряда других лиц, переделанных в лаборатории Никуличева. Пока президент оглашал документы, Никуличев взглянул на Воеводского и Воеводскую. Первый был красив и нервно теребил свою роскошную бороду, а вторая была бледна и с каким-то удивлением и испугом смотрела на Никуличева. Когда он взглянул — краска мгновенно зажгла её щеки, а на устах обрисовалась

беспомощная полустрадальческая улыбка. Взгляд Никуличева, пронзающий, холодный, ироничный, впивался в её душу. Улыбка княгини делалась грустнее и грустнее, глаза — печальнее, показалось — вот-вот она расплачется. По лицу прошла маленькая судорога, и рука бессильно поднялась и снова упала. Никуличеву стало жаль её. Он вдруг взглянул на Воеводскую иначе, тепло и горячо, так, как глядел на неё раньше, в давно ушедшие и забытые времена.

Президент оглашал документы, и удивление аудитории росло. Когда кончилось чтение, Никуличев продолжал: «Из приведённых опытов, надеюсь, Вам ясно теперь, что проблема воспитания нами разрешена. Человек-машина в нашей власти, и я смело заявляю: дайте нам любого человека, и через несколько времени мы переделаем его в любом направлении: из преступника можем сделать святого и обратно.

Теперь, чтобы показать Вам, что достигнуто нами в интеллектуальном отношении, я предложил бы господам специалистам, здесь же, публично, проэкзаменоовать любого из моих учеников, видя в них не детей и не студентов, а своего рода коллег, или начинающих доцентов». В аудитории пронёсся шёпот изумления.

— Витя, пожалуйте на кафедру, а Вас, многоуважаемый Алексей Степанович, — обратился Никуличев к Карандашеву, — прошу предложить ему вопросы в объёме, каком Вы предлагаете их магистрантам.

Календарев улыбнулся и добродушно спросил: «Ну что Вы можете сказать об «Священных книгах Востока?»

— Господа, — торжественно начал Витя. — Отвечая на поставленный вопрос, я сделаю маленькую оговорку: все источники нам ещё неизвестны, многое вызывает сомнение, поэтому, в тех вопросах, где нет общего мнения, я изложу все главные теории.

После этого Витя спокойно и тоном знатока начал излагать содержание и историю Вед, Зеид, Авесты, учреждений Вишну, Законов Ману, Учреждений Нарады, Брихаспати и т.д. Говорил он ясно и вдумчиво.

Изложив содержание источников, он начал сопоставлять его с тем бытом, который сохранился ещё и теперь. Упомянул новейшие работы по религии Вед и Авесту, по социальной организации кастового строя и затем, обратившись к Календареву, он заметил: «Я лично не могу согласиться с многими тезисами Вашей работы о кастах древней Индии. Вы кладёте в основу Вашей кастовой классификации данные Ману, а между тем, как показали исследования Лайеля, Крукса и Рисслэ — они совершенно неверны».

— Достаточно с Вас, — остановил его Календарев, — Вы превосходно выдержали экзамен, и если бы это было в моей власти, я завтра же назначил бы Вас приватдоцентом. Позвольте пожать Вам руку, дорогой коллега, — улыбаясь доброй улыбкой, но совершенно серьёзно, протянул он Вите руку.

— Очень рад познакомиться с Вами, — спокойно пожал руку последний.

Пока читал Витя, на лицах публики то и дело сменялись изумление, восхищение и улыбки. Нельзя было не улыбаться, видя перед собой маленького мальчика, смешно сидевшего на высоком стуле и серьёзно читавшего учёную лекцию. Когда он кончил, гром аплодисментов потряс залу и взрыв смеха пронёсся по аудитории. Какая-то дама вскочила с места, бросилась к Вите, обняла его и поцеловала. Витя сконфузился, покраснел и смешно замахал ручками: «Не надо, ну что Вы». Когда

аудитория успокоилась, знаменитый математик предложил 5-летнему Ваде вывести сложную формулу из области дифференциального исчисления. Мальчик взобрался на стул, взял мел и начал писать, выводя сложные цифры и комментируя их. Через 3–5 минут формула была выведена.

Профессор встал, подошёл к кафедре, взял Вадю в руки, поднял его и объявил: «Господа, родился новый Ньютона». Вадя весело расхохотался, — «Ну нельзя же так обращаться с коллегой». Державший опустил его и пожал руку.

Взрыв аплодисментов снова потряс залу. Такая же история произошла и при экзамене Пети. Когда волнение улеглось, Никуличев снова взошёл на кафедру и продолжал:

— Из виденного Вы убедились, господа, что нами сделано. Надеюсь, не сочтёте теперь дерзостью, если я скажу: отныне и задача обучения и воспитания нами, т.е. доктором Кобылиным и мной — разрешена. Нет больше дураков, глупых и невежд. Умственный прогресс отныне пойдёт в сотни раз скорее. Нет также отныне тюрем и преступников.

Машина разгадана и найдены средства.

Голос его звучал, как и раньше, спокойно. Глаза аудитории не то с испугом, не то с восхищением были устремлены на бледного кудесника.

— Вот кратко итоги. Подробности узнаете из книги, выходящей завтра. Свой доклад я позволю закончить пожеланиями: для блага человека, народа и человечества государство должно уничтожить школы и ввести новые, устроенные по нашей системе! Обучение в них должно быть бесплатным и доступным для всех, тюрьмы должны быть уничтожены, уголовные законы — сожжены и заменены новыми, преступники — выпущены на свободу. Отныне не должно быть наказаний. Должен быть выработан список запрещённых действий, и их совершиители должны вместо наказаний отсылаться в лаборатории для исправления. Человеческий ум разрешил свою последнюю задачу, и отныне человек-машина владеет мировой машиной и самим собой.

С этими словами он сошёл с кафедры.

Рукоплескания наполнили зал. Даже многие из почтенных академиков степенно аплодировали, некоторые радушно улыбались, а другие с серьёзным лицом смотрели на Никуличева. Вслед за ним Кобылин сделал краткое сообщение о своём умороде, скрывши, однако, его состав и точный химический анализ.

После докладов объявлен был десятиминутный перерыв. Академики одни за другими вставали со своих мест и пожимали руку молодым учёным. Подходили публицисты, учёные, профессора и простые смертные, благодарили за блестящий и небывалый доклад, пожимали руки, приглашали к себе и вручали карточки, молодые девушки улыбчиво заглядывали в глаза, а дамы многозначительно делали глазки, таяли и просили бывать у них на журфиксах, приезжать запросто и не забывать.

— Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, — раздалось рядом с ним. Никуличев поднял глаза. Перед ним стояла Воеводская.— Благодарю Вас за прекрасный доклад и поздравляю Вас с заслуженным успехом.

— Очень благодарен Вам, Елизавета Александровна. Очень рад Вас видеть, — пожимая протянутую руку, ответил он.— Давно мы с Вами не виделись.

— Не моя вина. Вы куда-то пропали и не показывались, видно, бойкотировали нас.

— Ну что Вы, Елизавета Александровна. Просто был завален работой. Впрочем, я при последней встрече, кажется, обещал увидеть Вас года через два, через три и, как видите, слово сдержано, — многозначительно, но равнодушно промолвил он. — Вот и увидались.

Воеводская почувствовала скрытую насмешку и сухо ответила:

— Я любезнее Вас, видите, я захотела повидать Вас, а не Вы меня. Это невежливо.

— Вы правы, — любезно заметил Никуличев. — Я виноват, но у меня были обстоятельства, смягчающие вину.

— Какие?

— Много работы, во-первых, рознь моего и Вашего социального положения, во-вторых, а в-третьих... Вы знаете, я не из тех, которые просят милостыню и довольствуются подачками.

— Это намёк.

— Если угодно, да.

— Совершенно напрасно. Вы же знаете, что я всегда была рада видеть Вас.

— Для того, чтобы бросить кроху своей доброты на мой нищенский стол?

— Как Вам не стыдно, Дмитрий Николаевич.

— Нет, не стыдно, — спокойно ответил он. — Говоря это...

Тр-р-р... задребезжал звонок.

— Ну, надо на место, — протянул он руку и быстро пошёл к столу.

— Слово принадлежит профессору, князю Воеводскому, — провозгласил президент.

Воеводский в прекрасно сшитом сюртуке, стройный и прямой, поднялся на кафедру. Нельзя было не залюбоваться его видом. Большой открытый лоб, окаймлённый длинными выющимися волосами, волнистая борода и усы, свежий тон кожи и большие глаза, тёмно-карие, огненно-живые, временами вспыхивавшие ярким светом, делали его похожим на Иисуса Назорея или апостола. Недаром он имел множество поклонников и поклонниц. В целом, представлял полный контраст Никуличеву. Высокий и тонкий, с четырёхугольной головой, с прямым носом, с размеренными жестами и спокойным блеском вольтовых глаз, Никуличев был воплощением математики и механики.

Воеводский же представлял живого носителя порывов, бессознательно-мистических тайн и религиозных исканий. Волнистые волосы, борода и огненные глаза напоминали пророка, сшедшего с иконы. Недаром в шутку прозвали его «духовидцем».

— Милостивые государыни и Милостивые государи, — начал Воеводский.

Выслушанный доклад — неординарен. Он исключителен по своей ценности. Он ярок и многоцветен. Работа, сделанная учёными, сизифова работа. Их вклад в Пантеон великих ценностей немал. Но, позвольте спросить Вас, приемлем ли тот путь, который предлагают нам его авторы? Не нужно ли его отвергнуть, как Карамазов отверг мир и возвратил Богу билет для входа в рай? Во имя вечных ценностей, свободы человеческого Духа, царства человека над миром, во имя правды, Красоты и добра я отвергаю этот путь, пусть даже он правилен, путь Мамоны и Сатаны, низводящий человеко-Бога до скота, абсолют — до машины, Первопотенциал — до механизма!

Голос звучал мощно и страстно. Жесты были ярки и могучи, а глаза горели фанатизмом богоборца.

— Что нам предлагает г. Никуличев? Предлагает спуститься до степени бездушного механизма. Он выбросил из человека всё святое, лишил его божественной печати, того света, который является символом его сверхвещественности и его духовности.

Пусть он искусно в лаборатории готовит учёных детей. Пусть он стирает человеческую душу, вырывая семена дьявола и засевая её семенами добра! Но разве это люди. Разве это не манекены; те мальчики, которые тут выступали перед нами, разве это люди? Разве это не восковые модели или напечатанные граммофонные пластинки? Мне жаль их — этих детей, лишённых души и превращённых в пластинки. Разве у них есть что-нибудь своё? Разве у них есть нутро, то невидимое я, то бесцелесное дуновение вечного духа, которое делает человека человеком? Нет! Нет и Нет! Души их пусты, как опустошённые цветники, жестокая рука учёного смяла эти цветы, истоптала их и заменила механизмом. А кто знает, какие, быть может, сокровища таились в них? Быть может, эти детские души расцвели бы такими своеобразными цветами, были бы так многогранны и солнечны, что явили бы миру новую грань великих ценностей? И их теперь нет. Они вырваны и уничтожены. Кем? Учёным, сознательно растоптившим их неведомо во имя кого и чего, и считающим, по-видимому, этот грабёж заслугой. А я считаю его не заслугой, а величайшим из преступлений. Это живое воплощение старых сказаний о дьяволе, похищающем души. Поэтому пусть его положения верны — они должны быть отброшены. Я не приемлю их и не могу принять.

Мало того. Он думает, что разум — всё, холодный разум, на мёртвые куски разлагающий всю нетленную и целокупную форму бытия и по кускам вновь создающий её. Какой обман! Какое восхваление разума и игнорирование остальных святынь!

Разве не ведомо г. докладчику, что абсолютное не познаемо разумом, что он скользит лишь по поверхности явлений, бессильный познать вещи в себе, Первоначало, Божество? Какая жалкая ошибка! Разве не ведомо ему, что только интуитивно-мистическим вчувствованием мы проникаем в подлинно сущее, в истинно реальное, в великий первопотенциал. Слепой, закрывший глаза на всё кроме механического ratio, забывший про все остальные ценности, он возвёл эту машину на трон и низвергнул всех остальных властелинов. Раб и слуга стал царём, а цари рабами. Это ли не ошибка! Это ли не слепота! Мудрено ли поэтому, что и в человеке он не увидел ничего, кроме машины. Пусть сложной, пусть обладающей психическим мотором (одно словечко чего стоит), но лишённой печати святого Духа, Бога Отца и Сына, рождённой от Духа, сопричастной Божеству и свободной, подобно ему!

Нет, г. докладчик. Ваше покушение на все ценности — неугодно. Ни мы, ни человечество никогда не примем его! Лучше отчаянный, но естественный преступник, чем Ваш бездушный добродетельный автомат! Пусть лучше глупыми останутся люди, но пусть они будут людьми, а не манекенами, каких выставляют в витринах магазинов. Не смейте больше опустошать человеческие души и грабить их по наваждению Вельзевула. Человек был братом Бога, свободным, самоопределяющимся и самоответственным. Пусть он им остаётся! Ваши же манекены должны быть решительно отменены! — Этими словами Воеводский закончил свою речь.

Прекрасные жесты, одухотворённое лицо, горящие глаза и темпераментность речи действовали на публику. Ей казалось, что это говорил воин Божий, разящий пылающим мечом змия, сына дьявола, холодного и спокойно улыбающегося. Никуличев действительно во время речи саркастически улыбался и играл карандашом, с той же улыбкой поглядывая на Воеводскую. К концу речи Воеводский завладел неучёной половиной аудитории и когда кончил её, она неистово захлопала... Хлопали, главным образом, дамы и курсистки. Учёные академики сидели молча. Только некоторые из них лениво ударили кончиками пальцев рука об руку.

— Слово принадлежит академику Пастухову.

Знаменитый психофизиолог взошёл на кафедру и начал:

— Я буду, господа, краток. Одновременно, и с большой радостью и, буду откровенен, с тайной грустью, я слушал доклады Никуличева и Кобылина. Радовался я тому грандиозному открытию, которое сделано этими молодыми учёными. Похвалы здесь излишни. Критика излишня, ибо факты и опыты, демонстрированные перед нами, говорят сами за себя. Повторяю, дело, сделанное ими, составляет целую эпоху и последствия его, как в теории, так и в практике, пока трудно представимы.

Грустно же было мне, господа, потому, простите меня за эту откровенность, непосредственно не относящуюся к делу, что я увидел, как далеко опередили и меня и моих коллег глубокоуважаемые докладчики. Я занимался теми же проблемами, что и они. Я думал, что уже далеко подвинулся в своих изысканиях, и, увы, оказалось, что я стою только у начала пути, успешно пройденного г.г. Никуличевым и Кобылиным. Я уже, господа, стар и не мне тягаться с ними. Так, на старости лет приходится снова убеждаться в истине, что старое старится, а молодое растёт и обгоняет старое. Но, господа, сказанное не убавляет моей радости и не мешает мне пожелать талантливым учёным дальнейших успехов в их работе. Не место личным маленьkim чувствам и тщеславию там, где дело идёт об интересах науки и человечества. Да и здесь есть немалое утешение для меня. Принципы, из которых исходили учёные, были мои принципы; первый решительный толчок, натолкнувший их на исследование вопросов, изложенных нам здесь, произошёл не без моего участия, как об этом заявили они и в докладе, и в этой книге, лежащей предо мною. Кроме того, г. Кобылин мой ученик и не малое число месяцев работал у меня в лаборатории. Значит, моя жизнь и мои работы не пропали даром, значит, есть и капля моего ума в добытых ими результатах. А этого, господа, достаточно для удовлетворения маленького человеческого тщеславия. Я горжусь моими учениками, далеко обогнавшими учителя и кончаю свою речь искренним выражением моего глубокого восхищения и изумления перед учёными, выполнившими необычно-великую задачу. — С этими словами он скромно сел на своё место.

В лице, в жестах и в голосе Пастухова чувствовалась какая-то целомудренность... Не обычная фарисейская скромность. Нет, именно целомудренность. Седой, с строгим, но милым лицом, с большими карими глазами, смотревшими из-под ресниц, он невольно вызывал уважение и представление о нём, как о человеке науки. Долголетние ли занятия в лаборатории и в кабинете, отрешённость ли от злобы дня и интересов момента, исключительное ли служение науке — наложили

на весь его облик печать какой-то особой интеллигентности и духовности. Сматря на него и слушая его, каждый думал: — Да, это истинный учёный! Да это не шарлатан и не научный авантюрист! — Простые и искренние слова знаменитого учёного вызвали в пёстрой аудитории горячие аплодисменты. После него выступил академик Ширинский. Известный криминалист — он был в то же время и главою реакционеров, их теоретиком, вдохновителем и лидером. Для своего времени он был тем же, чем в прошлые времена Катков и Победоносцев. Происходя из старого дворянского рода, он твёрдо хранил его традиции и был непримиримым врагом всяких либерально-демократических стремлений. И что всего удивительнее — он был искренен в своей политике. Его слова и действия не давали повода заподозрить в нём лицемера. Это был прирождённый охранитель, представитель старого порядка.

Логически проводя свою кастовую теорию «прирождённых господ и рабов» — он не останавливался на полдороге, а шёл до конца. Если нужны были жестокости — он их рекомендовал, если нужны были кары — он щедро их допускал. До сих пор ещё помнят его знаменитое выступление и в печати, и в парламенте в пользу смертной казни и изувечивающих кар по отношению к преступникам... Его фраза: «Смертная казнь и изувечивающие наказания — это благодетельные лекарства, просто и дёшево избавляющие общество от вредных и опасных отбросов» — вошла в поговорку. Он же во время последнего народного движения встал во главе правительства и своими жестокими мерами прославился на всю Россию...

Весь красный, тряся бородой и живо размахивая руками, он не взошёл, а скорее, вбежал на кафедру.

— Господа! — начал он, — меня не останавливает ни высокое собрание академиков, ни почтенный академик Пастухов от того, чтобы не выразить своё удивление не столько докладу, сколько тому, что такой доклад (к-х-а, к-х-а... — закашлялся он) был допущен и выслушан в собрании академии в учреждении Государственном. Понимаете ли Вы его? Видите ли его скрытые пружины и цели, к которым он ведёт? Ведь здесь нам изложили ни больше, ни меньше, как систему коренной ломки существующего строя. Ведь задача этих господ — возведение черни на место избранной расы и решительное подведение всех под один масштаб. Мало того, эти милосердные господа позаботились даже о преступниках. Они не прочь уничтожить правосудие, суды, тюрьмы, виселицы и дома заключения и не прочь выпустить банду разбойников, воров и насильников на улицу. «Свобода» — вот один их лозунг. Во имя её они говорят: «Убивайте, грабьте и насилийте». «Равенство» — другой их клич. Во имя его они готовы низвергнуть всю историю, уравнять идиотов с гениями, избранных с чернью, высшие касты — с общественными отбросами. Это, господа, не куцый и слюнявый либерализм. Это и не утопическая Апельсиния социализма. Это куда более опасный методический заговор против всех святынь и устоев общества и Государства. И такой доклад допускается, где? — В Академии. И этот подкоп ведётся в столице Империи в течение ряда лет, на виду у всех, в специальном здании, называемом лабораторией? Разве это не удивительно! Бог знает, что там делалось и делается! Быть может, во имя интересов науки (ироничная улыбка) не одна душа там кончила дни.

— Я бы попросил Вас быть более корректным, — деликатно прервал его председатель.

— И прокурорский надзор ни разу не заглянул туда? Полиция ни разу не позаботилась узнать, что там делается? И наконец, здесь они свободно излагают план своего подкопа под общество и их не останавливают, а меня прерывают? Господа! Или я начинаю ничего не понимать или же действительно настают времена антихриста. По-моему, здесь нет места прениям, а нужны меры, меры ясные и простые; в корне пресекающие этот опаснейший заговор. Вместо учёных здесь должна выступить прокуратура! Вместо прений — судебное следствие! Таким учёным место не в лаборатории, а в тюрьме или на виселице!

Неясное шиканье здесь приняло общий и отчётливый характер. Раздались возгласы негодования и свистки.

— Я Вас лишаю слова, — резко прервал его председатель.

— Как, меня?

— Да, Вас, — Ваши слова не относятся к делу, ваши меры Вы можете предлагать в другом учреждении, а не на научном заседании. Слово принадлежит члену парламента, г. Поленову!

Ширинский ёщё более красный, что-то пытался произнести, но раздалось ёщё более громкое шиканье.

— Слезайте, палаch!

— Инквизитор...

— Дубовая голова!

— Учёный жандарм!

Ширинский с бешенымством не лице продолжал стоять на кафедре. В это время Поленов корректно поднялся туда и с изысканной любезностью поклонился ему.

— Будьте добры, уступите мне Ваше место, — с усмешкой проговорил он.

Ширинский нелепо махнул рукой и быстро пошёл к выходу.

— Либеральные турицы! — Рассыпались ближайшие ряды...

Скандал мало-помалу был ликвидирован, и публика успокоилась...

— Я не учёный специалист и если выступаю сейчас, то только для того, чтобы приветствовать и поблагодарить докладчиков за их блестящий доклад. Я кончил!

Очевидно, это была демонстрация со стороны Поленова. И публика её поняла. Она громкими аплодисментами присоединилась к оратору.

После Поленова говорило ёщё несколько лиц. Некоторые из них касались отдельных положений по существу, другие же ограничивались общими местами.

В конце заседания слово было предоставлено докладчикам. Кобылин отказался:

— Так как критики моих положений не было — то мне нечего отвечать. Что же касается общих принципов нашей системы, то Дмитрий Николаевич ответит за нас обоих.

— Я буду краток. Прежде всего, поблагодарю всех присутствующих и выступавших оппонентов за их внимание и внимательное отношение к докладу, — начал спокойно Никуличев.

— В особенности, благодарен я Вам, глубокоуважаемый Иван Павлович, — обратился он к Пастухову, — ваши работы были теми дорожками, которые указывали нам путь исследования и его первые шаги. Позвольте же здесь от души поблагодарить Вас за это. Второй, кому я лично обязан не малым — это, Вы, Михаил Михайлович, — обратился он к Каракозову. — Это Вы протягивали нам руку, когда мы уставали. Вы же поддерживали нас и в те минуты сомнений,

которые неизбежны в жизни каждого работника науки. Есть здесь и третье лицо, без помощи которого мы едва бы довели до конца наши опыты. Это С.Н. Шахматов, бескорыстно предоставивший нам деньги, необходимые для работы и опытов.

— Теперь я перейду к моим критикам и остановлюсь прежде всего на г. Воеводском...

Спокойный тон начал постепенно повышаться. Метроном становился менее ровным. Воеводский сидел с гордо поднятой головой, а глаза Елизаветы Александровны с любопытством были устремлены на говорившего.

— Вы много говорили, князь, говорили красиво, вдохновенно, но... позвольте спросить Вас, к чему Вы говорили всё это? Коснулись ли Вы хоть одного из моих положений? — Нет. Оправдывали ли хотя бы один из тезисов? Нет. Привели ли обратные факты? — Нет. Подвергли ли сомнению один из моих опытов и выводов? — Нет. В силу этого, я мог бы спокойно пройти мимо Ваших слов и сказать просто: они меня не касаются. Но я знаю, на что рассчитывали Вы, и потому остановлюсь на самой сути Ваших — о, очень красивых, но, простите, пустых фраз. Вы немало и увлекательно защищали самоценность «нутра» (усмешка), самобытность души человека; требовали её свободы; клеймили преступлением механизирование души, обуздывали разум и восхваляли мистическую интуицию, Великий абсолют и божество... Что ж, это было бы хорошо, если бы это было возможно... Но... увы! Эта свобода — утопия. Разница между Вашей свободой души и моим механизированием её — не разница свободы и принуждения, а различие бессознательного, слепого и в общем скверного воздействия на неё среды и воздействия планомерного, сознательного, целевого. Никакой свободы нет... и на Вас же самих можно в этом убедиться. Разве то, что Вы говорили, Ваше «нутро»? — Полноте, князь. Ведь всю Вашу речь, если разложить на её элементы, можно выразить такой формулой: Икс процентов от Гегеля, Икс от спиритуалистов и Вл. Соловьёва, и по крайней мере, 75 процентов — от Бергсона, взятых на прокат, без наименования автора. Вот Вам диагноз того, какие влияния воздействовали на Вас. Где же свобода и «нутро» — самобытное, почвенное и красочное...

Но счастлив Ваш Бог, что эти влияния не так плохо отразились на Вас. Бывает ещё хуже и гораздо хуже... Мой же оппонент, г. Ширинский, может заверить Вас в этом. Возьмите приведённые им статистические данные и проследите влияние среды алкоголиков и преступников на их детей. Не наследственность причина того, что преступники и алкоголики дают и детей таких же, а среда. Да, к чему мне настаивать на этом трюизме! Не ясно ли после этого, что Ваши «свободно распускающиеся души» — суть души, отданные во власть слепого случая. Вот что собственно отстаиваете Вы... Что же! по отношению к себе Вы это вольны делать. Но меня интересует человечество, а не Вы. Для Вас лучше самобытный преступник, чем добродетельный автомат. О, я понимаю Вас! Закоренелый каторжник может доставить не мало эстетических переживаний. Но, князь, я думаю, Вы иначе бы стали думать, если бы эта дилемма касалась, ну хотя бы Ваших детей. Тут бы Вы, пожалуй, иначе выбрали.

Елизавета Александровна покраснела и потупила глаза...

— Для меня — всё человечество — те же дети. А потому я говорю: пора положить конец игре стихии и власти слепого случая. Довольно пустых фраз,

слишком дорого стоящих сотням тысяч людей. Кровью, страданиями и жизнью они расплачиваются за эти фразы...

Видали ли Вы, князь, тысячи исковерканных душ? Боюсь, что нет. Сидели ли Вы в тюрьмах? — Нет. А видели ли Вы подлинное человеческое горе? Нет. Вы были счастливы. Вы были баловнем, но немногим достаётся эта доля. А я видел этого больше, чем нужно, а потому и выводы у меня, князь, иные. И не пугают и не остановят меня Ваши страшные слова, как не пугают и слова г. Ширинского...

Вы в сущности сходитесь с ним, боретесь за одно и боретесь одними и теми же средствами.

— Браво! — раздалось из публики, и послышались аплодисменты. Воеводский нервно пожал плечами и нервно начал теребить свою бороду.

— Случайно или нет, но Вы, гуманный солидарист, оказались согласным с реакционером, которого Вы сторонитесь, боясь запятнать свою репутацию,— насмешливо продолжал Никуличев. — Под Вашим красивым словесным винегретом, если поскоблить его, окажется «нутро» г. Ширинского, то «дикое мясо», как окрестили его Вы же, которое он откровенно защищал здесь... Ну, что же, скатертью дорога. Идите своим путём, а я пойду моим. Есть и другая разница между нами. Вы бессильны. Вы, кроме слов и тайных или явных надежд на преддерживающую власть — ничего не имеете. Я же владею секретом Богов и могу по желанию запирать и отпирать человеческие души, в том числе и Вашу. И от этой силы, Вас, эстетов и идеологов прошлого, не спасут ни заборы, ни рвы, ни замки, ни ключи, ни молитвы церквей, ни мечи...

Буря аплодисментов покрыла последние слова оратора, сказанные горячо и дышавшие непоколебимой верой и силой... Здесь он изменил свой убийственно-ироничный тон, с которым характеризовал взгляды Воеводского и сопоставлял их с убеждениями Ширинского...

Это сопоставление всего более задело Воеводского. Он сидел и нервно теребил свою пышную бороду. Он чувствовал, что это сильный удар по его позициям, и удар не беспочвенный. Плохо ли, хорошо ли, но отныне это сближение войдёт в обиход и испортит решительно обаяние его взглядов и его мировоззрения. Этот бывший соперник, о котором уже забыли, вдруг всплыл и встал на его дороге. И встал фигурай мощной и могучей. За его последней фразой чувствовалась сила подлинного властителя. И вместе с горечью поражения всплыло опасение за жену... «Ведь она когда-то любила его. Что, если теперь снова оживёт старое чувство?» — и он украдкой поглядывал на Елизавету Александровну. А та сидела неподвижная, не сводя глаз с Никуличева. Временами краска покрывала её лицо, иногда чуть-чуть вздрагивала её верхняя губка. По неподвижности её взгляда можно было догадаться, что она смотрит и думает о чём-то другом... Не пробегала ли она мысленно прошлое? Не вспоминала ли этого человека, когда-то ей близкого, искреннего, горячего, а теперь страшно спокойного и невозмутимого, с холодными глазами и с горько-ироничной складкой в углу рта? Быть может, в её душу проник яд сожаления? Быть может, загорелось старое пламя? Кто это знает? Быть может, было так, быть может, иначе.

— Ну, дорогая, пойдём.

Воеводская взглянула на мужа глазами неожиданно разбуженного человека и встала.

— Хорошо. Сейчас, только я попрощаюсь с Никуличевым.

— Вот оно, началось... — мелькнуло у Воеводского, но он не подал вида и спокойно сказал: — Хорошо, я буду ждать тебя внизу...

Вокруг Никуличева и Кобылина, как около артистов, толпилась публика. Поздравляли, пожимали руки, благодарили, приглашали посещать и не забывать, репортёры спрашивали, когда можно будет видеть и т.д.

Никуличев машинально пожимал руки, и торопился к выходу.

— Скорее, дети, одевайтесь и домой. Лена, помогите им. Ну, Иван, идём.

— Дмитрий Николаевич, — окликнула его Воеводская, — Во-первых, от души поздравляю Вас с успехом, а во-вторых, я не отпущу Вас, пока не обещаете побывать у нас. Назначайте время сами. Я хочу видеть Вас и более подробно поболтать с Вами, как со старым другом. По-прежнему, помните?.. — Голос был мягкий, тёплый и искренний.

— Благодарю Вас, Елизавета Александровна. Но я тороплюсь домой. — И добавил холодно: — Старое прошло и невозвратимо, а насчёт свидания напомню Вам Ваши же слова: «Видеться нам незачем!!! Прощайте», — и направился вниз...

Верхняя губка Воеводской дрогнула, и на лице мелькнуло что-то грустно-пугливое. Она как будто хотела ещё сказать что-то, но Никуличев был уже внизу, и она тихо стала спускаться по лестнице...

Глава 9

Утром все газеты были полны описаниями вчерашнего заседания и статьями по его поводу. Целые столбцы посвящены были новому открытию. В нескольких успели уже напечатать портреты учёных и снимки с их лаборатории. Большинство газет восторженно отзывалось об открытии, называли его гениальным, великим, делающим эпоху. В ряде газет напечатаны были биографии докладчиков, где, как всегда, небылица смешивалась с былью. Кое-где уже появились самые несуразные интервью, которых не было. Рецензировалась книга учёных, которую рецензент ещё не видел. Одним словом, изобретение стало сенсацией, о которой все заговорили. Книжные магазины целые окна заполнили книгами учёных, и публика бешено раскупала их. За день разошлась большая половина издания, а всё издание было раскуплено в три дня.

Не обошлось, конечно, и без сплетен и резких выпадов. «Знамя избранных» Ширинского напечатало статью под заглавием «*Salus populi*» и требовало от правительства ареста учёных и назначения следствия.

«Звук» и «Время» — органы гуманистических либералов, — напечатали искажённые отчёты и подленькие статьи по рецепту: «нельзя не сознаться, и нельзя не признаться», где под мягкими словами крылось содержание, близкое к статье в «Знамени избранных». Намекали на то, что опыты учёных ещё не проверены, что весь доклад чуть ли не простой фокус, что докладчики идут против освящённых традиций. Статья фарисейски призывала интеллигенцию быть весьма осторожной к этому неведомо откуда выросшему изобретению и т.д..

Никуличев с грустной улыбкой просматривал эти листы. — «Вот оно, началось, — думал он. — Камень брошен, и круги пойдут по воде жизни, встречаясь с попутными течениями, сталкиваясь с другими, ослабляясь и усиливаясь. Изобретение вышло из их души ясным и чистым, как свежая утренняя роса. Попав в море жизни, она неизбежно должна замутиться, смешаться с другими потоками и преодолеть их... А жаль... ведь минуты одиночного творчества, когда он один, неведомый никому, то наполнялся радостью работы, то горел огнём сомнений и колебаний, эти минуты не лучшие ли минуты в его жизни?.. Теперь порыв вышел на улицу... Он должен потускнеть и померкнуть, ибо таковы законы необходимости... Но пусть... Раз так надо — пусть будет так. Его задача — преодолеть препятствия и довести дело до желанного берега...»

С утра уже тихая жизнь лаборатории была нарушена. То и дело звонил телефон, пришла целая кипа писем, карточки на столе говорили, что его дожидаются ряд интервьюеров, любопытных и серьёзно заинтересованных людей.

— Попросите репортёров, — сказал он служителю.

Вошёл ряд молодых людей, с записными книжками и с карандашами. Один просил дать несколько слов для «Голубой берёзы», другие начали задавать ряд вопросов, как всегда неумных и пустых.

— Господа, у меня нет времени отвечать каждому, — сказал Никуличев, — поэтому лучше будет и для Вас, и для меня, если Вы сейчас пройдётесь по лаборатории. Витя Вас кое с чем познакомит. Затем загляните в наши труды, возьмите также эти иностранные журналы и письма, а остальное присочините сами, кому что вздумается, — улыбаясь, закончил он. — Всё равно, ведь, в двух трёх словах ничего не скажешь. А указанным путём Вы получите все материалы. Остальное — дописывайте сами».

Интервьюеры улыбнулись, вежливо раскланялись и пошли за Витей.

— Просите г. Поленова.

Поленов вошёл. Никуличев извинился перед ним за то, что заставил ждать. «Вы очень хорошо сделали, приехав ко мне, — начал он. — Я сам собирался звонить Вам. Нам так или иначе нужно столкнуться, и характер беседы покажет, друзьями или противниками мы будем».

— Прекрасно, — ответил Поленов. — И мне то же самое важно.

— Ваши взгляды и Ваш социал-демократический символ веры мне известны, как известна и практика социал-демократии. Стало быть для краткости остаётся выяснить мне пункты расхождения с Вами. К этому я и приступаю. Как и Вы, я демократ и сторонник радикального равенства. Подобно Вам я считаю современный капиталистический режим — превзойдённым. Как и Вы, считаю святым лозунг «свободы, равенства и братства». Идеалом — общество свободно хотящих людей, полных действенной любви друг к другу. Стало быть цели одинаковы, и это уже даёт нам почву для общей работы. Различие же скорее в понимании путей и в теоретических посылках. Главные пункты расхождения таковы. Вы под равенством понимаете, прежде всего, материальное равенство и за него исключительно боретесь. Я не верю в успех этой борьбы и считаю, пока нет равенства психического, т.е. умственного и нравственного, до тех пор всякая попытка установления материального равенства будет безуспешной. Достижение первого — задача бесконечно более трудная, но только она может привести и к материальному равенству.

Короче, что Вы считаете главным, я считаю второстепенным, что Вы считаете причиной, я считаю следствием и обратно...

Во-вторых — «свобода» — Ваш любимый лозунг — в Вашем понимании тоже неприемлема для меня. У Вас этот клич неясен и романтичен. Под ним Вы понимаете чуть ли не нечто близкое к самодурству. Ваша свобода ничем не отличается от деспотизма. Моё понимание иное, но об этом сейчас не буду говорить.

В-третьих, Ваше понимание будущего социалистического строя я нахожу плоским, поскольку под ним разумеется только уничтожение частной собственности и обобществление орудий производства. Это без ряда условий недостижимо и едва ли стоило и стоит той массы жертв, которая принесена во имя социализма и ещё будет принесена... Я же под социализмом понимаю такой строй, где люди свободно и без принуждения будут богами друг для друга, т.е. будут исполнять избранные или социальные функции и не из страха кнута или Бога как во времена рабства, и не во имя личных интересов и не интересов семьи, как делается теперь, а во имя общего блага, во имя чистого альтруизма. И будут побуждаемы к этому не из-за страха или «долга», а во имя своего хотения, потому, что иначе поступать не могут. Если удастся достигнуть такой переделки человеческой природы — всё остальное — в частности и обобществление орудий производства — само собой будет достигнуто. Если нет — все Ваши потомки будут лишь добавочной бесплодной попыткой достижения недостижимого. В успех их я не верю и поддерживать не могу, как бы не были традиционны Ваши лозунги.

В-четвёртых, не верю я и в тот спасительный рычаг бессознательной и всевластной экономики, на которую Вы возлагаете все Ваши упования, называя их «научными» в отличие от утопизма мыслителей 18-го века. Ваша вера — одна из утопий, которой тешил себя Маркс и утешает себя Вы. Это та же фигура «Спасительного Провидения», только под иным соусом. Пора смелее взглянуть в глаза реальности и сорвать пышные одежды и с этого идола.

Вот кратко мои основные разногласия. Из сказанного Вы видите, моя программа исчерпывается одним лозунгом: Знание. Знание раскрывает законы необходимости, раскрывая их, оно даёт в руки средства управлять мировыми силами и человеком. Только равенство интеллектуальное — повлечёт остальные виды равенства, только знание — может переделать человека эгоиста — в альтруиста, только оно же приведёт нас к новой эпохе и к новым людям, сильным, действенным, здоровым и любящим друг друга. А всё остальное — либо простое следствие, либо идолы уставшего и ленивого ума, создавшего себе утопии. Теперь я слушаю Вас...

— Что касается лично меня, то я не вижу значительного расхождения между мной и Вами. Многое из нашего символа веры действительно устарело и во многом Вы, быть может, и правы. Но это моё личное мнение. Боюсь, что другие его с Вами не разделят. Ведь власть традиций везде одинакова. Опасаюсь, что наши ортодоксы выступят против Вас.

— Я это предвижу и не особенно пугаюсь этого... хотя и жалею, что здесь по недоумию будут ставить мне препятствия. Что же делать? Иначе нельзя. Предрассудки, хотя бы и приятные, одинаково вредны. Поэтому уничтожение их необходимо. Вас, значит, лично я не встречу в качестве противника?

— Нет. Я почти во всём пойду рядом с Вами.

— Значит, Вы можете взять на себя и устройство рабочих митингов для пропаганды моей системы, а равно, когда нужно будет, внесёте мой законопроект и в палату депутатов?

— Да.

— А если для этого придётся Вам выйти из партии?

— Тогда мы создадим новую.

— Очень Вам благодарен, — пожимая руку, сказал Никуличев. — Я рад, что в Вас я встретил зрячего человека. Ваше содействие уже много значит. Если понадобится — у Вас будет и хороший помощник — это мой брат — механик Балтийского завода.

— Прекрасно. Ну, пока до свидания...

— До свидания, — смотря на часы, попрощался Никуличев.

Было около часу. В час приехал Шахматов.

— Ну здравствуйте, чародей, маг и волшебник. Вот и я, — вваливаясь в кабинет, проговорил Шахматов.

— Добро пожаловать. Садитесь. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Спасибо. Давайте лучше за дело. А вот и изобретатель «уморода», — приветствуя входившего Кобылина, добродушно поздоровался он.

— Здравствуйте, дорогой меценат. Э, да Вы, я вижу, превосходно выглядите.

— Ничего. Живём помаленьку, Вашими стараниями...

— Ну за дело, так за дело, — начал Никуличев. — Вы теперь убедились, что Ваши деньги не пропали даром?

— Да.

— Теперь ближайшая задача такова. Рано или поздно, но наша система будет принята государством. Но пока солнце взойдёт — роса очи выест. Ждать некогда и теперь же надо приступать к делу... А дело рисуется так: для того, чтобы государство могло применить нашу систему, должны существовать знающие и умеющие применять её учителя. Значит, первая наша задача — это приготовление кадра таких учителей и оборудование ряда школ или лабораторий, в миниатюре скопированных с нашей центральной. Если у нас в ближайшее время будет кадр, ну хотя бы человек в 500, то этого достаточно. Каждый из них в свою очередь через год-два приготовит 30–50 учеников, эти в свою очередь — такое же число и через пять-шесть лет — необходимый минимум новых учителей и школ будет готов... Следовательно, старые школы будут подорваны. Ясно, что каждый будет стремиться попасть в новую, а не в старую школу, где ему нужно 15–20 лет на получение университетского образования, тогда как в новой школе он то же образование получит в два-три года. Мы подорвём не только низшие, но и средние и высшие учебные заведения. Вход в новые школы должен быть бесплатным, и обучение в них будет стоить пустяки, значит, они будут вполне доступны для «низов». Вместе с тем они будут воспитательно-исправительными лабораториями и постепенно заменят тюрьмы. А отсюда уже — до государственного введения их — только маленький шаг. Таков мой план. Одобряете Вы его?

— Оба собеседника нашли его правильным...

— Теперь вопрос в деньгах. Для того, чтобы это оборудовать, нужно, по крайней мере, 100 миллионов, не меньше. И их необходимо добыть...

— Да... сумма кругленькая... — заметил Шахматов, потирая лоб.

— Я предполагаю, путём подписки и жертвований в пределах России и заграницей мы добудем 10–20 миллионов. Остальные 80 — должны добыть Вы, — обратился Никуличев к Шахматову.

— Пустячки, — улыбнулся Кобылин.

— Задача нелёгкая, — проговорил Шахматов. — Если бы поставить это дело на коммерческую ногу — нетрудно было бы образовать акционерную компанию... Но Вы ведь, господа, бессребреники, а потому — не знаю, как это устроить. Во всяком случае, пятьдесят миллионов своих я даю на это дело. Больше не могу. А остальные попробую добыть... Попытка не пытка, спрос не беда...

— Ну, если так, то дело можно считать решённым. Подписку мы организуем в ближайшее время. Кроме того, я сегодня же напишу знаменитому Сольвэю и государственному секретарю Штатов Бару. Надеюсь, что у них мы получим миллионов 10 или 20. А затем — отчего бы не поэксплуатировать и ряд богачей? — Прекрасно, главное затруднение, значит, обойдено.

— Ну, а Вы не опасаетесь, Дмитрий Николаевич, вмешательства правительства?

— На этот счёт я уверен, что кое-какие препятствия нам будут ставить. Но их можно будет преодолеть. Хотя кампания против нас, по-видимому, уже началась, но правительство едва ли решится на крутые меры, так как несомненно общество будет на нашей стороне. В крайнем же случае, — улыбаясь, проговорил Никуличев, — мы переделаем членов кабинета, изменивши их взгляды.

— Как переделаете?

— Так, как переделали уже десятки лиц, известных Вам и демонстрированных вчера.

— Ну и народец же Вы, — шутливо заметил Шахматов. — С Вами опасно и дело иметь. Того и гляди, что вынете и из меня душу и вставите вместо неё другую.

— Ну. Вас нечего переделывать. Вы и так делаете то, что нужно.

— Теперь, господа, пойдёмте завтракать.

— Вино будет? — спросил Шахматов.

— Нет, не получите. Но Кобылинский напиток готов.

— К Вашим услугам...

— И то дело...

Собеседники встали и вышли в столовую...

Глава 10

С этого времени началась лихорадочная работа обитателей лаборатории. Последняя вдруг стала фокусом сил, влияние которых распространялось на весь мир. Посетителям не было конца. Ежедневно сотнями и тысячами получались письма и запросы. В России и заграницей начались заседания, посвящённые новому открытию. Журналы и газеты запестрели статьями по поводу изобретённой системы. С каждым днём движение росло. Всякий шаг лаборатории регистрировался и отмечался. Новая система и имена её творцов были на устах у всех. На улицах указывали пальцами на учёных. Изобретение пухло во мнении толпы, принимало фантастические формы и вызывало горячие споры.

Шум разрастался. Росло число сторонников, но наметилась и оппозиция. В составе последней, помимо партии Ширинского и отчасти «Звука» и «Времени» — вошли и другие группы. Ополчились против изобретения и отдельные профессора. Они правильно учили, что новая система грозит им гибелью. «Не идти же на старости лет на выучку к каким-то молокососам», — думали они. По тем же мотивам яростно нападали на учёных и все консерваторы. «Если дать им свободу действий, — говорили они, — то тогда все привилегии и все устои современного общества обречены на гибель». Поэтому правыми и неправыми путями пытались они задушить открытие и обезвредить его результаты.

С раннего утра до поздней ночи не уставая работала семья изобретателей. За стенами лаборатории шумел и волновался мир. Здесь же внутри лаборатории царили порядок и тишина. Было спокойно и светло, но с лихорадочной энергией работали все. Каждый в лаборатории знал своё дело и своё место как на отлично-дисциплинированном броненосце. Происходил бой учёных с косностью мировой истории. Лаборатория открыла борьбу. Открыв её, она теперь продолжала её и не хотела отступать. Дело шло о «быть или не быть». Каждый знал это и потому был полон энергии. Никто не жаловался на усталость, никто не волновался, а все спокойно и хладнокровно делали своё дело. Разрешение на подпись для открытия сети школ новой системы, после ряда хлопот, было получено. Она открылась и шла весьма недурно. Из Америки успела прибыть комиссия, о которой писал Бару. Ряд иностранных учёных обществ и Академий приглашали изобретателей для докладов. Несколько университетов предложили им кафедры. Каждый день приносил тысячи новостей, плохих и хороших. Отложив на время поездку заграницу, учёные теперь были заняты пропагандой их системы в России. С этой целью они и их помощники писали статьи, докладные записки в комиссии парламента и министрам, парировали нападки, читали доклады и лекции, устраивали митинги среди рабочих, посещали заседания, посвящённые их открытию, короче — пускали в ход все способы, чтобы открытие глубже и шире вошло в жизнь. Рядом с этим постепенно осуществляли намеченный план подготовки кадров преподавателей и открытия сети новых школ.

Особенно много тревоги и энергии вызвала пропаганда новой системы среди рабочих и народа. Первые митинги здесь потребовали большую выдержку и терпение. Не без волнения выступал Никуличев в первые разы перед рабочими. Они были теми, во имя которых он работал. Они же были и той силой, на которую он хотел опираться. Не сомневаясь в конечном успехе своего дела, он, однако, предвидел, что в первое время придётся истратить не мало сил, чтобы преодолеть здесь инерцию невежества: чувство реальности и личный опыт мешали ему идеализировать их. Он знал, что и здесь власть изжитых традиций, бес почвенных утопий, и ошибочных методов не меньше, чем в других слоях. Знал также, что не мало препятствий будет поставлено ему и со стороны многих вождей рабочего класса.

Одни из них будут противодействовать из чистых побуждений, веря в правильность установленных догм, другие же — демагоги по природе — из свое корыстных мотивов и духа противоречия.

Его расчёты были правильны.

Вскоре после опубликования открытия в одном из рабочих органов появи-

лась статья под заглавием: «Волчий зуб и лисий хвост», резко нападавшая на учёных, презрительно называвшая их «буржуазными фокусниками» и предостерегавшая рабочих от «нового подвоха». Вслед за ней появились и другие...

Не очень дружелюбно встречены были они и на первых митингах рабочих. Особенно на двух, где докладчиками выступали когда-то знакомый Никуличеву, г. Барочевский, теперешний присяжный поверенный, сотрудничавший в некоторых рабочих журналах, и г. Пятловский, профессор и директор одного из банков, продолжавший кокетничать с социализмом. Характер докладов того и другого был сходен. Наговоривши кучу любезностей по адресу рабочего класса, напевши ему в уши, что он и единственный носитель справедливости, и единственная творческая сила, и единственный спаситель человечества, ругнувшись затем утопистов 18-го века, повторивших трафаретные фразы о всеспасающей экономике и пропевших акафист Марксу и Энгельсу, они под конец с бранью обрушились на изобретателей и их открытия. В этой ругани было всё, что бывает в таких случаях: и обвинение в втирании очков рабочему классу, и обвинение в буржуазности мышления, и намёки на то, что они едва ли не подкуплены капиталистами, и тут же указывалось на финансирование их Шахматовым.

Под конец оба докладчика призывали рабочих остерегаться «буржуазных наёмников», идти старыми путями, и заклеймить презрением «новоявленных фокусников капитала».

Резкость докладов объяснялась личными мотивами. После первых встреч с Барочевским Никуличеву не раз приходилось сталкиваться с ним в университете. И здесь не раз в заседаниях кружков влетало ему от Никуличева за его пустую болтовню, произносимую с апломбом и с немалым самодовольствием.

Были у Никуличева личные счёты и с Пятловским. Последний не понравился ему при первом же знакомстве в университете. Было что-то фальшивое и отталкивающее в этом жирном профессоре, с поросьячими глазами и с сиплым голосом. Дальнейшее знакомство подкрепило это отвращение. Оно выяснило, что этот краснобай-социалист был подлинным моральным нигилистом, поклонявшимся только золоту. Натянутые отношения закончились резким столкновением на одном из заседаний, где горячий Никуличев прямо назвал его «Чичиковым от науки» и «служителем чистого золота, кокетничающим с социализмом. Эти клички остались за Пятловским навсегда. Он не мог простить их Никуличеву и потому не замедлил выступить против него при первом удобном случае.

На обоих митингах доклады вызвали враждебное настроение рабочих к учёным. Обстреливаемый сотнями недружелюбных взглядов, Никуличев должен был до боли закусить губы, чтобы сохранить спокойствие и не выдать клокотавшего в нём гнева на демагогов и горести за тружеников, позволявших «обрабатывать» себя этим «проходимцам»...

Зато конечный исход заседаний был полным триумфом учёных и провалом докладчиков. Такому концу не мало поспособствовал Поленов и оглашённые резолюции иностранных социалистов относительно новой системы. Наконец сыграла роль и речь самого Никуличева.

— С тяжёлым чувством выступаю я здесь, перед Вами, — начал он. — Я ещё не сказал ни одного слова, а на Ваших лицах я уже читаю вражду ко мне. Вы не успели ещё познакомиться с нашей системой и уже относитесь к ней враждебно.

Не побывав в лаборатории, не прочтя наши работы, Вы поверили на слово докладчикам. Да и как не поверить! Сколько приятных вещей наговорили они Вам. Сколько фимиама воскуряли они пролетариату. А лесть действует на всех одинаково. И в итоге — я в Ваших глазах буржуазный фокусник, а они истинные социалисты.

Я не буду славословить Вас. Напротив, я скажу, Вы ещё очень неразвиты, ещё много Вам нужно учиться и не скоро ещё Вы достигнете той нравственности, которая нужна для культуры будущего. И поверьте, говоря так, я уважаю Вас больше, чем докладчики. Вы уже осудили меня, не зная ни меня, ни моих предложений. Спросите себя, честно ли это? Если бы суд вздумал поступать так же, могли ли бы Вы сказать, что этот суд справедлив?

Вы поверили Вашим докладчикам и сделали очень плохо. Вся трагедия истории в том, что народ слишком легко и скоро верил всем титулованным и нетитулованным проходимцам. Если хотите быть творцами будущего — не верьте никому и никогда. Не верьте и мне. Верьте только фактам. Все изучайте, и всё проверяйте и, лишь проверив, принимайте. Иначе по-прежнему будете стадом, которое будут водить пронырливые вожаки и хитроумные пройдохи. И сегодня провели Вас. Вам солгали Ваши докладчики. Они называли себя социалистами, говорили от имени социализма. Спросите их, кто им дал это право? Чем они доказали свою преданность социализму? Не тем ли, что один — банкир, а другой — адвокат? Не тем ли, что они с малых лет росли на готовых капиталах? Не тем ли, что один спекулирует, вздувая цены на предметы первой необходимости? Вы видите, кто такие эти господа, называющие себя социалистами. Теперь судите сами, можно ли полагаться на их слова, и обоснованна ли Ваша предвзятая вражда ко мне. Мои взгляды называли буржуазными. Но вот как называют их Ваши заграничные товарищи и вожаки «социализма».

Тут Никуличев процитировал ряд резолюций и статей иностранных социалистических организаций и социалистов.

— Вы мне можете и должны не верить. Но если Вы зрячи — Вас убедят факты. Если Вы любите авторитеты — я Вам дал их. Не скрою, я во многом не согласен с Вашими взглядами. Многие из Ваших традиций я отвергаю. Но разве Вы тот класс, который живёт традициями и чтит их ради самих традиций? Разве не Вы считаете себя вечно живыми, готовыми оставить любого Бога, раз он ложен? Многие из Ваших взглядов ошибочны. Вместо их — я даю Вам новые. Вместо старых путей — я указываю иные, более трудные, но скорее приводящие к обетованной земле и влекущие меньше жертв. Не Вам бояться трудностей и избегать их. Каковы же эти пути? Они заключаются в следующем.

Тут Никуличев сжато и отчётливо передал сущность открытия — его задачи, и его результаты.

— Теперь Вы знаете, — продолжал он, — чего мы хотим, и что мы можем дать. Мы хотим того же, чего хотите и Вы, но хотим достигнуть нашей цели иными путями...

Если мои слова рассеяли Ваше недоверие, то начните борьбу во имя общего дела.

Сделайте Вашим лозунгом — равенство знания. Вставьте в Вашу программу — требование новой системы, говорите о ней на митингах и в печати, составляйте петиции, давайте декреты своим депутатам. Требуйте открытия новой школы

при каждой фабрике, открывайте их сами, — учителей я дам Вам — одним словом, пусть новая система обучения и воспитания будет боевым лозунгом, и когда добьёшьтесь этой цели — я могу заверить Вас — Ваша вечная цель приблизится к Вам, и духовно, и материально. Вы будете иными, и, быть может, ещё при Вашей жизни Вы увидите созданным многое, что теперь лишь неясно рисуется Вам, как далёкое будущее... Но всегда остерегайтесь лести, не увлекайтесь самомнением, не принимайте ничего на веру и помните, что Вы не знаете ещё азбуки, а потому — учитесь и учите, учась — организуйтесь, и организуя — боритесь. Тогда, и только тогда Вы станете теми новыми людьми, кто возведёт величайший храм на развалинах изжитого строя.

Толпа бушевала. Спокойный, но властный тон, прямота обращения, уменье задевать нужные мотивы, обличение докладчиков и, в особенности — отзывы заграничных социалистических журналов — рассеяли враждебное недоверие, а последующая страстная и убеждённая речь взволновала души — всегда прямые и честные — и вызвала бурю аплодисментов...

После этих митингов последующие происходили уже при меньшей враждебности. По мере знакомства рабочих с системой — её популярность и популярность её творцов увеличивалась. Число резолюций, вынесенных ими на этих собраниях в пользу новой системы, с каждым днём росло. В итоге — инерция была преодолена, и вопрос о государственной системе новых школ стал боевым лозунгом момента. Главная сила, на которую рассчитывал Никуличев, перешла на его сторону...

* * *

С особым усердием пропагандируя свою систему в народных массах, учёные в то же время не забывали и остальных фронтов битвы. Пропаганда её велась тысячами путей всюду, где было нужно и где было можно. Печать, личное влияние, сотрудничество, заседания, лекции, митинги — всё былопущено в ход. Тысяча нитей протянулась от белого здания к разным пунктам земного шара, и число последних росло и росло. Белое здание и учёная семья превратились в музыкантов, разыгрывавших величайшую симфонию на этих невидимых струнах. Каждый удар их приводил в движение грандиозную сеть этих струн и вызывал могучие эффекты в общественной жизни. Идеи, брошенные ими, подобно молнии, прорезали пластины жизни и одевались в плоть и кровь. Невидимое знание воплощалось в ощущимые формы, разрушало изжитое и созидало грядущее. Оно клином врезалось в мировую жизнь и входило глубже и глубже.

Подписка прошла успешно. Сольвей прислал 10 миллионов франков. В последнем письме Бару сообщал, что первые шаги к практическому осуществлению новой системы уже сделаны. В письме говорилось также, что Никуличеву переводится 15 миллионов долларов из фонда Карнеги. Кадры первых преподавателей были почти готовы. В ряде городов: в Москве, Харькове, Одессе, Вологде, Владивостоке заканчивалась постройка новых лабораторий-школ. Зашевелились парламентские фракции. Заинтересовалось системой и правительство. И в России и заграницей образовались целые общества с целью пропаганды новой системы. Рядом с ними выросли и союзы противников изобретения. Защитники старого

порядка мобилизовали все свои силы, чтобы обезвредить открытие. Короче — мир волновался.

— Так и должно быть, — спокойно говорили учёные, следя за растущим движением.

— Борьба неизбежна и она должна быть. Раз она теперь уже приняла такие формы — нам нечего беспокоиться. Мы глубоко вошли в жизнь и внедрившиеся корни неистребимы, — так думали они и спокойно продолжали делать своё дело.

Мир волновался, а в лаборатории царил обычный порядок и тишина. Как и раньше каждый делал своё дело. Вся разница была лишь в том, что больше автомобилей подъезжало теперь к белому зданию, да чаще выезжали из него — его обитатели.

Глава 11

— Да что это такое!.. Все пишут и пишут о каком-то Никуличеве. Кто он такой? — бросая газету с портретом Никуличева, лукаво улыбаясь и закуривая пахитоску, прожурчала Кирсанова.

— Какой-то молодой учёный и едва ли не опасный революционер. А впрочем, это не важно. Это скучно, — теребя перчатку, ответил её собеседник.

— А нет, не скучно. Посмотрите на портрет, он интересный...

— Скучно.

— А я говорю, нет, и хочу знать, кто он такой...

— Ну, будет, Marie, что за странные желания начинают приходить тебе в голову!..

— Ничего странного нет. Хочу и... всё, — с той же лукавой улыбкой проговорила она.

— Я тебя не понимаю сегодня, — пожал плечами граф Шелапутин. — Ну, скажи, пожалуйста, что тебе за дело до какого-то учёного. Мало ли есть их! Дай лучше твои прекрасные руки, — целуя их, проговорил он.

— Интересно... Везде пишут об нём. На заборах читаешь объявления об его выступлениях. Все газеты полны и только о нём и твердят. В обществе, в салонах, его имя на языке у всех. Даже зависть берёт, — недовольным тоном заявила она. — Точно модный тенор...

— Ну, надо же газетам болтать о чём-нибудь. Вот и болтают.

Вошёл лакей и заявил: «Лошади поданы».

— Ты готова, Marie?

— Да, сейчас...

Через минуту они вышли.

Разговор происходил в роскошном особняке Кирсановой, отдыхавшей теперь от своих заграничных гастролей...

Знаменитая балерина и прославленная красавица была женщина экстравагантная и не глупая. Гибкая, как змея, упругая, как натянутый лук, она была одной из тех женщин, которые остаются в истории, подобно Клеопатре или Помпадур. Бледное матовое лицо, обрамлённое волнами чёрных волос, едва держалось на тонкой, мраморной шее. А глаза, — чёрные, бездонные, — и ярко

пунцовье призывные губы притягивали и колдовали людей, от простых смертных до коронованных особ. В списке любовников Кирсановой уже числилось два владетельных князя и один наследник престола...

Это была прирождённая Кармен, но Кармен таинственно-трагическая. Глубина в ней как-то непонятно уживалась с капризностью, легкомыслие с трагизмом. Многое в её поступках казалось совершенно неожиданным и непонятным. Этим, вероятно, объяснялись и её быстрые разрывы со своими любовниками. На второй же день после сближения она категорически объявила одному из них, что с этого времени между ними всё кончено. Другого неожиданно прогнала в минуты страстных поцелуев, наговорив ему кучу жестокостей...

Однажды совершенно неожиданно отдалась бедному юноше — поэту, которого заметила со сцены. Пригласила его за кулисы и поехала с ним ужинать...

Граф Шелапутин, блестящий гвардейский офицер, владелец громадных поместий и древней сановитой фамилии, — был её теперешним фаворитом. Чем больше он узнавал её, тем сильнее влюблялся. Не раз он предлагал ей «установить» их связь, но в ответ получал только смех и лукавую улыбку.

— Полно, мой друг, к чему это! Да и пристойно ли тебе — аристократу, связываешься со мной, полулюбовницей, полуактрисой, выросшей почти на улице, — с усмешкой заявляла она...

Всадники быстрым аллюром несколько раз объехали Летний сад и поехали по Михайловской. На углу ярким пятном краснела афиша, возвещавшая о публичном выступлении Никуличева в обществе криминалистов...

— Знаешь что, поедем сегодня на это собрание, — неожиданно прервала их разговор Кирсанова.

— На какое?

— Да вот на то, что на афише. Меня очень интересует этот господин.

— Mais...

— Без всяких Mais... Если не хочешь, я поеду одна...

— Едем. Начало в восемь?

— В восемь.

— В полвосьмого я буду у тебя.

— Mersi, милый, — послала ему поцелуй... — А теперь ко мне завтракать, — весело крикнула она и помчалась на своём коне.

Шелапутин покорно последовал за ней...

Глава 12

Занятые работой, учёные не забывали и второй своей задачи — уничтожения тюрем и всего карательного механизма... Добытые результаты должны были найти применение, и здесь в первую очередь. Оба слишком хорошо знали, что такое современное правосудие. Оба на себе испытали его действие и не могли забыть ужаса тюрьмы и её обитателей. Они своими глазами видели, как калечится жизнь тысяч людей, как бессердечно коверкается судьба этих несчастных и как нелепо беспощадна карающая десница правосудия. Знали они также, что самыми

униженными и обиженными среди людей являются те, кому выпал на долю жребий преступника. Настало время приниматься и за эту задачу... Возможные последствия их открытий уже учитывались юристами. «Право» напечатало статью обер-прокурора Кассационного Департамента Сената, содержавшую резкую критику надежд, возлагаемых на новое изобретение. В ней много и скучно говорилось о том, что задачи уголовного права должны остаться старыми, что целью наказания было и будет возмездие, что всякие попытки исправления преступников — беспочвенны и т.д.

В ответ «Юридический Вестник» напечатал статью, защищавшую намерения учёных и возможность радикального изменения борьбы с преступностью на почве новых открытий. Однако до выступления самих учёных юристы должны были бродить в полутьме, довольствуясь смутными слухами и общими фразами. Они ждали, что учёные должны выступить сами со своими проектами реформ в этой области. И они не ошиблись...

Месяцев пять спустя после описанного заседания Академии наук были разосланы повестки Юридического Общества, возвещавшие о будущем докладе Никуличева на тему: «Новая система воспитания и реформа уголовного права».

В назначенный день зал Юридического Собрания был полон. Видные юристы, сенаторы, судьи, профессора — все были на лицо, вплоть до Министра Юстиции.

Многие настроены были недружелюбно. В проектах учёных они усматривали угрозу их существованию и всей системе правосудия.

В 8-м часах ровно высокая эстрада была занята президиумом, явившимся «in corpore». Прозвучал звонок и проф. Таранин объявил собрание открытым. Никуличев занял кафедру.

Снова бледно-матовое лицо белело на чёрном фоне сюртука. Снова серые «вольтовые» глаза пробегали по публике, скрещивались с взорами многих, связывали их и приковывали к себе. На минуту они задержались на лице Кирсановой, и спокойно скользнули дальше.

Недовольная гримаса прошла по лицу балерины. Она с интересом смотрела на него, и казалось, была удивлена тем, что увидела мраморную маску, а не живое лицо.

— Мумия, — шепнула она Шелапутину.

— М.Г. и М.Г.! Вы с недоверием и не без скептицизма приготовились слушать то, что я намерен дождить Вам. Я одобряю этот скептицизм. Тем лучше для Вас и для меня.

Несмотря на предубеждение, я смело выставляю мои положения и буду краток. Слов не нужно тому, у кого есть дела. Они таковы: борьба с преступлением возможна.

Но не путём наказания, т.е. уничтожения или заточения преступников, а путём переделки или перевоспитания их, совершающего чисто лабораторным путём, быстро и вполне успешно.

Иными словами: я утверждаю, что любого вора, убийцу, закоренелого каторжника можно в течение одного-двух месяцев превратить в честного и нормального члена общества. Говоря «можно», я имею в виду не платонические пожелания, а фактически — исполнимое.

Кто не верит моим словам — тому я предлагаю свои услуги и берусь это сделать с любым преступником.

Слова звучали ровно и однотонно, но резко и отчётливо.

— Я говорю это так спокойно, потому, что ряд опытов в этом направлении нами сделан и дал нужные результаты.

Никуличев кратко передал добытые итоги...

— Таково, господа, основное положение.

Теперь извлечём отсюда главные выводы.

Они таковы: во-первых, — современный уголовный кодекс не нужен. Прескрупант наказаний, кропотливо вычисляемых Вами — излишен. Наказание должно исчезнуть.

Во-вторых, — тюрьмы и крепости должны отойти в прошлое. В них не будет обитателей. Кто совершил нечто недозволенное, тот будет отсылаться в лабораторию и выходить оттуда новым человеком.

В-третьих, — излишними будут и современные суды. Вся судебная процедура сведётся к простому факту выяснения, кто сделал такое-то недозволенное деяние.

Сделавший не будет скрываться, ибо наказание не будет грозить ему. Лаборатории будут подобны современным больницам. Пациенты, т.е. преступники, не только не будут избегать их, а напротив — сами являться туда, как больные идут в больницы и клиники.

Не нужно будет ни сложной техники следствия, ни установления форм виновности, ни подведения под статью, ни схоластических рассуждений о том, действовал ли преступник с умыслом или без него, из плохих или хороших мотивов, — всё это должно исчезнуть. Излишними будут и здания судов, обширный штат судей и вся судебная обстановка. Отныне не нужны ни прокуроры, ни адвокаты, ни судьи, ни присяжные, ни тысячи статей, ни миллионы листов бумаг, ни речи, ни прения — всё это заменится экспертом, который определит, кем совершено недозволенное деяние, и духовным врачом, который будет перерабатывать преступника в лаборатории. Само собой понятно, господа-криминалисты, что наше открытие делает бесплодными и все бесчисленные теории — пустые, как сор, — которыми наводнено уголовное право. Вся наша работа сведётся к тому, чтобы написать кодекс: какие деяния не дозволены. И только. Санкция будет едина: исправление. Процесс будет един — исправление. И результат будет один — исчезновение преступников и преступлений и рост морального богатства в обществе...

Я прекрасно понимаю, что осуществление моих предложений равносильно уничтожению современного правосудия. Но стоит ли жалеть об этом! Не являлось ли оно возмутительной несправедливостью, жестокой, зверской и, вдобавок, бессмысленно-бесполезной?

Вспомните, сколько людей здоровых и умных бесцельно пропадает в тюрьмах, губя ум и силы, и обременяя общество бесполезными расходами? Вспомните, сколько тратится на тюрьмы? А как велик штат охранителей? Примите во внимание и то, сколько сил, людей и денег нужно на суды, на судей, на адвокатов, прокуроров, бумаги, законы и т.д.

А сколько сил пропадает в схоластике юридической глупости!..

Наконец, не забудьте и того, что общество весьма дорогой ценой покупает свою безопасность — ценой тысяч жизней, озверения сотен тысяч и изуродования — миллионов. Жертв слишком много, а прибыли слишком мало...

Что даёт Вам Ваше беспощадное правосудие? — Ничего, кроме роста преступности и озверения, дикости и растущей опасности. Ваши меры дороги, жестоки и бессильны...

Наши рецепты просты, дёшевы — и всесильны. На сотую часть тех денег, которые ежегодно ассигнуются государством на тюрьмы и на правосудие, может быть выстроено достаточное число лабораторий, которые быстро и скоро выведут преступность из общества.

Резюмирую: Ваша борьба с преступлением — громоздка, жестока, бесчеловечна, стоит громадных жертв, — и бесплодна.

Мы даём новую систему — простую, дешёвую, нравственную и всесильную.

Кто предпочитает первое — тому я бесполезен.

Кто хочет второго — тот пойдёт с нами.

Дело каждого из Вас выбрать. Либо голая юстиция во имя пустых слов, жертвующая миром, либо — святость мира и человека. Первое — плод невежества. Второе — плод знания. Я кончил!..

Молчание было ответом. Речь и меры, предложенные Никуличевым, были столь неожиданы и шли так далеко, что собрание не сразу опомнилось от изумления. Набросанная картина подействовала ошеломляюще. Она разрушила почти весь общественный уклад. Вычёркивала из обихода добро и зло, преступление и наказание, суд и тюрьмы, кодексы и сотни тысяч учёных книг и споров.

Краткими и ясными словами этот человек нарисовал совершенно новый уклад. И говорил о нём не как о фантазии, а как о вполне осуществимом факте, который он может выполнить и выполнит.

— Что это? — спрашивал каждый. — Шутка? — Но нет. Опыты были реальностью, а не сном.

И вместе с тем — набросанная картина так непохожа на привычную.

Рисовалось нечто фантастическое, решительно — новое, требовавшее категорического выбора... Или одно, или другое. Старое — плохо, но люди сживаются с ним и не легко разрывают с привычным...

— Объявляю на десять минут перерыв, — провозгласил Председатель...

Публика зашевелилась и встала с мест. Начался обмен мнений.

— Что скажете насчёт доклада? Не правда ли ново? — обратился министр к проф. Базилевичу. — Придётся, пожалуй, сдавать нас в архив...

— Ново-то, ново. Но, — пожал плечами профессор, — не слишком ли далеко идёт он.

— Это возмутительно, — слышалось в другом месте. — Это какое-то нахальство — одним взмахом свести на смарку всё уголовное право, — говорил сенатор Пломба.

— Что станет с Вашими теориями наказания, умысла и неосторожности, необходимой обороны и крайней необходимости, — шутливо отвечал ему молодой присяжный поверенный.

— Что станет с кассационными разъяснениями! Вечная им память!

— Да... это почище Ломброзо и всяких социологических измышлений...

— Придётся подумать. Тут не возразишь ничего.

— Не юрист, а сумасшедший, Ваше Превосходительство, — лебезил перед министром молодой прокурор Ауэр, тонкий, юркий и штоватый.

Кирсанова во всё время доклада не сводила глаз с Никуличева. Странно действовали на неё эти холодные глаза и эта метрономная речь. В силу ли контраста характеров или в силу взбалмошного каприза — но этот человек притягивал её. Чем? Кто знает, не то внешностью, не то словой, не то чем-то стальным и непобедимым, что чувствовалось за его словами и жестами.

Сидевший рядом Шелапутин волновался и тревожно следил за ней.

— Ну как, довольна? — с внешней беззаботностью спросил он свою спутницу...

— Как бы не так. Какой-то манекен, а не человек, — лицемерно ответила она.

— Я же говорил тебе, что будет скучно.

— Я и не виню тебя.

— Тогда, быть может, пойдём?

— Нет уж. Просидим до конца.

Подошли знакомые и вежливо стали раскланиваться.

— Вы знаете Никуличева, — обратилась вдруг Кирсанова к знаменитому адвокату Силякову. — Познакомьте меня с ним.

— Идёмте.

Подошли к Никуличеву, разговаривавшему с каким-то психиатром.

— Дмитрий Николаевич! Позвольте Вам представить Марию Николаевну Кирсанову.

Пожали руки...

— Число Ваших поклонниц можете увеличить ещё одной, — шутливо заметила артистка.

— У меня их нет, — улыбаясь, ответил Никуличев. — Не скромница, — спокойно ответил он. — Это не по моей части. Как думаю и то, чем я занят, не по Вашей.

— Нельзя сказать, чтобы Вы щедры были на комплименты, — заигрывая, продолжала она. — Однако, я с интересом слушала Вас и многое поняла.

— Радуюсь. Только не знаю, к чему это Вам и как Вы сюда попали.

Голос был как и раньше монотонен, не видно было ни чрезвычайной вежливости, ни того незримого чувства влюблённости, которое обычно вызывала балерина.

Это было ново и немного неприятно.

— Вы откровенны, — играя глазами и легко покачиваясь на упругих ногах, продолжала артистка. — Наша сестра у Вас, должно быть, не на важном счету.

— Нет. Отчего же. Каждому своё. До науки Вам, конечно, мало дела, но зато у Вас есть свои достоинства, ценимые людьми.

— А Вами?

— Я, право, об этом мало думал, — равнодушно заявил он. — Простите, но я должен идти, — раскланялся докладчик.

Гrimаска недовольства пробежала по лицу Кирсановой. «Это уж слишком», — промелькнуло у неё в голове. Какой-то далёкий и мраморный. Было досадно, что её чары отскакивали от этого мрамора. И было приятно, что этот человек говорил с ней не так, как говорили с ней до сих пор. Ни огня возбуждения, ни похоти, ни мгновенного увлечения — к которым так привыкла она — не чувствовалось. Теперь только уяснила она себе тайную причину своего каприза. Ей хотелось просто поиграть с быстро прославленным учёным, — полюбоваться эффектом своих чар, завлечь, заколдовать, одурочить, насладиться своей силой, и затем, не без жестокости посмеяться...

И вдруг? — Чары отскочили, удары были бессильны и сила красоты — бездейственной...

Было неприятно, и дразнило желание.

«Ну постой же, — думала она. — Не я буду, если не скручу тебя. Будешь таскаться за мной, не хуже многих. Посмотрим», — и в глубине колдующих глаз вспыхивали огоньки, как ракеты в глубине ночного неба.

— Какая-то панихида, — садясь в кресло, недовольным тоном сказала она Шелапутину.

Тот улыбнулся. Сомневался, но поверил.

Перерыв кончился, и заседание возобновилось. Говорили многие.

Сенатор Пломба распинался за возмездие. Презрительно указывал, что докладчик не обосновал цели наказания, не дал юридической конструкции преступления и кары и т.д.

В этом же роде говорили и другие. Только двое с восторгом приветствовали новый план реформы и заявили, что отныне уголовное право кончило свою историю.

Никуличев сидел и спокойно слушал. В углу губ временами мелькала кривая усмешка. Встал и начал возражать; по лицу прошёл какой-то ток. Сверкнула молния внутреннего возмущения на человеческую глупость, прикрытую туманными словами...

— Господа! теперь я буду прям и резок и начну с вопроса: долго ли Вы будете хромать на оба колена. Вы упрекали меня в том, что я не дал Вам юридических конструкций, не привёл мнений от Адама до наших дней, не был тем, чем являетесь Вы, т.е. граммофоном, передающим чужие мысли, за неимением своих. О, я знаю, Вы это цените, но я был краток и сказал Вам: не нужно слов тому, кто имеет дела.

Чего Вы хотите? Культивировать ли преступность, чтобы можно было надевать мантию и с важным видом священнодействовать за судейским столом? Или же Вы действительно хотите бороться с преступностью?

Если хотите первое — к чему лицемерите! Тогда кричите: да здравствует преступление. И будьте откровенны!

Если же хотите бороться, то разве не видите, что Ваша борьба — бесплодна. Уменьшились ли преступления? Нет. Растиут ли они? — Да. Чем боретесь Вы? — Виселицами и тюрьмами. О, Вы культурны! Вы возводите одну тюрьму за другой, заботитесь о количестве квадратных сажен воздуха для «неисправимых». Вы тщательно вычисляете, подобно метрдотелям, Ваш прейскурант наказаний и хотите быть справедливыми. Вы распределили преступников по классам, как бабочек, и обрадовались, когда открыли «неисправимых».

Не мало Вы толкуете и о сущности наказания, об его целях и всегда к слову «возмездие» не забываете прибавить «справедливое».

Но... довольно бесплодного тканья слов.

Они слишком дорого стоят. Кто вычислит миллионы тех, кто погиб под сводами ваших тюрем, задохнулся, исчах, или сошёл с ума! А сколько тысяч погибло утренней зарёй на эшафоте! В прошлом Ваши предки были откровеннее. Они мучили и пытали прямо и открыто. Вы лицемерны и трусливы. Во имя этих жертв я поднимаю свой протест и говорю: довольно! И знайте — я сдержу своё

слово. Быть может, не сегодня, так через год, не через год — так через 10-ть, — но я проведу свою реформу, и Вы принуждены будете принять её.

Невежество рано или поздно гибнет. Знание — остаётся!

Раздались свистки, но они были покрыты аплодисментами. Горячая и прямая речь одних возмутила, других восхитила.

Не только друзья, но и противники увидели, что с этим человеком приходится считаться. От него нельзя отмахнуться. Да, в конце концов, отчего бы и в самом деле не сделать опыт и не воспользоваться его открытием?

Внимательно слушал докладчика и министр. Бывший профессор, человек не глупый, он старался исполнять свой долг не только за страх, но и за совесть. Система учёных его заинтересовала. К тому же как раз в это время разрабатывался законопроект о колониях для малолетних преступников. «Отчего бы не сделать опыт с ними и не воспользоваться услугами учёных,— думал он. — Опасности никакой, а результат может быть полезным», — подумал он и решил побеседовать с учёным на эту тему.

Публика расходилась, возбуждённая и шумная. Спорили, одни ругали, другие хвалили.

Перед выходом Никуличеву подали карточку министра юстиции с надписью, что он желал бы видеть его завтра в 12 часов.

— Прекрасно, — подумал Никуличев...

Выходя, он снова встретился с Кирсановой.

— Я думала, Вы мраморный, а Вы умеете и воспламеняться, — улыбнулась артистка.

— Да, по временам.

— И только в заседаниях?

— Вы очень любопытны, — отпарировал он вопрос. — Впрочем, да.

— А можно к Вам приехать, посмотреть Вашу лабораторию?

— Можно. Но для чего Вам?

— Ну, право же, Вы не любезны.

— Не привык, — холодно ответил он, — прощайте.

— Прощайте, — закусив губку, процедила артистка...

«Вот невежа-то. Я, право, готова сейчас побить его», — волновалась она, выходя из собрания.

Глава 13

В этот вечер Воеводская была одна. Муж уехал на какое-то заседание. Она никого не ждала и никуда не собиралась. На улице было сыро и холодно, а здесь в будуаре было тепло и уютно.

На столе лежал ряд листов бумаги. На одном из них чернело несколько строчек начатых стихов, но они неоконченные, зачеркнутые, сиротливо жались к углу листа и обрывались...

Работа не клеилась. Перо лежало на столе, а сама она сидела в кресле и, казалось, о чём-то думала...

Встала, взяла газету, прочла отчёт о вчерашнем выступлении Никуличева в

Обществе Криминалистов. Газета передавала содержание его доклада и прений. Рецензент от себя добавлял ряд замечаний и выводов, весьма лестных для знаменитого учёного. Рядом была статья известного социолога-криминалиста, приветствовавшего новое начинание и называвшего открытие Никуличева — «могилой уголовного права и дорогой в царство правды».

После первого выступления Никуличева в Академии наук — она не переставала внимательно следить за ним. Грустная и обиженная ушла она с заседания. Было больно, что так холодно обошлись с ней, было больно за свой выбор, за свою ошибку; она ясно увидела, что умерший был жив, потерянный — нашёлся и стоял у врат царства. А муж, которого до сих пор она ценила и уважала — оказался побитым, бессильным, и пустым...

И в душе её с этих пор оборвалась какая-то нить. Безмятежное и бодрое настроение, тихое счастье, питаемое любовью, уважением и работой, — исчезли и ушли. И против желания было грустно, и против воли почему-то всё время носились в голове слова: «А счастье было так близко, так возможно». Проходили дни. Слава Никуличева росла, а вместе с ней росло и душевное беспокойство Воеводской. Было неприятно и оттого, что он до сих пор не явился к ней и не пригласил её к себе.

«Неужели забыл или же мстит за прошлое», — спрашивала она. Вот и теперь снова стояло перед ней это холодное бледное лицо, с вольтовыми глазами, и странно размерные жесты. «Неужели это он? — думала она, — неужели это тот старый Дмитрий живой, непосредственный, горячий и всегда искренний?»

Она сравнивала обоих и не узнавала. Нет, это какой-то иной человек. Тот был всегда искренен, этот непроницаем. Тот был ясен — этот тёмен. По его глазам она могла читать всю его душу — у этого душа была отделена какой-то завесой. И при том, эта складка в углу губ — насмешливо-ироническая. «И тот, и не тот», — вздохнула она. Подошла к столу и из какого-то ящика вытащила связку писем, старых, порыжевших от времени и лежания. Села к камину и принялась читать.

«Дорогая, хорошая Лиза, — читала она. — Я в далёком-далёком лесу, бесконечном и непроходимом. До одного села — 100 вёрст, до другого 90. Лошади устали, и я ночую в этой лесной избушке. Вот я и снова в новом мире, так не похожем на твой мир, оставленный мной. Кругом лес, лес и лес. И я с ямщиком один здесь, как древний дикарь, среди иной жизни, странной и непонятной. Пали ужеочные тени. Где-то кричит филин. Кругом пищат комары... а мне хорошо и грустно-радостно. Не знаю, как и передать тебе то, что я чувствую. Ты теперь так далека от меня и так близка. Как живую я вижу тебя перед собой, твои чистые весенние глаза, твою дорогую улыбку и твой полудетский голос. О, если бы ты знала, как я тебя люблю теперь. И люблю какой-то странной любовью. Это не то, что обычно зовётся этим словом. Скорее это — обожание святыни, преклонение перед Беатrice, и вместе с тем — радость созерцания красоты. Нетленное соединилось с временным, любовь к ребёнку с любовью юноши. Нет, не сумею я передать тебе своё чувство. Но ты передо мною и ты везде. И мне радостно от этого. Душа трепещет. Боже, продли этот миг! Дай его пережить ещё и ещё, долго, часто,ечно. Лес шумит — и я слышу твоё имя. Филин где-то ухает — и он шепчет о тебе. Затерянный среди леса, я смотрю на небо, и небо — ты,

и ты небо. О, моя жизнь! Моё небо! Нечаянная радость! И если можно благодарить тебя — то я не знаю, как благодарить. Для меня ты отблеск потерянного рая и проблеск весенней зари и ярких весенних зарниц. Нет, не могу. Нет слов! Кажется, я наговорил много сентиментальности и ты, пожалуй, будешь смеяться над ними и мной.

Ну что ж? Улыбнись своей милой улыбкой и брось письмо. Я знаю, что улыбка твоя будет доброй, а не злой. Кончай.

Все лесные духи шлют тебе привет...

Твой Дмитрий».

Прочла и задумалась... Медленно развертывалась перед нею картина прошлого, ясная до боли, такая простая и сложная...

Взяла новое письмо, последнее письмо, присланное накануне свадьбы. Ровный почерк здесь был тороплив и нестроен. Буквы прыгали. Нажимы пера были сильны и неровны.

«Глубокоуважаемая Елизавета Александровна!

Поздравляю Вас с законным браком и желаю Вам и Вашему мужу всего хорошего. Извиняюсь, что не мог сдержать своё слово и быть на Вашей свадьбе. Очень занят, да и фрака не имею, а напрокат взять нет денег. Впрочем, к чему хитрить!.. Конечно, это не верно. Истинная причина — нежелание. Не хочу. А почему не хочу — Вам также, вероятно, ясно... А если не ясно — расскажу сказку...

Жила-была когда-то дивная фея. Нежная, ясная, лазурно-целомудренная. Звали её люди Любовью. Я называл её Тихим светом. Жила и росла. Создали её Вы и я. Эта фея-поэма взглядов, песня тихих слов и аромат чистых прикосновений, эта фея — весенний трепет души... И что же? Вы её убили... Без жалости Вы убили её... Понимаете? Убили!... Ну что ж. Если так нужно — пусть будет так. Забудем её! Вобьём ей в спину осиновый кол, бросим в яму и зароем! Пусть завоюют буйные ветры — и занесут её сырьевыми песками! А ты старый колючий бурьян, густо покрой забытую могилу былого! Идите своей дорогой. Желаю Вам счастья. Я его едва ли найду... «Старые раны горят»... Но не бойтесь. Я буду ещё жить. И зубами и когтями буду цепляться за жизнь. Зачем? Так, просто... ни зачем. А может быть и есть причина. Больше мы с Вами не увидимся. Ваша дорога идёт кверху, моя книзу. Печальная дорога, одинокая и тяжёлая, которая либо приведёт меня к вратам царства, либо — к смерти в канаве под забором. Ну что ж, собаке собачья и смерть. Прощайте. Я Вас не упрекаю и ни в чём не виню... Простите за неумышленную резкость. Я не хотел бы причинить Вам грусть перед свадьбой.

Д. Никуличев».

Камин тихо и пугливо вспыхивал, а Воеводская сидела задумчивая и печальная. Вспоминала прошлые сны, такие тихие и радостные. Вставали картины, всплывали образы и звучали когда-то сказанные слова... «А счастье было так близко, так возможно»...

«Нет, — встала она с кресла. — Я хочу и должна его видеть. Я хочу воскресить прошлое и оживить забытое... Пусть будет — что будет. Но я не могу так. Я хочу вновь этой целомудренной сказки, тихой поэмы зачарованного озера!»

Оделась и уехала...

С любопытством подъезжала к лаборатории. Внимательно вглядывалась и всматривалась... Мелькнули ворота, и извозчик остановился у подъезда белого дома.

Позвонила...

— Дмитрий Николаевич дома?

— Дома, — ответил открывший служитель...

— Подайте эту карточку и скажите, что я прошу его принять меня...

— Они, кажется, заняты, — нерешительно заметил открывший.

— А Вы подайте...

— Просят пройти, — вернувшись, сказал он.

Поднялась по лестнице и вместе со стуком каблуков слышала стук тревожного сердца...

— Здравствуйте, Елизавета Александровна, — встретил её Никуличев. — Прошу сюда, — пригласил он её. Снял пальто,boa и шляпу. Было отчего-то страшно. Украдкой взглянула в лицо: оно было спокойно-вежливое.

— Не удивляйтесь, Дмитрий Николаевич. Захотелось повидать Вас. Ждала, ждала, не дождалась. Если гора к Магомету не пошла, то Магомет к горе. Вот и принимайте гостью.

— Я очень благодарен Вам за память и очень рад Вас видеть, — послышались холодные слова...

— Дайте посмотреть, как Вы тут живёте. Ведь Вы теперь знаменитость...

— Пожалуй, что и так, раз уже Вы явились ко мне.

Намёк и укол острой болью врезались в душу.

— Вы ошибаетесь, я явилась видеть старого друга Дмитрия Николаевича, — ответила она.

— Если так, тем лучше, — ответил он. — Чем могу служить?

— По-видимому, этим Вы хотите сказать, чтобы я убиралась поскорее...

— О нет!

— Впрочем, ведь Вы так заняты, — нерешительно встала она, — у Вас нельзя отнимать время. Без повода нельзя и видеть Вас.

— Что я очень занят — это верно. Но, признаюсь, меня немного удивляет Ваш визит.

— Удивляет?..

— Да.

— И Вы не догадываетесь, что меня привело к Вам, — с волнением заметила она.

— И да, и нет. Пожалуй, что и догадываюсь.

— И что же, Вы рады?

— Вы хотите, чтобы я был откровенен?

— Да.

— Тогда я скажу прямо: Я рад Вас видеть, но прошлое умерло и умерло навсегда.

— Вот как, — вздохнула она. — Умерло... и навсегда... А если я люблю Вас?

— Елизавета Александровна, поздно. Слишком поздно... — грустно заметил он. — Я всё уничтожил... и настроил душу иначе.

— Тогда настройте её по-старому...

— Зачем? Для того, чтобы возродить старое? Безнадёжно. Разве я уже тот. А Вы разве та же? Нет! И я не тот, и Вы не Лиза, Вы теперь Елизавета Александровна Воеводская. Вы знаете, я притворяться не люблю, не люблю и врать. Будем откровенны... Что получилось бы, если бы я пошёл на Ваш зов. — Флирт. Физиология и обман мужа. Маленькое, пошленькое лицемерие, плоское и грязное, как всё обыденное. Нет, Елизавета Александровна. Бросим это. Да у меня есть и другая причина так вести себя. Я не хочу обидеть Вас, но... не могу не сказать Вам правды: я плохо верю в Вашу любовь. Вы влюблены — но не в меня, а в того Никуличева, о котором теперь твердят всюду...

— Дмитрий! — прервала она.

— Да, да, — продолжал он. — Именно в этот шум, как когда-то из-за него же влюбились Вы в Воеводского. Тогда Вы бросили меня, теперь готовы бросить его, и только потому, что теперь я знаменитее, чем он. Вы едва ли любили вообще кого-нибудь, кроме тени шума и славы.

— Вы неправы, Дмитрий. Боже мой! Как Вы неправы, — со слезами вскричала она.

— Нет, прав, — спокойно сказал он.

— Иначе, почему же Вы вспомнили обо мне только теперь? Почему Вас я не видел и не слышал раньше, в те долгие годы, которые прошли между Вашей свадьбой и сегодняшним днём? Тогда Вы и не подумали обо мне. Разве было Вам дело до неудачного юноши, бедного, слабого, неизвестного и забытого! Жив ли он или мёртв? Сыт или голоден? Счастлив или смертно страдает? Спросили ли Вы себя хоть раз об этом? Приходило ли Вам это в голову? — Нет, нет и нет. Вы были довольны. И Вы, и Воеводский были увенчаны лаврами, а чего ж Вам было ещё нужно. До бедного ли юноши тут было. И если бы услышали о его смерти, Вы бы только вздохнули и тут же забыли о ней. А теперь — фортуна повернулась в мою сторону, и вот Вы вспомнили обо мне.

— Как Вы жестоки, как Вы бессердечны! — с рыданием вырвалось у неё.

— А Вы были сострадательны, и пожалели меня? Без тревоги, с лёгким сердцем, Вы ограбили мою душу и истоптали её. С любопытством и не без удовольствия Вы приехали ко мне со своей вестью и звали на свадьбу. Знали ли Вы, что Вы делали! Окружённый неудачами, богатый лишь мечтами и планами, я жил тогда только Вашей любовью. И Вы убили её. О, если бы знали Вы ту боль и то мучение, которое я пережил. О, если бы испытали хоть часть того, что испытал я за эти годы. Да, теперь я победитель, и стою у врат царства. Но чего это стоило?.. Я сам удивляюсь, как я вынес всё это... Не удивляйтесь и Вы, если все нежные струны выгорели в душе и больше не звучать. Это грустно, быть может, но в этом виноваты Вы же... Пусть я жесток, но раз можно быть и жестоким. Да и не ради жестокости говорю я Вам это, а ради того, что прошлое исчезло. Его не воротишь, а игра в флирт с очаровательной дамой — меня не манит.

Воеводская тихо плакала...

— Да, Вы отчасти правы, — сквозь слёзы сказала она. — А счастье было так близко...

— Да, было близко... И мне, Елизавета Александровна, от души жаль, и себя, и Вас. Но помочь Вам не могу... Иными снами теперь живу я. И не нужно тревожить прошлого... Дайте Вашу руку... и забудьте о нём.

Рука, та дорогая рука, которую не раз когда-то целовал он, теперь тихо дрожала, а в глаза его смотрели странно знакомые глаза прежней Лизы. То же лицо, те же губы. Что-то пробежало по лицу, а в душе поднялось какое-то новое чувство, вспыхнуло в глазах, и казалось, вот-вот старый Дмитрий воскреснет, но... через минуты снова легла маска и погасила все загоревшиеся огоньки.

— Не надо будить мёртвых, — сказал он. — Прощайте, Елизавета Александровна, и простите меня за мою жестокость...

— Прощайте, — тихо ответила она.

Хлопнула дверь, и она скрылась... Ехала грустная и убитая.

А он ещё долго сидел один и думал о чём-то. Было жаль прошлого и было радостно, что его уже нет...

«А может быть, воскреснет? — Нет, не нужно. Это прошло и превзойдено. Теперь он живёт иным, и радость любви — ненужная роскошь. И так душа полна радостью творчества, перекатами своей силы и могучими аккордами разрушения и созидания. Она полна и горит. Иного огня не нужно... Не надо будить мертвяков», — решил он.

Часть четвёртая

После полудня

Глава 1

Был вечер. В кабинете Никуличева было тихо. В мягком свете лампы расплывались контуры предметов... Только резко белела острыя борода и хищный нос Мефистофеля...

Учёный нервно ходил взад и вперёд, из угла в угол... Подошёл к столу, заглянул в повестки. «Нужно ехать на заседание. — Нет, не поеду», — махнул он и устало опустился в кресло...

Сидел и смотрел куда-то, в угол. Рой мыслей кружился в голове. Прошло уже четыре года со времени выхода на улицу. Три года непрерывной борьбы, лихорадочной работы... Усилия дали желаемые результаты. Изобретение вошло в жизнь. Ряд государств ввёл новые школы... В них обучаются уже сотни тысяч людей... Тюрьмы пустуют... Лава преступников из суда движется в лаборатории и через две-три недели выходит из неё. Как жернова поглощают зёрна и выбрасывают измоловую муку, так и лаборатории поглощали людей, переделывали их и снова выпускали новыми, очищенными. Тысячи преступников спасены и вырваны из когтей преступности, мучений и страданий. Сколько писем и благодарностей посылаются ему каждый день! Умственный процесс ускоряется на глазах. Малые дети становятся мудрецами, невежи — разумными, обиженные судьбой — довольными... Границы между интеллигентными, обеспеченными классами и народом — стираются. Ясный, всемогущий разум начинает воплощаться в жизнь.

Острый период борьбы прошёл. Они победили. Привели в движение мир и преодолели инерцию. Теперь дело перешло в массы, в руки народа, городов, земств, парламента, наконец, самого государства. Тяжесть работы склынула с плеч, и с каждым днём становилась легче и легче. Инертный механизм приведён в движение, с каждым днём он увеличивает свою скорость, шире и шире раздвигаются его лапы, больше и больше захватывает он материала и, переварив в себе, выбрасывает, заменяя одних другими. Ворвавшись вихрем, он вызвал бурю в общественной жизни. Родилось движение, росло, отделилось от него и стало жить по своим собственным законам. Теперь его собственное значение — ничтожно. Он может выйти из строя, — и движение будет жить, развиваясь и входя в новые толщи жизни. Его дело сделано. Он становится излишним.

Это чувство ненужности чаще и чаще стало посещать учёного. Оно росло по мере того, как падала острота борьбы, раньше заполнявшая дни и ночи. И вместе с этим чувством стали находить приступы не то скуки, не то утомления. Не волновали больше ни благодарственные письма, ни новые успехи его системы, ни всеобщее поклонение и уважение, ни вещая слава, гремевшая по миру, и возведшая его в гения человечества.

Уважение и торжественность, с которым встречали его во время последней научной поездки за границей, — скорее утомляли, чем радовали. Пышные банкеты, устраиваемые в его честь, — раздражали. Окончив дело, он торопился возвратиться под тихие своды своей лаборатории, — свидетельницы его научного творчества и трепетного энтузиазма. И так, в её пределах, он, провёл большую часть времени. Мир шумный, сложный, суетный, — утомлял его, раздражал и наводил пустоту...

Теперь и в лаборатории стало скучно... Был там и сегодня... Прошёл, всё осмотрел, принял отчёты и нашёл всё в порядке. Пущенная в ход и хорошо налаженная машина работала превосходно. Но не было уже прежней радости... Мир, созданный им, зажил своей жизнью и стал чужим, как выданная замуж дочь. Теперь он мог почтить от дел, как почил Бог после создания мира. Что нужно, то доделает время...

И стало пусто в душе... Исчез какой-то огонь, ранее пылавший в ней и жёгший всё его существо. А новые задачи? Ведь в его мозгу гнездится тысяча новых открытий, ещё более смелых, ещё более грандиозных?.. Да... Гнездится... Но почему-то не хочется браться за их решение... Снова долгие утомительные искаания, ошибки, сомнения, бессонные ночи, усталость. Нет... Не хочется... Не хватает каких-то дрожжей...

— Устал... обленился... и почиваю на лаврах... — усмехнулся он самому себе...

«А не закат ли? — пронеслась пугливая мысль... — Не исчерпал ли я самого себя, и не пришла ли пора подавать в отставку?... — Нет... Рано ещё... Мозг свеж и силён... Голова ещё немного... Но почему же так скучно?»

И снова ходил по кабинету... Мысли, не сдерживаемые волей, разбегались и толклиссь без всякой системы.

Взгляд упал на статую Мефистофеля... Остановился... Посмотрел... Вспомнил трагедию Фауста... Пришли на ум слова:

Я философию постиг,
 Я стал юристом, стал врачом...
 Увы! с усердьем и трудом
 И в богословье я проник —
 И не умней я стал в конце концов,
 Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
 Магистр и доктор я — и вот
 Тому пошёл десятый год;
 Учеников туда-сюда
 Я за нос провожу всегда.
 И вижу всё ж, что не дано нам знанья.¹

Как и Фауст, могу я сказать:

Ещё ль в тюрьме останусь я?
 Нора проклятая моя!
 Здесь солнца луч в цветном окне
 Едва-едва заметен мне;
 На полках книги по стенам
 До сводов комнаты моей —
 Они лежат и здесь и там,
 Добыча пыли и червей;
 Реторт и банок целый ряд
 В пыли с приборами стоят
 На ветхих полках много лет.
 И вот твой мир! И вот твой свет!
 Ещё ль не ясно, почему
 Изныла грудь твоя тоской,
 И больно сердцу твоему
 И жизни ты не рад такой?
 Живой природы пышный цвет,
 Творцом на радость данный нам,
 Ты променял на тлен и хлам,
 На символ смерти — на скелет!..²

— Положение не тождественно, но похожее, — думал он дальше...

— Не в этом ли секрет, — подумал он. Развернулась новая сеть мыслей.

— Я ведь, в сущности, не жил до сих пор, — сказал он себе. — Жизнь была только там, в первые годы детства. Позже была одна работа. Великий мир с его чудесами — исчез и превратился в материал, на котором он пробовал свои творческие силы. Мир сделался мастерской и... только, а он вычислял, исследовал и расчленял его. И мир, и людей. Он не помнит, чтобы когда-нибудь за долгие годы

¹ И.В. Гёте. Избранное: Страдания юного Вертера. Фауст.— М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.— С. 124.

² И.В. Гёте. Избранное: Страдания юного Вертера. Фауст.— М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.— С. 124.

он просто полюбовался синевой вешнего неба, просто послушал аккорды рояля, просто наслаждался драмой или оперой или восхищённо созерцал красоту линий прекрасного женского лица. Нет. Этого не было. Всюду и везде были вычисления. Всё было средством, всё анализировалось, всё изучалось. Мысль, приученная к работе, пользовалась каждым фактом, каждым случаем, для эксперимента. И любовь, и детская улыбка, и плач возлюбленной, и крик отчаянья, и проклятье, и хохот — всё было для него лишь формами механики поведения, простым объектом изучения. Их содержание, их внутренний смысл — куда-то исчезал... Он забывал про это. Вся гамма мировой симфонии упрощалась и превращалась в комплекс рефлексов и актов...

Мир же, как чудо, он просмотрел, как забыл и самую жизнь... Из живого человека он стал машиной, которая творила великое, но, творя, поглощала голоса жизни без вкуса, без запаха и без переживаний...

Из тысячи жизненных дорог он выбрал одну и шёл по ней, зажмурив глаза; шёл как лунатик, не видя ни солнечного луча, купающегося в море, ни радуги цветов, ни чистой музыки жизни. Шёл и шёл по ней. Работал, боролся, уйдя от мира и утверждая свою личность... Пока цель была далеко, пока борьба была смертной, — он жил, горел и действовал. Теперь цель достигнута, жар схватки пройден, что осталось достичнуть — придёт само со временем... Дорога пройдена, и стало пусто.

И снова ходил по кабинету. Ходил и думал...

«Да, однобокая жизнь... Слепая жизнь». Что-то похожее на сожаление о безвозвратно погибшем зашевелилось в душе. Сколько было красоты — и она осталась не замеченной! Сколько цветов благоухало по его дороге, и его уста не прикоснулись к ним! Сколько чистых, восхищённых взглядов, зовущих улыбок кидали ему... и он прошёл мимо, замкнутый и холодный!

Вспомнился образ милой, молодой девушки, с целомудренными глазами, чистой улыбкой, прекрасной, как само детство... Она была у него. Она поклонялась ему и полная воли отдавала ему жизнь и всё существо... И он не принял её любви. Холодный, неуязвимый, он прошёл мимо и предложил ей вылечить её от ненужной страсти... Он не сумел оценить бесконечную красоту её порыва... Увидел в нём лишь «рефлекс» и предложил ей заменить его иным, более удобным, не мешающим работать и спокойно жить...

Вспомнились десятки других лиц, столь же прекрасных, звавших его к себе, заманчиво улыбавшихся, целомудренно красневших от любви к нему... и все они прошли, не получив от него ничего, кроме равнодушного или насмешливого взгляда... Холодный, как статуя, он проходил мимо их. И замораживал страсти, гасил порывы, и давил чувства. Встало бледное матовое лицо Кирсановой... Вот и эта трагически-прекрасная вакханка. Ни разу не ответил он загоревшимся взглядом на её призывающие взоры, ни разу не сказал ей ничего, кроме сухих, как стук дерева о дерево, слов... Холодные слова и кривая усмешка были ответом на все её зовы и все её стремления.

«Слепой фанатик! — прошептал он и сел в кресло. — Что же несёшь ты в своём жизненном багаже? — Только капитал живых впечатлений детства и неудачную любовь юности... Больше нет ничего... Всё остальное только «рефлексы». Они всё поглотили, всё вытеснили и всё обесценили...

На них ты променял всю бесконечность жизни, замуровал себя в раковину науки и... окаменел в ней...»

«Живой труп», — прошептал он снова.

— Да. Ты прав, великий искуситель, — думал он, обращаясь к Мефистофелю...

Кто философствует, то выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойдённый,
А вокруг цветёт роскошный луг зелёный!³

Так было и так будет.

Что же делать?.. Воротить потерянное?.. Не поздно ли? Многое ещё не ушло...
Многое ещё возможно...

И может быть, на мой закат печальный,
Блеснёт любовь улыбкою прощальной...
Вспомнились почему-то слова...

По-прежнему было тихо в кабинете. Дремали книжные шкафы... Недвижно лежали кипы бумаг. Казалось, всё умерло. И жизнь ушла отсюда. Учёный недвижно сидел в кресле. Как будто спал или умер...

Вскочил... Подошёл к телефону и нажал кнопку.

— Мария Николаевна, это Вы?.. Отгадайте?.. Никуличев... Не удивляйтесь и простите, что я звоню Вам... Почему? Просто захотелось услышать голос и повидать Вас... Можно приехать к Вам? Не надеетесь?.. Ну так с Вашего позволения, я через три часа буду у Вас... Не радуйтесь... Я ведь, очень скучный... А сегодня, вдобавок и злой... Да... да... Отлично... Спасибо... До свидания...

Бросил трубку и усмехнулся. Провёл рукой по статуе Мефистофеля...

— Почтенный дьявол! Дай мне твою руку и веди меня в грот Венеры и на шабаш ведьм. Пустимся в путь! Попробуем, что из этого выйдет. Говорят: «Лучше поздно, чем никогда»...

Позвонил.

— Попросите доктора...

Через несколько минут явился Кобылин.

— Вижу, ты идёшь с докладом, — встретил Никуличев друга... — Доклада не будет... Вместо него садись и выслушай мой доклад...

Дело в том, что я хочу у Вас взять отпуск, быть может, временный, а быть может, и до смерти, — начал учёный и изложил откровенно свои переживания и настроение... — Ты согласишься со мной, — продолжал он, — что я теперь лишний и не нужен. Вы все справитесь и без меня. До сих пор я работал, теперь хочу пожить... Просто пожить. Почивать на лаврах и поискать свою Маргариту... Ты понял меня?..

Кобылин внимательно слушал...

— Да, я понимаю тебя, Дмитрий. Ты прав: до сих пор ты работал, а не жил... Я — жил, у меня была Лена, есть любовь, есть жизнь... Я чаще тебя отдыхал. Ты

¹ И.В. Гёте. Избранное: Страдания юного Вертера. Фауст.— М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.— С. 166.

же за всё время работы отдохнул лишь раз и, конечно, имеешь право на жизнь и на отдых. Что же, иди! Получай отпуск! Едва ли долго ты будешь пользоваться им, думаю я. Наверно, вернёшься скоро обратно. Но это увидим потом, а пока иди. С делом мы справимся...

— Какой ты умница, — пожал Никуличев руку доктору... — Великолепно... Отныне меня не беспокойте... Только уж, в крайнем случае, ты вызовешь меня. Ты становишься на моё место. И позволь теперь же передать тебе все дела. — Итак, с сегодняшнего вечера я свободен.

Окончился полдень жизни одного человека...

Глава 2

Автомобиль быстро катил по улицам.

Новые, необычные мысли и чувства кружились в голове Никуличева... Какой-то голос шептал: «Вот так учёный! Что? Надоела, небось, наука? А? Захотелось пожить небось? Захотелось любви? Женщины? Так-с, господин учёный, — ехидничал голос. — А не вспомните ли Вы, что изволили говорить... когда-то о том, что наука делает всё остальное ненужным. А? Не объясните ли также, г. изобретатель, где Ваш ключ для отпирания и запирания человеческих душ? Почему Вы его не используете? Уж не потеряли ли, грехом? Или же Вам жаль этих чувств и переживаний и Вы не хотите вырывать их из души?..

Ай, ай, ай, г. учёный. Немножко, поди, стыдно Вам теперь. Вот так знаменитость, Вот так учёный. Вот так трибун! Вот так механик человеческих душ! Поехал к бабе, к всемирной блуднице, зачем, а? Извольте-ка сказать, зачем? Как в песне «всё на бабу променял»...

...Х, хе, хе. Ведомо зачем... Пользоваться остатками княжеской и капиталистической игрушки... — цинично продолжал тот же голос... — Ай, ай, ай! Немножеко покраснели, г. учёный?

— Чепуха всё это, — возражал ему другой голос. — Ну и поехал... Что ж в этом плохого? Ведь не считаю же себя я аскетом, которому запрещено прикасаться к женскому телу?.. Ни с моральной, ни с рациональной точки зрения нет здесь ничего предосудительного... Поехал и поехал. Глуп был, что до сих пор жил в анахоретом.

— А всё же, как-то не идёт это к Вам, г. изобретатель... Нарушает стиль... цельность типа...

— Ну и пусть нарушает... А ну тебя к чёрту! — пробормотал он неведомо кому...

Вспыхивало любопытство... Как она встретит? Что будет делать? Как вести себя? И как он сам должен вести себя?..

Автомобиль остановился у роскошного особняка...

Учёный сошёл и позвонил. Дверь бесшумно раскрылась, и швейцар почтительно снял свою фуражку...

Кирсанова ждала его в своём маленьком, интимном будуаре...

— Не ожидала, что великий учёный и каменный человек осчастливит свою рабу посещением, — шутливо встретила она входящего и с протянутыми вперёд руками рабски поклонилась...

— Не ожидал, что мировая знаменитость так неискренне встретит скромного человека в своём жилище, — в тон ей ответил Никуличев.

— В таком случае, садитесь, — мило сказала артистка, — и рассказывайте о себе и своих изобретениях...

— Скучно, Мария Николаевна...

— Мне не скучно... Скажите, Вы правда эскимос? А? Мне сказали, что Вы эскимос и каменный человек — правда, а? Ведь это так экзотично, так необычно. И вид Ваш, и работы, и происхождение, и жизнь — всё удивительно... Правда всё это?

— Не знаю, неинтересно...

— У, у... какой угрюмый бук! — по-детски протянула артистка... — Не будьте же таким букой и расскажите мне что-нибудь о Ваших делах и себе. Мне это очень, очень интересно. Ну-у? — близко наклонившись к нему и легонько ударив его по руке, сказала она.

— Бросим это, Мария Николаевна... Всё, что было, то прошло. Я развёлся с наукой, покончил с ней и... потому не будем говорить об этом...

— То есть как это?

— То есть так это.

— Как так?

— Да, так...

— Не понимаю ничего...

— И не надо понимать. Не надо... Мне вот нравится Ваша рука... Дайте мне её... — маленькая нежная ручка тихо легла на его руку. — Подойдите ко мне, зажгите все огни и дайте мне ближе взглянуть на Вас...

Кирсанова смущённо повиновалась...

Никуличев встал, отошёл и впился глазами в фигуру артистки...

— Да. Да. Прекрасно, — бормотал он, любуясь ею.

Подошёл близко-близко... Лицом к лицу... Молча подошёл, немного запрокинул ей голову, поддерживая её рукой, молча же впился глазами в её лицо, глаза, губы, в волосы и в дивную шею... И стоял так, и любовался...

— Какой Вы странный, — шепнула артистка...

— Подождите... молчите и не говорите...

И снова смотрел, казалось, долго, целую вечность, затем тихо поднял её и бережно усадил в кресло, а сам сел в углу и закрыл лицо руками...

— Дмитрий Николаевич, что с Вами? — искренним и задушевным тоном спросила артистка. — Скажите же, Бога ради, что с Вами? — ласково поглаживая голову, говорила она. — Вам не хорошо? — пытаясь отнять его руку. — Ну взгляните же на меня, — тихо молила она.

Руки упали, и глаза артистки встретились с новыми, детскими глазами, блестевшими не то от восторга, не то от слёз... Встретились и потонули в них...

Взгляды глубже и глубже проникали друг в друга... Каждый, казалось, пил душу другого... Протянулась незримая нить... крепла, сильнее связывала их, взаимно притягивала...

Одна душа проникала в другую...

Ближе и ближе становились лица, и губы их встретились. Тихая дрожь пробежала по телу Никуличева, передалась Кирсановой, и два существа затрепетали тихим трепетом весенних тополей...

Сплелись руки... Тихий трепет сменился бурными взрывами... Они рождались в одном, ударялись в другое «я»... и, отразившись, снова возвращались к первому, загорелись молнии страсти и зажгли два тела и две души...

* * *

— Это и есть любовь? — задавал себе вопрос Никуличев, сидя в автомобиле.

И опять какой-то ироничный голос шептал ему: «Ну что, изволите быть довольным? Вкусили, узнали-с, что такое любовь? Одержали победу-с... А? Что скажете, г. учёный! Не слишком ли быстро Вы изволили влюбиться? Не похожи ли Вы — ну маленечко — на тех, кто, выйдя на улицу, покупает первую встречную и идёт с ней спать? Раньше когда-то Вы иначе понимали любовь. А теперь — хе, хе, хе. Просто пришли к незнакомой женщине, побыли, проделали, что нужно, и... уехали-с. И познали любовь? Хе, хе, хе! Просто, очень просто, г. учёный... Рефлекс, простой половой рефлекс, с определёнными эмоциями и акциями. Эх, изобретатель! Стоило ли из-за этого бросать науку?».

Другой голос перебивал его...

— Пережитое — дороже годов... Чувства — святы... Они сами возникли. Разве не дивными были линии лица, когда ты созерцал их? Разве не бесконечность таилась в её глазах и разве не чудом было прикосновение её тела и её ответные порывы?

— Продолжайте мотивировать, продолжайте, — шептал первый голос. — Нельзя-с без мотивировки... Всякая нелепость мотивируется. А вот, что скажете Вы насчёт механики поведения?.. Замочек Ваш должно быть поиспортился или ключик от него изволили потерять-с? Механики, как будто и нет-с...

Автомобиль быстро мчался. Голоса спорили. Никуличев слушал их... И колебался: ключ был в его распоряжении. От него зависело, настроить ли себя по-прежнему или продолжать это «разгульное» настроение. Многое говорило за... первое. Но было жаль «возможности ощущений».

— Подождём ещё. Посмотрим и испытаем, — решил он...

Приехав к себе, он раздёлся и лёг.

* * *

Началась новая жизнь... Дело, система, лаборатория — всё было забыто и покинуто. Заведённая машина работала, но без него и вне его. Согласно договору — его никто не беспокоил. Никуличев был вполне свободен... Ироничный голос продолжал нашёптывать свои мысли после каждого визита к Кирсановой, но... протест его оставался бесплодным... Свидания с ней продолжались. Они вместе посещали театры, концерты. С ней и без неё он стал появляться в салонах. Всюду встречали его с любопытством, и уважением. Он делался сразу центром внимания. Почтенные люди, и особенно дамы, сразу же забрасывали его сотней вопросов об изобретении, но он отшучивался и категорически отказывался вести беседу на эту тему. И не только на эту, но вообще избегал серьёзных разговоров... Прямо или непрямо беседы переводил на лёгкие, легкомысленные темы, каламбурил, отшучивался. Одни отходили разочарованными — совсем не таким

представляли они изобретателя и социального реформатора. Другие принимали это за каприз и чудачество, и легко мирились. Третья — радовались, видя простого, милого повесы там, где ожидали найти напыщенного жреца.

Мимо проходили сотни людей... Тревожно следили его глаза за женскими лицами... искали они кого-то, давно ожидаемого, давно желанного. И всё не находили... Кирсанову он любил... Но «это было не то». Хотелось чего-то иного... Чего-то похожего на то, что снилось в дни юности, глубокого, вечного и неотвратимого. Грэзилась любовь, берущая всё, и отдающая всё... Захватывающая всё существо, целиком — без остатка...

И её не было. Временами казалось: «Вот она, *Lumen coeli, Sancta Rosa*», незыбивная, предречённая... Завязывалось знакомство; начинался флирт, иногда связь, но каждый раз, очнувшись от страсти, — наедине с собой, — он снова говорил: «Не то, не то и ещё раз не то». Число встреч и число связей росло, а прекрасная надежда становилась бледнее, уходила дальше, умирала. И с горечью повторял он: «Рефлекс, всё рефлекс, рефлекс мстит за себя». Было пусто и было нудно на душе.

Тоска и скука не покидали её...

Ездил на курорты... Предпринимал путешествия, перебывал в столицах мира, посещал красивые места... слушал знаменитых певцов и музыкантов. По дороге — влюблялся и влюблял... Временами чувствовал всю красоту виденного, моментами жил остро, пламенно, дрожал от трепета жизни, превращался в отзывчивую натянутую струну, всем существом отвечающую на каждое прикосновение смычка жизни...

Но проходил момент, и его место занимала монотонная бесцельная канитель или мерцание, как он сам называл его. «Жизнь без верёвочки», «кружение по воле ветра». Надоедало одно место, он ехал в другое, снова возвращался к себе и снова уезжал...

Связь с Кирсановой продолжалась... Он любил её так, как мог любить. Это была не чисто половая связь. Нет. Он временами, как и в первый раз, доходил до экстаза, потрясавшего всё его тело в созерцании её образа и её пластики... Часто казался, благодаря этому, странным и непонятным ей, привыкшей и знавшей иных мужчин.

— Какой ты странный... Ты какой-то непохожий на остальных, — часто лаская его, говорила она. — И глаза у тебя иные, и весь ты — иной, — целуя его, прибавляла она, и долго, долго смотрела в его глаза, тонула в них и забывала всё. — А всё же, ты хороший. Лучший, удивительный, — добавляла она.

— Не очень хорош, но не хуже других, — добродушно отвечал он в минуты покоя. — Перестал быть праведником, но и не стал погибшим грешником. А впрочем, — тревожно добавлял он, — быть может, и погиб... быть может, — нервно вороша волосы, повторял он... и задумывался...

— Какой-то непонятный ты. Но... это хорошо... Все остальные понятны и потому неинтересны. А ты вот сковал меня. Мне теперь не хочется и глядеть ни на кого. Не хочется. Всюду ты. Один ты, плохой, непостоянный, ветреный мальчишка. Испорченный, — мило упрекала она. — Жестокий, не жалеешь меня... Я ведь мучусь от того, что ты мой и не мой... Мне больно, Димитрий! — и глубокая грусть звучала в её словах...

— Не надо, любимая. Не надо. Я и сам знаю, что я плохой, ветреный. Но что ж с этим поделать?.. В этом и твоя, и моя беда... как бы я и сам хотел видеть всюду тебя, одну тебя,— устремив вдаль глаза, говорил он. — Но... «судьба не велит»... Или быть может — я сам не велю себе.

И так проходили дни за днями. Скитания «Нового Фауста», как он сам называл себя, продолжались. Одна Маргарита сменялась другой, но не было единственной. И нередко в тиши кабинета он подолгу смотрел на Мефистофеля, и думал о вечной трагедии души человеческой. Полугрустная улыбка, с оттенком привычной иронии, не редко застыла на его губах... Временами появлялось желание порвать с этим исканием, бросить «канитель», завести себя на старый лад и возвратиться снова к забытому делу жизни, теперь странно отдалившемуся от него и жившему своей жизнью... «Как полип, отработал и ушёл... Меня уж нет, а дело застыло, стало раковиной и живёт своею жизнью», — думал он... Хотелось временами возвратиться к прошлому, но что-то удерживало, что-то мешало...

— Инерция! Инерция! И привычный рефлекс! — усмехался он...

И когда после таких минут попадал к людям, язык его был остр и безжалостен... Если не он сам, то другие чувствовали это на себе... «Живой сарказм», — кто-то прозвал его за это...

Глава 3

Два раза в год у писательницы Миловидовой собирался весь леволиберальный Петроград... Адвокаты, политические деятели, учёные, публицисты, артисты, художники, музыканты и беллетристы — таковы были обычные гости Надежды Васильевны. И редко, кто пропускал эти вечера. Тянули туда — и сама хозяйка — милая старушка, с политическим прошлым, всегда прямая и искренняя — и интересный состав гостей, и, главное, — полная свобода и непринуждённость: каждый делал, что угодно. Одни засаживались за бутылки с вином, другие — флиртовали, артисты и артистки пели и декламировали, писатели — читали свои произведения, короче — каждый занимался тем, что ему нравилось...

Не раз и раньше Надежда Васильевна приглашала Никуличева. Но во время работы — он благодарили и отказывался: «Некогда, Надежда Васильевна. Дел много... Живу затворником и не бываю нигде...»

Сегодня он поехал к Миловидовой... — «Не всё ли равно, как убивать время».

Было уже много народа, когда он приехал... Появление великого учёного было встречено общим вниманием. Добрая Надежда Васильевна даже расцеловала его... — «Ну, какой же Вы милый. Спасибо, что заехали...» — пожимая руку, говорила она... Знакомые подходили, здоровались и обменивались короткими репликами...

— Пожалуйте, в столовую... Если хотите чаю — дадут чаю, если вина — дадут вина, — хлопотала «милая бабушка».

— Уж лучше, вина.

— А я слышала, что Вы не пьёте ничего винного...

— Теперь всё пью. Стал пьяницей, — шутливо ответил учёный, проходя в столовую...

В большой столовой было шумно... Табачный дым плавал в воздухе, смешиваясь с парами самовара... В углу расположилась компания «винной партии»... В центре, за чайным столом сидели «трезвенники» и дамы.

Мило и радушно встретили вошедшего...

— Вы к «пьяным» или «трезвым»? — здороваясь, шутливо спросил его проф. Заваров.

— Дайте сначала поздороваться... и налейте рюмку коньяка.

— А, и Вы здесь, — радостно поздоровался он с Воеводской. — Вот хорошо-то...

— Я всегда здесь бываю, — смущённо протянула она руку.

— Вы позволите сесть рядом с Вами?

— Буду рада...

— Рюмка налита, Дмитрий Николаевич, — обратился к нему Заваров.

— Сейчас... Теперь отвечаю на Ваш вопрос... Я занимаю среднюю позицию: от пьяных беру пьяное и иду с пьяным к трезвому столу. Дайте мне коньяк и бутылку вина, — рассмеялся Никуличев.

— Недурно, однако... Вы избрали благую часть... Господа! Мы впервые видим на этих вечерах великого учёного... Выпьем за его здоровье, — расходился подвыпивший Заваров.

Единодушное «ура» было ответом... Наполнились стаканы, и зазвенели, ударяясь друг о друга...

— Налейте и мне, Дмитрий Николаевич. И я хочу выпить за Вас, — протянула ему стакан Воеводская.

— Спасибо...

Чокнулись.

— Я сегодня буду много пить, наполняя снова стакан, — обратился он к своей соседке. — У меня, ведь, отец был алкоголиком. А Вы не хотите?

— Идёт, — трахнув головой, сказала Елизавета Александровна. Лучистый свет вспыхнул в серо-голубых глазах... Румянец заиграл на нежной, ещё свежей коже лица...

— Теперь расскажите, какими новыми открытиями собираетесь Вы облагодетельствовать человечество?..

— Никакими... — снова наполняя стаканы, проговорил учёный. — Я расстался с наукой, с работой... — возбуждённо продолжал он.

— Брошу по свету и ищу Маргариту... Вы плохо пьёте...

— Не поверю... этого быть не может...

— Ну, так верьте. Чего же Вы хотите? Поработал... довольно... Надо же и мне отдохнуть... И мне пожить хочется... Ну, и живу... скитаюсь... влюблуюсь... Вот и в Вас сейчас влюбился... У Вас сегодня красивые глаза и улыбка красива... Можно? Муж не будет ревновать? Падали слова... не то серьёзные... не то шуточные...

— Можно... Мужа нет здесь, — в тон ему ответила собеседница... Тайно вздохнула... — Однако, перестанем шутить. Я недавно читала в газетах, что Вы сейчас всецело погружены в работу над каким-то новым проектом организации государства...

— Ха... ха... ха... — весело расхохотался Никуличев. — Одна из маленьких ироний... Раньше, в годы серьёзной и трудной работы, никто не отмечал, чем я занят... А теперь? Если судить по газетам, то я бываю на всех научных заседаниях, в комиссиях, публичных банкетах и т.д. Так уже полагается... Я еду на любовное свидание — а пишут, что я производил какой-то сложный опыт над такой-то, болтаюсь по салонам — а пишут, что я занят изучением «салонной формы психического общения». Скука погнала меня на заграничные курорты — а в газетах написали, что я отбыл заграницу на какой-то важный конгресс... Вот теперь сижу и пьянистую, а завтра, пожалуй, отметят, что я занимался изучением винных эмоций... — продолжая хохотать, иронизировал он. — Ничего не поделаете... Такова уж привилегия «великих». По мнению газетных репортёров, наше сморканье и то, вероятно, не простое сморканье, а изучение какой-нибудь сморкательной эмоции. Дурачё! — опоражнивая стакан, произнёс он.

— Вы плохо пьёте... Я хочу, чтобы Вы сегодня пили, как и я... будемте вместе пить... Хотите, да? — остро заглянул он в глаза Воеводской... — Да? — коснулся он её руки.

Ветерок радости пронёсся по лицу княгини... Взгляд стал лучистым, влажным...

— Хочу ли? Конечно, хочу... Я и так уж, кажется, пьяна... — Рука её дрожала. Ответила тайным пожатием на его прикосновение...

— Ищете Маргариту? Что же, нашли? И какова должна быть она?

— Ищу... Маргариту, которую когда-то звали Лизой... Где-то в прошлом я потерял её. И вот ищу... пока не нашёл... Быть может, найду сегодня... Как Вы думаете? — взволнованно спросил он.

— Не знаю... Хотела бы, чтобы нашли...

Грустные аккорды рояля мягко пролетели по столовой.

— Тише... тише... Зоя Павловна хочет петь... — пронеслось по комнате.

Стало тихо...

«Не иску-ш-а-й меня-я без ну-у-жды», — запел мягкий чуткий голос.

Звуки плыли... чистые... грустные... Грустила чья-то уставшая опустошённая душа... Искала и рвала к вечной, живой любви... глубокой и неизбывной... порыв взлетал и... ник... Не было любви... Не звучали чуткие струны... Оборванные, треснувшие, они лишь жалобно скрипели, как ржавые петли. «Уж я-я не верю в уверенья... Уж я не верую в любовь...» — горько и откровенно жаловался кто-то.

В душе моей одно волненье,

А не любовь, а не любовь пробудишь ты», — безнадёжно шептали чьи-то уста...

Опустив голову и поддерживая её руками, застыл Никуличев. Глаза были закрыты. Казалось, он забыл обо всём и не видел ничего...

Звуки замерли, а он всё ещё сидел в той же позе и молчал.

— Димитрий Николаевич! — тихо-тихо позвала его Воеводская... Глаза, полные печали и какой-то волнующей мягкости, ответили на её призыв. — Слышали?.. Неужели это правда?.. Неужели?.. — вылетали слова...

— Нет... Я еду, — вдруг встал он. — Еду... Хотите со мной? Поедемте, — схватил он её руку.

Что-то безудержное, стихийное охватило его и передалось ей...

— Едем... Хочу...

Не прощаясь, они вышли и сели в автомобиль.

— Ведь это Вас искал и ищу я... Вас, Вас, дорогая Лиза... потерянную... единую... неизбывную...

Колдовали горячие слова... Рука коснулась руки... Близко склонились лица, и губы слились в поцелуе, в трепетном поцелуе связанных душ, скованных изначала и оторванных друг от друга... Коснулись друг друга тосковавшие души, вспыхнули жаждой слияния и слились в единое целое...

Было одно дыхание, в такт ударяли два сердца, в один ритм пульсировала кровь, сплелись руки, свились два тела и тысячами нитей обивали их взгляды. Лучи их уходили в глубь сердца, пронизывали тело, выходили наружу и вились вокруг двух существ, как хмель вокруг двух, рядом стоящих шестов...

Автомобиль остановился... В безумном опьянении они вошли к Никуличеву и снова бросились друг к другу...

Падали срываемые одежды. Как чуткие, натянутые струны, дрожали тела... До боли томила безумная жажда слияния... Горячее дыхание обжигало губы, огнём страсти краснели они, а глаза жадно манили друг друга...

Покровы пали... И неизбежное совершилось...

* * *

— Одевайся и уходи!... Уходи скорее! — почти злобно крикнул он ей...

Она лежала, ещё полная сладкого томления, ещё не остывшая от пожара страсти, бело-розовая, ароматно-истомная. Волна бело-русых волос раскинулась на белой подушке, змеилась на простынь и льнула к счастливому телу...

— Что ты, что с тобой, Димитрий? — пугливо подняла она голову... В глазах ещё витали сладкие грёзы... Не улетело ещё счастье с губ...

— Ничего... — подошёл он к ней.

Запрокинув голову, смотрела она на него снизу вверх... Холодные, острые глаза, как лучи прожектора, пронизывали её, скользили по её телу, щупали его, кололи остриями своих взглядов...

Перед ней был чужой, новый человек... Стало стыдно. Поспешно набросила рубашку...

— Что с тобой? — снова вырвалось из её губ...

— Что со мной? Ничего, — криво усмехнулся он. — Ничего. Маленькая ошибка вышла... и только... Ошибочка... Я был пьян... и Вы были пьяны... Я подумал, что встретил Лизу... её... свою Маргариту... Вы пошли на призыв... Вышло грехопадение... А Лизы нет... Лежит на моей постели интересная дама... женитьльная... отличная любовница... княгиня...

— Вот как, — возмущённо вырвалось у ней. — Так, значит, ты издевался надо мной?..

— Нет... Я ошибся... и только... Чужую жену принял за мою Лизу...

— Димитрий?! — с отчаянием крикнула она... — Что с тобой, чем тебя я оскорбила? За что ты так мучишь меня?..

— Ничем... Прости меня за грубость, — вдруг мягко сказал он... — Просто

судьба подшутила над нами... Что-то ушло невозвратно... Не воротишь... Не сердись на меня... Я хотел невозможного... У меня была Лиза, Моя Маргарита, святая Беатриче. До сих пор она была чиста и прекрасна... Теперь мы загрязнили её... Мне кажется теперь, что Лиза — это ты, чужая жена, моя любовница, бесстыдно лежащая на моей кровати... Ты понимаешь меня? Да? Два часа тому назад я потерял Лизу, мою Лизу и получил вместо неё прелестную любовницу...

Слёзы тихо капали из глаз Воеводской... Закрыв лицо руками, съёжившись, сидела она на кровати, жалкая... бледная... Смешно дрожали её голые ноги...

А слова падали...

— Без вины, без злого желания... ты второй раз разорила меня. Второй раз ограбила мою душу. В первый раз тогда... давно... когда ушла к Воеводскому. Помнишь? Второй раз... теперь... У меня была моя Лиза, мною созданная, взлеянная, обвеянная долгими грёзами. Теперь её нет больше... Странно... но я не могу оторвать её от тебя. Кажется, моя прекрасная Беатриче вдруг воплотилась в тебе, в прелестной княгине Воеводской... Прекрасная Дульцинея Тобосская вдруг стала девицей из Тобосо... И нет Дульциней... и нет Лизы... И теперь уже не будет... Не будет... — как бы про себя проговорил он. — Не сердитесь, Елизавета Александровна... Знаю, Вы не виноваты... И не виню Вас... Простите и Вы меня... Я тоже не виноват... Каждому больно, когда его грабят и отнимают самое ценнное... — Простите... и уходите... Повторять ошибки не будем... Одно волненье крови — не очень ценно, а любви нет и не будет... — Ну, прощайте... и теперь уж навсегда. Автомобиль довезёт Вас...

Чужие руки холодно коснулись друг друга, и Воеводская ушла...

— Нет больше Лизы... Нет её... И не будет... — тихо шептали губы учёного. — И нечего искать её... Безнадёжно...

В полусумраке по прежнему криво улыбалась маска Мефистофеля... Казалось, она смеётся над ним... великим учёным... великим реформатором, детски беспомощным и наивно тоскующим по какой-то воображаемой Лизе...

С другой стороны спокойно глядело лицо Леонардо... Ясное... безмятежное, как тихая река... Его глаза, казалось, говорили: «Полно, безумный, метаться. Законы необходимости непреоборимы... Мир страстей — только ранит и только воспаляет, и не утоляет жажды. Ты родился для тихого творчества... Шумный мир и жизнь — не для тебя. Ты выше него... уйди... Оставь мирское миру иди на свою гору. Пусть мир волнуется под твоими ногами. Буди и волний его ты сам... Но не опускайся к нему, а поднимай его...»

Взгляд снова упал на Мефистофеля... Остро пронизала душу кривая усмешка... Как ножом провела по сердцу, и задела какие-то тайные струны...

Вскочил, схватил тяжёлое пресс-папье и ударил им в статую... С сухим треском разлетелась смеющаяся маска. Белые обломки неслышно пали на ковёр... «Видел? — кому-то сказал учёный... — Довольно!»

Глава 4

На другой день учёный неожиданно уехал на родину. «Давно не бывал я там, почти с юношеских лет... Хочется снова повидать когда-то дорогие места. Подышать воздухом детства, окунуться в душу бесконечных лесов и воскресить забытое прошлое... Снова пережить давно ушедшие годы, посетить забытые могилы близких и набраться сил перед новым удалением на гору... Милые, забытые места! К Вам снова возвращается Ваш сын, уставший от странствий и бесплодных исканий. Снова приходит он, с раной в душе, и с тоской в сердце... Примите и исцелите его, как исцеляли когда-то, в минувшие годы».

Перед отъездом он вызвал Кобылина...

Друзья радостно встретились и сердечно поцеловались.

— Расскажи, как живёте и что нового в лаборатории? — обратился Никуличев к Кобылину...

Последний кратко передал ход дела со времени удаления учёного...

— Спасибо, Иван, — крепко пожимая руку, взволнованно ответил учёный... — Спасибо, милый друг... Я сегодня еду на родину... Хотелось тебя повидать. Кажется, отпуск мой скоро кончится, и я снова вернусь к Вам. Примете? — грустно спросил он.

— Хвала Создателю! — растроганно ответил Кобылин. — Я так и знал... Не знал только, скоро ли ты вернёшься... Скоро, скоро приелась тебе воля... Ну и ладно... Вот-то обрадую сегодня всех наших... Вот-то будет веселье! — детски радовался доктор. — Сегодня пировать не будем, а когда вернёшься — устроим такой праздник, что самим чертям будет тошно!..

— Если нужно будет — телеграфирай. Вот адрес, — на прощанье сказал учёный.

* * *

Через три дня он был на родине, в местах, по которым кочевал когда-то в детстве. Была ясная прозрачная северная осень... В чистом воздухе таяли позолоченные деревья... Ярко светило солнце... Не жгло, не палило оно... Не было буйного, удущливого зноя... Парил бодрый тихий свет на умирающей земле... Тихое золото горело на небе и падало на землю... И земля молилась... Нежно грустила, как красавица — женщина, при первых признакахувядания...

«Как многое изменилось с тех пор... Маленький кустик берёзы, когда-то посаженный им, стал высокой кудрявой красавицей — прямой, белоствольной, утопающей в небе... На берегу когда-то была избушка... Теперь её нет... Река оборвала берег, снесла избушку и слилась с озером, в котором когда-то купался он вместе со своими друзьями... Выросли и знакомые... Многих уж нет... Мальчишки стали степенными бородачами, девушки — почти старухами... Выросли уж их дети... Побывали в открытой им школе, где строили теперь новую культуру и новый быт... Многое исчезло... Многое выросло нового... Жизнь ушла далеко вперёд и с каждым днём неслась дальше и дальше...

Поредели леса... Помутнели чистые реки... Стальные рельсы прорезали болота, прошли через боры, перекинулись через речки, и пыхтящий паровоз резким свистом пугает теперь мирно пасущихся лошадей и коров... Не стало медведей и волков в лесах... Испугались они новых людей, и ушли куда-то туда, к берегам

холодного океана... Дымная лучина заменилась электричеством и керосином, большие неуклюжие избы — изящными, игрушечными домиками... Вымерли старые сказочники, седые охотники, ходившие один на один на крепколапых медведей. Не услышишь больше их мерной спокойной речи, их дивных поэм про леших и водяных, про Майбыра и Йому-бабу... Не раздастся аккорд тягучей, переливчатой песни, бесконечной, как леса, извижающейся, как северные реки...

«Да, да... всё меняется... всё идёт, вперёд... непрестанно, неуклонно. Жизнь торжествует... рушит одно и созидает другое...» — думал учёный.

Он сидел на скамейке у старой церкви, на высоком обрывистом берегу широкой реки... Необъятный простор лежал перед ним... Широкой тёмно-синей лентой раскинулась река и слилась где-то далеко с небом... За ней зеленели склоненные тёмные луга... Тёмными пятнами чернели на них недавно набросанные копны и зароды сена. Дальше тянулся лес... а за ним голубело нежной синевою прозрачное небо... Было легко и покойно... Свободно дышала грудь, просторы ласкали глаза, и золото солнца тихо волновало душу сладкою, невыразимою грустью...

Рядом с ним, тут, на кладбище, лежит его бедный отец... После многих, многих лет скиталец-сын пришёл к нему, нашёл его и поклонился ему.

— Хорошо... — шептали его губы.

Тихо — волнующий покой снова сошёл в его душу... Она грустила о чём-то, но грустила светло, бодро, как и сама великая земля...

— Бледные листья осени... Жёлтые, красные листья... Чутко трепещете Вы, чутко дрожите и оторвавшись — тихо падаете на засыпающую землю... Небо холодное, голубое, смотрит и не улыбнётся... Только порой тускнеет оно от дыхания тихой печали и плачет... и плачет осенними слезами, плачет, как и ты, моё сердце!..

О чём же плачешь ты, моё сердце? О чём грустишь? Отчего трепещешь, как и эти жёлтые листья осенних деревьев?

Тебе жаль весны и ты радуешься осени... Прошли бурные ликующие дни расцвета, прошли и не вернутся. Полно, сердце! Разве не ясно небо? Разве не чист воздух? И разве не веет свежим холодком отдыхающей жизни? Отдохни и ты. Будь лазурно — как небо. Полдень прошёл, но закат ещё далеко. Не жарко и не холодно, а бодро... Смотри — река тихо горит... Смотри, как резки тени вечно-зелёных сосен... Будь зелёной сосной, вечно ровной, холодной и вечно зелёной!

— Жизнь прекрасна, — шептали губы...

Долго сидел он на скамейке... Загорелись уже закатные лучи солнца, когда прибежал к нему мальчик и подал ему телеграмму.

«Если хочешь и можешь — приезжай... Ты нужен. Привет от всех. Целую. Иван», — гласили чёрные буквы.

Как кстати! На днях он и сам хотел вернуться снова туда... Кончилась скука... кончилось бесплодное скитание... Родные равнины исцелили все раны. И теперь его душа снова свежа, мысли ясны, воля — тверда... Тихий свет заоблачной высоты горит в ней, и теперь уж не погаснет...

Итак, снова туда, на гору... На вышку мира, откуда он видит и знает весь мир, а он никому не видим.

Откуда он снова будет бросать молнии, зажигающие битвы, невидимый, незримый и чуждый минутных волнений жизни... Итак, снова за работу... за творчество...

Мягкая улыбка обвевала губы, и грустно смотрели спокойные глаза на широкие просторы...

Глава 5

С той же мягкой улыбкой и грустными глазами вошёл учёный в белое здание...

Живая радость светилась в глазах всех обитателей лаборатории. Великий творец снова возвращался в свой храм. В строй работников снова входила главная сила, временно выбывшая из него...

— Ну, рассказывай, в чём дело, — обратился он к Кобылину, когда очутились они в кабинете.

— Дело не весёлое... Вот прочти, — подавая ему газету, проговорил он.

Подчёркнутая синим карандашом статья: «Знаменательное преступление» гласила:

«На днях полиции удалось захватить двух опасных преступников и напасть на следы целой преступной организации, применяющей новые и небывалые способы совершения преступлений. Насколько можно судить по имеющимся данным, преступники пользуются методами, аналогичными с системой мер, изобретённых г.г. Д.Н. Никуличевым и И.П. Кобылиным. Несколько времени тому назад они захватили директора Коммерческого банка. Когда его выпустили, поведение последнего резко изменилось и приняло странный характер. Он выдал два чека на имя Г., по которым последний получил в общем 200,000 рублей. Действия его, естественно, обратили на себя внимание и вызвали экстренную ревизию всего счетоводства... Не малую сенсацию на днях вызвал арест уважаемого проф. Критова. Как известно читателям, профессор заподозрен в изнасиловании своей 16-летней горничной. Теперь выяснилось, что профессор также пропадал где-то неделю, и есть основание думать, что побывал в руках той же организации.

Наконец, вчера вечером должен был быть концерт знаменитого баса Карякина. Концерт, хотя и состоялся, но артист приехал в сопровождении двух неизвестных господ на два часа позже. Пропевши несколько номеров программы, он во время «Блохи» Рубинштейна вдруг запел самые похабные песни и начал ругаться самой отборной руганью. Поднялся скандал. Публика сначала думала, что артист пьян. Но предположение оказалось невозможным. Артист был трезв и казался совершенно нормальным. Подозрительным показалось лишь то, что артист, по-видимому, не отдавал отчёта в своих поступках. Вызванный психиатр констатировал какое-то странное психическое расстройство, точный диагноз которого пока ещё не установлен... Два господина, сопровождавшие его, случайно были опознаны агентом полиции Павловым и оказались давно разыскиваемыми опасными рецидивистами, бежавшими года три тому назад с каторги. — Всё это заставляет думать, что народилась какая-то новая преступная организация, применяющая последнее слово науки. Как мы слышали, решено за помощью обратиться к знаменитым учёным».

— Да, это новость, и не из приятных, — прочтя заметку, сказал Никуличев.

— То-то и оно-то... какое уж из приятных... Это просто удар дубиной по лбу... Нашёлся, по-видимому, какой-то химик... Поди, ведь, у нас же с тобой учился. Не глуп, не глуп молодец, куда умнее всех учёных балбесов, — ругался доктор.

— Да, дело дрянь... — взволнованно заметил Никуличев. — Это мы не предвидели и не ожидали... Конечно, мы могли бы умыть руки... Разве виноват тот, кто открыл пар, что машины давят людей? Разве виноват изобретший электричество, что оно применяется для казни, открывший порох, что люди употребляют его для... взаимного убийства? Нет... нет... Нельзя винить физику и химию за то, что негодяи пользуются их данными для отравления, для взломов и подобных мерзостей. С нами повторилась та же вечная сказка, — взволнованно, как бы про себя говорил учёный, нервно расхаживая по кабинету. — Мы дали людям новую силу, а пришёл мерзавец и использовал её для иных целей... Но нечего ныть... Польза электричества и пара — бесконечна и составляет общее явление, вред — исключение... То же и здесь... Если даже мы и не сумеем найти изоляторы — то и тогда наши открытия останутся великой и благой силой... Злоупотребления будут исключением... А пока что, попробуем изобрести изоляторы. Ты думал, Иван, об этом?

— Да, и я, и все наши.

— Ну, и что же... Наметили пути?

— В общем, кое-что наметили. Но без твоей помощи нам не обойтись... потому я и вызвал тебя...

— Спасибо... Теперь дай мне привести себя в порядок, через два часа я буду готов и мы вместе примемся за работу...

— Отлично... Пока, прощай...

Через два часа явился доктор, и учёный принялся за новую задачу... Мир волнений и суеты потерял одну тоскующую душу, мир вечных ценностей приобрёл снова великого творца...

Белые стены лаборатории поглотили его и заботливо окружили своей тишиной. Не слышно за ними людского шума. Суэтные призраки не летают под её молчаливыми сводами...

Великий мыслитель снова был в царстве великой мысли.

Настанут дни, и из этих стен вновь вылетят молнии, и вновь сверкнут они над миром. Заволнуется снова человечество, вновь забушуют пенистые волны, а белое здание и «люди вершин» по-прежнему будут тихи и спокойны, как тиха и спокойна великая мысль...

* * *

...Ранним утром, когда гудят гудки фабрик, высокий, прямой человек гуляет в парке, около лаборатории... Иногда он проходит к железной дороге и идёт по её шпалам... Мягкая седина виднеется в его волосах, кротко смотрят вольтовые глаза, и приветливо улыбаются его губы... Одетый в простенькое пальто, с мягкой шляпой на голове, он неторопливо шагает, опираясь на палку, и смотрит куда-то вдаль. Если встретите его — поклонитесь ему... Он достоин Вашего приветствия.

Не обижайтесь, если он не заметит Вашего поклона... Смотрящий в далёкое будущее, часто не видит того, что делается у его ног!

Конец

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент», которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в журнале «Арт». Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Родивший андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Авессага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Записки о семейной рыбалке

(Из книги «Наскальные рисунки»)

Начало в № № 3 и 4 2014 года

14. Катыд

Теперь, значит, обозреем, друзья мои, место с сим названием Катыд — прошу прощения, не удержался от многовековой привычки русской литературы к связности и моралистике, к балансу слов в предложении (Обломов был «хороший, да мягкий», а Штольц «дельный, но пустой» — и так далее, этцетера) — больше не буду. Морали нет и не будет. Усталость читателя будет компенсироваться отсутствием дополнительной смысловой нагрузки и искоренением достоверных второстепенных деталей, которые уместны лишь в детективах, где основная линия — полный бред, зато всё держится на маленьких, подсмотренных набоковским взглядом (вернее, он уже Nabakoff давно для остального мира), изюминках-деталях в рыхлом, пустом, наполненном улучшителями вкуса, тексте-кексе, могущем и не портиться долгие годы, и гореть синтетическим огнём, проливая капли кипящего

пластика. Нет, здесь основная линия — это семья на рыбалке, которая не может происходить в пустоте, на воображаемой реке — обязательно есть место, где это было, и может, и зря, но автор пренебрёг ещё одним правилом русской литературной традиции и не пошёл по линии: детство—отрочество—юность, а взял и нанизал на место-иголку все вперемешку бусины из разных периодов жизни. Иначе пришлось бы выписывать бесконечные строки, восьмёрки, завитушки в хронологической командорской поступи, напрочь расшатывающие пространственную память читателя: Фигаро здесь, Фигаро там... — мелькали бы бесконечные названия, переходы, и вся рыбалка стала бы мукою и суетой, которой служение идеи правдоподобности воспоминаний ну никак не терпит.

Поэтому успокоим заранее неподвижного и вовсе не расположенного к действию читателя — главное здесь — место, в котором мы появимся то в детстве, то в зрелом возрасте, которое уже само их склеит, как сыр в пицце (без сыра — это просто салат на хлебе: оливки, ломтики помидор, резиновые, нарезанные мультишными кадрами, шампиньоны...). Да вы попробуйте-ка хоть что-нибудь вспомнить, начиная хотя бы с обычного «я маленький...» — вот увидите всю ложную искусственность надуманной, внесённой горьковской социальности — и не знаю, как вам, а мне становится плохо от таких «мемуаров», где под детали опять подкладывается похищение мира.

Я не могу да и не хочу прятать мир, какими бы интимнейше-сокровенными ни были для меня эти места, в надежде, конечно, что читатель такой же, как я, и никогда не внесёт туда шум гитарно-кабацкой псевдо-грусти или гламурную вонь бензоколонки — туда, где уместны лишь тишина да выстрелы одиноких охотников.

Память, как археология, нанизывает на места слои прошедшего в разные времена, и потому такая распутанная во времени цепочка будет полным враньём или гипотетическим неискренним враньём, когда писатель задним числом вносит в своё прошлое черты воюющего против него идиотски-светлого (в проекте) будущего. Именно поэтому на картинке — несколько фигур: в уголке — это я над глубоченной ямой, где удочки на всю длину едва достают до круто уходящего dna; а в другом конце, ниже песчаного поворота-диска, замерший в охоте на ляпок в медленном, лениво струящемся в траве (только в зеркальном отражении, течёт теперь справа — налево) — тоже я; и на песке, около лагеря, юноша-одиночка, раскинувший веером донки на миног, и вглядывающийся в каменистое подножье противоположного берега, где напротив сухого куста всплеснулось что-то невероятно огромное, — и прикидывающий, что завтра с утра надо переправляться со спиннингом и прочесать весь берег — снова я... Вот это — запечатлённое на одной каменной стенке разновременное единство и есть полнота памяти, которая хороша в отображении жизни и невозможна в любви, где изображать интимнейшее — и приgorишь с названиями.

По размеру уловов, с шуршанием осоки рассыпающейся комом, вывалившемся из рыбного мешка — я знал, что Катыд был приблизительно равнозначен по привлекательности для папкиной рыбалки, как и коренной, тихо-спокойный светлый Кёджул. Но что-то неуловимое было в сумрачном блеске рыбы оттуда, в свинцовом отливе щучьей чешуи, в их холодном оскале — уже очищенных до

ерписто-неподдающегося, вечно чёрного загривка, в тусклом мерцании чего-то кроваво-солнечного в медных монистах-кольчугах выпастьивающихся из-под мелочи язей — откуда? — Из Катыда. — Из Катыда?! (кому — вопрос, кому — утверждение, с глубокой пронзительно-восхищённой бабушкиной лаской — эхом повторяющей твой немыслимый подвиг, как если бы она говорила «да ну!», «не может быть!») — да и в самом названии — что объяснимо, почему отец (а потом и мы вместе) ходили туда реже, хотя находится он от нашего дома на таком же, что и Кёджул, расстоянии (в часе с четвертью ходьбы), но только вверх по течению реки. И половину пути до Катыда надо было идти по селу, что основательно сковывало мои рыбакские ощущения (свобода, одиночество) и действия — папку мог кто-нибудь окликнуть, или же мы сами могли (против моего желания, наверняка отражавшегося кислой скучкой на лице) зайти к его свояку, деду Алексею, отцу дяди Саши, жившего с папкиной сестрой тётей Валей в Питере — ну зачем заходить, зачем снимать рюкзаки, когда привал можно было устроить в лесу, у песчаного карьера, обхваченного беломошным бором, где среди сваленных кем-то досок неловко, криво прочерченных канав вылезли такие прекрасные, маленькие боровички, будто старомодные бабушкины пуговицы — круглыми бляшками-бамбушками, легко вынырывающие сквозь расшатавшиеся за десятки лет рты-петли.

Дед Алексей жил в конце села, в самой последней деревне, в Ягдоре, чуть в стороне от главной дороги. И когда мы сворачивали на просёлок, идущий мимо его дома так близко, что дед вынужден был на самом изломе забора выставить огромный камень-валун, чтоб какой забулдыга на тракторе случайно не въехал прямо в дом, — я уже знал, что передышки (с перекусом, а то и со стаканчиком) нам не миновать — и, спрошенный отцом, притворно-суроно вынужден был соглашаться зайти — ну да, без передышек по пути никак, ну да, надо навестить одинокого деда, у которого все так далеко — в Питере, ну да, так уж и быть, если он разрешит — я полазаю по малиннику, поклюю малинки (Олька-то с Надькой, мои двоюродные, всё равно не успеют в этом году попастись, так хоть я, по-родственному). Передышки, конечно, часто превращались в задержки, передержки, крадущие такие важные рыбакские минуты — доставались стаканы (как я ни гипнотизировал отца с дедом, упорно не желая отправляться в малинник, мне это не удавалось), капуста по-коми (квашенная половинками солёных обваренных кочанов, невероятно сочная и вкусная, что я сейчас понимаю), солёно-горьковатые с кислинкой путники-волнушки (однажды дядя Саша признался мне, что, приехав в отпуск и отправившись в лес, он увидел деда Алексея, склонившегося над каким-то таким грибочком на обочине, и ковырявшего его своей палкой — и не подошёл к нему. Почему? Ведь это был его отец... Я бы так не смог. Было в этом признании, произошедшем уже после смерти деда, что-то, видимо, не отпускавшее самого дядю Сашу, что-то от блудного сына, так и не посмевшего вернуться к одинокому отцу, вся жизнь которого, и это собирание грибочков — ни для кого, впрок, а вдруг всё-таки кто придёт, приедет, зайдёт — было освещаемой тихой надеждой на возвращение, которого не будет, что я понимал дядю Сашу — и одновременно всё же не понимал душой — ну как не подойти?!), мочёная брусника (по вкусу я мог с гордостью пренебрежительно кинуть — а-а, от Поп-

мельница-шор, обыкновенная... Не такая, как наша, густо-ароматная), водка или портвейн (конечно, в последнюю очередь, чтоб я не психанул). Здесь я уже потихоньку начинал гневаться, внутренне, не особо заботясь, как это отражается на моём внешнем виде — а кто в шесть лет любит папкины выпивки? — он становился излишне ласковым, излишне возбуждённо-весёлым, не в меру эмоциональным, что превращало весь поход в лёгкую забаву, что на мой суровый мальчишеский взгляд было категорически неправильно, нехорошо, по-предательски скверно — ведь поход, наш поход — это серьёзно, это всегда почти на пределе сил, возможного, а не вот так, шалтай-валтай — капустка, грибочки, разговоры пустые про то, что там тётя Рая прибаливает, или тётя Лида что-то делит со своим благоверным, и в последнее время нечасто приезжают (Саша, Лида, Рая — дети деда Алексея), и не побило бы картошку, ведь цветёт только! заморозками — Ягдор-то в низине, и первые холодные туманы всегда здесь, и на поле объявился жук колорадский, а ещё, говорят, клещ энцефалитный проникает, проклятый, всё ближе, да, потепление, а вроде как лето раньше было жарче, не то, что сейчас, зато и зима, о-о-о-о, сейчас разве зима...

Меня как бы и не было со всеми моими страданиями-комплексами. Я мог либо ждать, когда это распивание-рассиживание закончится, ковыряя вилкой непривычный в грибах смородиновый лист или метёлку укропа (вот люди, ну кто ж так солит! — лучше всего соль и всё!), либо идти во двор, за дом, в огромный малинник, отправляя в рот по одной (не так, как тётя Лида: подносит горсть ягод ко рту, и замечаешь — червячок высунул голову из пещерки-серединки, гад — и отказаться нельзя, и глотать как-то не того — только что в садике выводили глистов...) В садике вообще беспредел — один раз дали помидор, я надкусил — а там вместо рядка мягких косточек свернулась огроменная зелёная, ядовито-флюоресцентная гусеница! — помидор мне, конечно, заменили, а страх, с содроганием омерзения — куда ты денешь? — они остались на месте, внизу живота, и где-то в горле, где-то там, где у рыбы жабры...)

Ну, наконец! Отец с дедом сходят с крыльца, закуривая напоследок отцовских, городских... Ещё не вижу их, а уже слышу явственно, отчётливо неповторимый кисло-коричневый запах перегара от папки, и набранную для него на ладони горку малины слизываю сам! вот так, это маленькая месть. Идём уже, идёёём!..

Вздёргиваем за плечи рюкзаки, минуем тёплый угловой валун, болотинка, выгон фермы, ну и наконец-то желанная прохлада — входим по песчаной дороге в лес, идём всё выше — по бокам весёлые боры, правда, скоро уродский (своим наваленным мусором) карьер. Папка, чем-то отягчённый (мыслями, водкой, сочувствием к деду Алексею?), идёт-бредёт по дороге, а я резвлюсь — лазаю, бегаю вдоль дороги, ищу эти молоденькие, самые красивые, желанные, вкусные (и по объёму самые бесполезные) белые боровички-пуговки, поругивая про себя уже не папку с дедкой (да Бог с ними, и то правда, сколько у мужиков радостей в жизни — ну, рыбалка-грибалка, ну портвейна стаканчик... Баб я не считаю, с ними мороки...), а тех, кто прямо на грибницу навалил этот старый совхозно-деревенский хлам — ну как, скажите мне, не поносить на чём свет стоит этих безголовых,

бестолковых, бездарных, ничего не умеющих бездельников, которым лень было отйти куда-то в неприметное место, к гнилому болотцу — нет, надо было непременно здесь свалить охапки старых, пробитых ржавыми гвоздями мутно-серых досок, смятые банки из-под не скажешь какого трактильно-коричневого цвета плохой краски, проколотые тракторные шины... Я искренне негодовал, не понимая — ну как можно жить в такой красоте и не ценить её?

После бора дорога ныряет вниз, в болотистый мшаник. Тут уж грибов не будет. Но и на этот случай у нас есть способы подсократить поход, сделать его не таким нудным: с этой целью я часто горланил песни, которые позаучивал по лагерям (октябрьско-пионерским), на уроках музыки, просто из телика — и тогда дорога становилась для меня совсем уж короткой — миг, и мы вновь вырываемся на луговой простор, на кочкоастое поле, кое-где заминированное давно упавшими вместе со столбами телеграфными ржавыми толстенными проводами, норовившими дать незаметную подножку — миг! — и летишь лицом в лягушки с купальницами, и незабудки в сторонке весело смеются, как упала, царапая руки — дын! — великовозрастная городская дылда. Да и то сказать, развлечений у них мало — редко-редко на луг пригонят ягодорских коров попастись, да одиноко парящий в вышине ястреб...

Луг обрывается, и надо хоть миг оглядеться — под нами, внизу, на той стороне реки, на песке — наша будущая стоянка, а сами мы — на высоченном, крутецком, проходимом только по незаметной тропке, берегу, своей неприступностью, большой стеной серовато-голубоватого белесого песчаника-известняка, говорящей о суровости, о мощной, дикой красоте (которая, наверное, и чувствуется в рыbach), и пропадающей геологической срезкой пластов — о той археологической памяти-наслоении — вот мы вновь тут, на нашем месте, надо осторожно вниз, где тоже надо внимательно — острые большие камни того и гляди пропорют и резиновую лодку, и сапоги... Всё, мы в Катыде, речная вода ласкает мои сапоги. Слева — ручеёк, вытекающий из Вежа-ты (Святая курейка), выбывающий, как хвостик головастика по песчаной отмели, через него — брёвнышко: мы идём, чтобы, учитывая снос течением, начать переправляться на тот берег чуть выше — и попасть ровно к нашему бережку.

Всё выше, и выше, и выше... — само слово Катыд происходит от катны — поднимать, кайны — подниматься, вверх по течению. И поднимались люди сюда не зря — небольшая застывшая в зное ленивая курейка названа Святой потому, что именно сюда поднялся Стефан Пермский. А вот основное местное предназначение видно сразу — кругом луга, сенокосные угодья. На той стороне, куда нам надо, зарастающий сейчас мелким шиповником Поп-видз (попов луг), роняющий с крутого берега в воду кузнецов, куски дёрна. Это сейчас он никому в таком виде не нужен, а ещё несколько десятков лет назад — в чём было огромнейшее преимущество Катыда на мой мальчишеский взгляд — нас спокойно могли довезти просто до места на тряском сенокосном грузовике, полном до отказа белых, распаренных, волнительных и сильных деревенских женщин — это папка или бабуля с вечера не поленились, сходили в контору, договорились, что и нас возьмут

в машину. Я был мал и озадачен рыбалкой настолько, что всё это смеющееся, белотелое, отпускающее солёные деревенские шутки («Шая-мая вот такая, тындер-мындер вот такой, закорючка вот такая, что это? — Ковщик! — Ха-ха-ха!..»), бойкое, ароматное, свежее, незагорелое (не то что некоторые белобрысые мальчишки — до оранжевого отлива баскетбольного мяча...), облачно-светлое, мелькающее там-сям в просторных белых сенокосных одеждах — меня скорее отпугивало, чем дразнило и манило, скорее обжигало, чем притягивало и завораживало. И я быстрее стремился на наше место, на тот берег, на песочек, отделенный от лугов густой порослью ивняка, поросший редким лопушком, серебряно-ворсистым снизу. Достигнув этого песочка, в предчувствии, в азарте — я уже обо всём забывал, кроме того, что касалось рыбалки.

Река, как бабушка — была самым спокойным и красивым из всего женского рода, какой я знал в детстве. Здесь она была украшена гораздо более величественно, чем в простом, открытом Кёджуле.

Напротив пологого песчаного диска мысом намытого как специально для нашего лагеря стояла красивая своей, в основном вычитанной из книг, угрюмой красотой органная неровная стена чуть наискось к реке снятого геологического пирога (неолит, палеолит), обрамлённая поверху языками свисающей чёлки высоких лугов, а по бокам рядами бесконечных в оба конца, затухающих от перспективы, осциллографически неровных по верху линий тайги, поддержанных по низу выемки, ложа древней реки, кудрявым пушком кустиков и совсем по низу — влажной порослью вокруг интимно-укромных болотец и куреек. Эта полоса будто приходила из какой-то бесконечности справа и уходила, обнажившись этой красивейшей стеной-осыпью к деревне, налево, там превращаясь в череду холмов, вместе составлявших как бы лежащую на боку женщину — это и было наше село. Здесь в Катыде не было галечника, зато виденная многими наверняка в неумело снятых документальных фильмах (таких же бестолковых, как документ-справка) серовато-голубая пронзительно-открытая осыпь-обнажение, в лучшие солнечные дни чистокровного арийского белесоватого цвета, была понизу оторочена жёстким, скрипевшим подножием, так и необкатанным, гранёным камешником (где не было и не могло быть красивых камней — все они не были настолько облюблены и обласканы рекой, все они — трескались вновь и вновь, слоились и умирали той смертью, которой в домах умирают обезножевшие рюмки). Ниже камешника шли чередой кусты с маленьkim небритым травяным подбородком, а выше — хвостик Вежа-ты и долгий плоский берег, уходивший от меня «за угол», за кусты.

Там же, за углом, невидимая из лагеря, стояла катыдская bona. И в этом была особенность местной рыбалки — если я был в лагере, я никогда не знал, что там делается на боне. Папка сквозь кусты уходил туда возиться с продольниками, а мне оставалась песчаная коса. Хочешь, иди вниз, к её концу, где под комариными кустами река приближается с ворохом водорослей — и там она поделится с тобой ляпками и палтанами. Хочешь — вверх по песку, который, загибаясь, становится всё круче, пока не превратится в продолжение стоячей, глубоченной ямы с торчащими с краю затопленными коряжистыми ивами. Здесь я был максимально осторожен — в яму съехать по отвесной плоскости песка пара пустяков, и приходилось вытаптывать ступеньки для сапог, для банки с червями,

для котелка с живцами — здесь я ловил, как в озере, живцов, мелких ляпок, которых папка иногда брал с собой и насаживал на продольники. Бона как раз стояла так, чтобы отбивать брёвна от этой ямы и от нашего песка к тому скрипуче-каменистому берегу, где им не за что было зацепиться. На боне тоже ловились лещи, но иногда — наверно, из ямы — выходили такие щуки, что просто жуть, перед которыми меркнул и казался ничтожным весь остальной улов. Скорее, потому и мои уловы на удочку здесь были ниже среднего — моя рыба вынуждена была клевать, постоянно озираясь на бездонную опасную глубину, украшенную мелкими водоворотами по краям, обвальной грозовой ямы — всё здесь было чрезесчур — и стена берега на той стороне, и эта холоднющая пропасть в реке.

Гораздо позже, когда кончится сплав и река успокоится, мой деревенский приятель (соперник по рыбальке) Лавро Иван поставит здесь счасть на огроменную щуку. Он в качестве живца возьмёт хорошего подъязика, почти языка, а в качестве снасти моток пресс-шпагата (для вязки рулонов сена тракторной силой), оканчивающийся особо диковинными крючками. И щука будет брать несколько раз, сминая живцов-язей, как игрушечных, а однажды возьмёт основательно, «мертво». Вот тогда Ваньке придётся побороться с ней до самой темноты, до августовской ночи, когда Ваня чувствует, что скоро совсем стемнеет и бороться будет бессмысленно — и начнёт по-крестьянски, буром наматывать на руку пресс-шпагат, и уже подтянет щуку к своей «казанке», с которой она окажется в одну длину — но взять её так и не сможет — они так и будут возиться, ругаясь, чертыхаясь, пока не перетрут шпагат об заусеницы на корпусе лодки. И щука так и уйдёт, и больше никому не покажется.

Но это будет потом, гораздо позже детства, в котором такие чудища в глубине ещё только предчувствуются и мерещатся. Но как их возьмёшь? — не удочкой же.

Здесь же, в Катыде, в конце прошлого века, папка поймал последнюю в своей жизни большую щуку. Обратная перспектива, от следствий к возможным причинам, зачастую лучше показывает суть события: эта самая большая в его жизни рыбина, тогда бывшая просто огромнейшей удачей, отсюда видится мне чьим-то роскошным, сердечным благословением папке напоследок, перед тем, как он ушёл, упал от рака лёгких, обнаруженного уже неоперабельным.

В тот день папка взял с собой спиннинг. Он собирался надёргать миног для донок, которые стояли у нас ниже, почти у дома (об этом — в своём месте). Выше того места, где начиналась бона, шёл ровный долгий плёс, подмывавший с боковинами зарастающего луга каждую весну пластины дернины, падавшие в воду большими кусками — там-то и жили, и копошились миноги. Сюда, к этим кочкам, видимо, и выходили подкормиться щуки. Большие, наиболее матёрые, как и стерлядки — по нашим наблюдениям (или полу-суеверным приметам) — ходили парочками. И в тот раз у папки схватила одна, как тисками, чуть не смяв блесну, будто заготовку, и папка едва-едва её выволок (он-то описывал всё это в двух словах, но я представляю, сколько было возни с щукой почти в его рост). Он отошёл буквально пару метров — и клюнула вторая, такая же, до берега дошла, но — сорвалась. Только показалась, что она тут есть, но не далась.

Пойманное страшилище с веерами жабр, как у императорских фрейлин из экспозиции Эрмитажа, я увидел уже дома. И чтоб не было потом сомнений в рыбакских рассказах, ухмылок, понимающих физиономий — дескать, ну, врите, врите больше!.. — мы сфотографировали эту щуку, которую папка еле держал согнутой рукой на весу — и она была почти в полный его рост — уж больше полутора метров точно (почти как я приписывал себе в школьном сочинении). Точно измерить и взвесить мы не догадались — сама щука, изрубленная топором на нежно-белые филейные куски, ушла на несколько семейных порций жаркого, а её челюсти — по бабы-Лизиным привычкам, отошедшим к нам — поместились за притолокой, иногда с благоговейной опаской востребуемые очередными детёнышами в доме, немножко напоминающие списанный кривозубый старинный гребень... Да где-то в углу дома неровно пришипленный кнопкой, сгибающийся к середине немудрёный детский рисунок «Деда на рыбалке», где он в заштрихованной апельсиново-оранжевым фломастером штормовке, спиной к нам (очень удачно для художника — не надо мучиться, прорисовывать черты лица), в вязаной шапочки (тёмно-синяя штриховка в другую сторону), в правой руке — согнутое спиннинговое удилище (на что указывает неплохо прорисованная катушка, инерционная, типа «Невской», кольца для лески), и слева — по пунктиру, идущему прямо в открытую пасть — та самая щука. Хотя, может, и не та — фигуру деда окружает некий овал, наверное, лодка резиновая — а значит, и не Катыд это вовсе, и щука не та, одна из многих.

В какой-то серенький день мы там были с отцом, и он обстоятельно показал мне, где клюнула первая щука, в какой промежуток между треугольно-пирожными обломками дёрна ему удалось её втащить, и где сорвалась вторая. Я помню. Но моё время ещё не пришло. Хотя давно знаю, чей это стук кажется явственным в дверь («Молодой человек, вам осталось жить максимум месяца три, идите домой» — усталый, выпроваживающий из кабинета жест — миг, и мы с мамой уже на улице — пятнадцать лет назад, пятнадцать лет...), и чья тропа открывается в темноте (клиническая смерть, отворачиваешься от всех бессмысленно суётящихся рядом с твоим телом, и идёшь — в белую по-настоящему пропасть) — но всё это не имеет пока законного права на меня, подтверждений, которые знает сердце — как, наверное, знал папка, что это за щука — только у нас, в России, эти знаки не такие, как, скажем, на Сицилии — они живые и радостные, говорящие вполголоса о вечной жизни. И моё время придёт, я уверен, я получу тоже такую метку, может, поменьше — как я перед отцом моим.

Память сумрачной рыбой — и говорит о своём присутствии, и сопротивляется появлению на свет — мелькает какое-то неясное ощущение, не рождающее ничего кроме бесполезной, безотчётной грусти: августовская, уже тёмная, дождливая ночь, костёр, около которого — парадоксально, но так — мы сушим грибы, белые, свежие — зачем, почему? И уж потом, после неотчётливой картинки одинокого предосененного костра выплывает телесное ощущение — ах, да, я маленький, но уже изведавший, что такое попутное чудо — белые грибы. Я впервые увидел из ковра-рисунка в сосновом холмистом редколесье совсем в другом месте — значит, уже после этого, после первой «грибалки». Но тогда ещё был сенокос. Это можно

установить не по бестолковым крикам и муканьям — самих телят, которых пасли на лугах в Катыде после сенокоса, нет, зато есть отличные протоптаные ими тропинки, пересекающиеся постоянно, покрывающие сеткой лесок за лугом — там лежали в тишине озёра, рассыпанные будто полукольца гигантского удава-анаконды: так, сяк, поперёк, серпом, капелькой — и тут, в этом леске, мы и напоролись на свежайший выход молодых белых грибов. Их было столько, что я в конце концов приобрёл полнейшую уверенность, что вот я подниму тяжёловатую еловую, достигающую донизу колючую оборку, загляну под юбку ёлке — даже туда, где должны быть туфельки, возможно, хрустальные — и там точно будет выводок грибочков — раз, два, три. Вот только день уже кончался, и надо было что-то делать — папка скинула штормовку, завязал узлом рукава — получился мешок, который мы набили донельзя, доверху, с горкой — ворох тугих чистейших красавцев, которые теперь грузом тянули нас домой (иначе пропадут). Но мы выкрутились — всю ночь подсушивали это богатство, конечно, теряя в качестве — высушенные неравномерно, на веточек, у костра, под дождём — это не то, что на ниточках (оканчивающихся спичками) над ровными струями городского газового щучье-кривозубого тепла-пламени — так мне тогда казалось. Да и сейчас, я понимаю, что эти грибы вышли там, где их удобрили те давно исчезнувшие телята, это уже подсказывает логика, или всё-таки память — а вдруг это не я, вдруг это отец мне тогда это сказал, как предположение? А я усвоил, присвоил, как большинство знаний о мире, о скрытых в нём причинах и следствиях, стремление распутать которые — не есть ли единственная наша цель — распознать, разложить, получить удовольствие, без которого жизнь — пустяк? Память заботливо, на самый верх, перемешав все слои, откладывает вещи, с помощью которых кто-то нами движет — это уже было, это ты уже пробовал, это покажется тебе пресным, а вот это, пожалуй, стоит попробовать повторить — и управляет ею дух, который с её помощью пытается оправдать свой путь — к тому, без чего вся жизнь — ничто.

Лагерь здесь, на песке — один из самых обустроенных. За спиной — высокие, тенистые в любую погоду, ивовые кусты, хранящие бесконечные запасы плавника, досок — так что нет никаких проблем ни с дощатыми столиками, лежанками, ни с размером костра. На кустах вывешиваются посушиться наши вещи — шейные платки от комаров, полотенца, плавки после купания, штаны. Купаться можно прямо напротив палатки — сколько хочешь, правда, у самого берега песок покрыт илисто-глинистой коркой — как ни выходи из воды, а ноги будут в коросте липнущей вязкой грязюки. Зато купаться — одно удовольствие — сколько хочешь, когда хочешь — неторопливые воды обвевают прохладненькими струями всё отдыхающее от жары, от комаров, отмокающее от жажды тело — хочешь будто вобрать в себя влагу через все клеточки, чтоб обновиться, посвежеть, согнать вечную рыбацкую закись, скапливающуюся по щелям и трещинкам одежды, кожи. Парочка оводов кружит, пытается быстро пристроиться, сесть и сразу прокусить кожу, так что кровь поползёт полоской, но я ныряю в чуть желтоватую муть, и они взлетают, когда я выныриваю, они пробуют сесть на мокрые волосы, но я, стремясь захватить их с собой, опять ныряю — ух, как здорово, не то, что на море, под присмотром — перевернулся и лежи, и тебя будет нести, нести — и так унесёт незаметно далеко от лагеря. Жизнь смыкается простыми ощущениями: беззаботно плывущие по небу, как ты, облака — вот-вот наедут краешком на солнце —

станет прохладней, а вылезать и обсыхать лучше как раз под его прямыми горячими взглядами. И на что мне предлагали променять это минутное, простенькое с виду, кончающееся с последними пресными каплями воды (неизменно проглатываемыми) удовольствие поплескаться в безлюдной безмолвной защищённости с севера — стеной крутой осыпи с распостёртыми крыльями тайги, с юга — жужжащим застывшим ярко-зелёным кудрявым валом ивняка? Какими южными красотами можно вымерять нехитрое июльское купание, на что разложить? На поедание в кустах вскладчину (в тайне от воспиталок) купленного недозрелого (что мы понимали в этом, северные дети) тонкокорого тёмно-зелёного (это для нас было главное) малыша-арбузика, размером чуть больше теннисного мяча? На справедливую месть и разбивание до крови мерзко-бледного лица-блина крысы, стянувшего у соседа тюбик с зубной понравившейся пастой (будь он хоть трижды сын одной из училок — трижды плевать на наказание)? На недозрелую, недоваренную, по крепости почти равную нашим зубам молодую кукурузу (другую мы и не видали)? На мятое, плоское бердянское, не влезающее ни в какую открытку, ни в какую карточку, белесое призрачное море? Да ни за что! Любой день здесь стоит больше месяца там.

Вновь, несмотря на жару, натягиваю брюки, майку, рубашку, штормовку, повязываю платок, иду к воде — сполоснуть от засохшей уже илистой слизи ноги и надеть носки, сапоги (аккуратно балансируя на грани какой-нибудь робинзоновской, втянутой в песок, морёной коряги) — надо идти ловить рыбу: направо пойдёшь — яму найдёшь, кусты, потом бона с долгим плёсом, где на удочку ловить нечего. Налево пойдёшь — местечко найдёшь комариное, но очень, зеркально похожее на то, где мы соревновались с немым, на бережок под церковью — только течение, как в зеркале — в другую сторону. Иду туда, налево от лагеря, напоследок до горьких, осевших на дно чаинок отцедив прямо через край из котелка остатки несладкого остывшего чая, — вот теперь я полностью готов хоть сильно жариться в одежде на всё ещё злом солнышке (конечно, теперь бы лёгкие тучки). Здесь нет никого практически никогда — и я полновластный хозяин, куда встать, как закинуть — здесь я ловил своих палтанов, которые клевали так же красиво, как там — под домом, на моей канаве, или на моём бережке. Они так же восхитительно нежно приподнимали мои поплавки (сначала грубоевые, пробковые, но по мере роста моего мастерства всё более утончённые) и так же пытались утянуть их в глубину, или вели вдоль кромок окошек в травяных мысках. Этот миг поклёвки, который я мог высиживать часами, не нервничая, не метаясь мыслями — и был моим абсолютным, заслуженным счастьем, больше которого в мире не было ничего. Единственное, что меня тревожило — это неудобства с солнцем (опять оно!) — у церкви оно было в лицо, скрадывая поклёвки, здесь же я был на противоположном берегу, оно было за спиной — и в воду ложились пугающие рыбу тени — это всё было решаемо — а единственной тревогой, нерешаемой, сложней любой гипотезы Пуанкаре или Ферма — было кончающееся, неотвратимо уходящее в осенние тучи, лето. И сколько времени оставалось до школы, до звонка... И почему лето не может быть вечным — почему нельзя так жить и жить бесконечно? Разве не об этом говорила вся природа — и даже тёплый на солнце для взгляда, разморённый, нагретый утёс — разве не дано это нам всё в вечное владение, которым нельзя насытиться, сколько

ни вбирай в себя? Вот вырасту — буду тут жить! Ну, иногда, навещая город, оставлять здесь душу, далёкую от греха — раз не получается всё это как-то носить с собой, и как ни бейся — самому сокровенному другу не расскажешь о том, что ты здесь испытываешь... Получается как-то не так, не о том. Да и в каком рассказе соединишь, казалось бы, совершенно никчёмные детали — как уминается, с огуречным хрустом, под сапогами крупный хвош (само слово уже чуть шумит), как выдавливается между павшими его трубочками черно-смоляная грязь, как осторожно входит в неё комелёк удочки и там, в глубине, нащупывает на что упереться и замереть, как паутинкой нежно парусит леска, вытянутая ровно настолько, чтобы нигде не лечь на воду от кончика удилища до поплавка, как поплавок лежит вполбока, ожидая осторожного придонного прикосновения к насадке, как волочится по песчаным подводным барханам до микроскопической точности подобранный мной по весу гирлянда свинцовых лепестков-грузиков, свернутых рулетиками вокруг лески и прикущенных мной, чтобы знали своё место и не елозили, и наконец, как появляется в воде горб крупной рыбы, когда её подсекаешь и выводишь, вечную прохладную купальщицу.

Издалека вижу — папка проверил донки на боне, а теперь пришёл к лагерю, взял свою удилище и идёт в мою сторону — тоже ловить здесь. Сейчас я похвастаюсь своим уловом, спрошу у него — как дела, и всё же я немного ревнив — выхватываю удочки и продвигаюсь чуть дальше, на место, которое я оставил на чуть позже, самое хорошее на мой взгляд — папка-то его точно зайдёт сразу, если придёт сюда один... «Как дела?» — я ещё издали показываю свою сумку с рыбой: есть кое-что... «Па, а вот там у меня что-то сорвалось крупное» — и показываю на то место, где уже был. — «Здесь?» — «Да-да... Дёрнуло очень сильно», — и это было действительно так, и я там стоял и ждал неизвестной поклёвки, и переместился сюда вот только что, при его появлении — всё это можно было прочитать по девственному, нетронутому больше нигде, волнами шуршащему хвошу. «Червей забыл», — я иду обратно к нему поделиться — он берёт себе в спичечный коробок. Заодно, увидев, что удочка у него настроена по-донному, подробно объясняю, как я ловлю, как вижу поклёвку... Почему это не может быть вечным? Лёгкое пошатывание хвоща в предвечерних порывах ветерка, шуршание встретившихся посреди реки брёвен, папкино чирканье, прикутивание папиросы, сизая, вдруг покрывшая всё разом, тень от облака...

Продолжение следует...

Алексей Вурдов

Алексей Иванович Вурдов чужис 1956-öд волын Коми Республикасы Инта карын. Помаліс Архангельскса лесотехнической институт да Ленинградса финансово-экономической институт. Уджалыс Архангельскын межлесхозын, а сідзжё Пытишкёс делюяс кузя веськодланынын. Оні олө Косланын.

Алексей Вурдов йёзёдліс ассыыс висьт-весътъяс «Войыв в кодзув», «Охотник», «Охотниче хозяйство» журналъясын, «Сыктывкар», «Белый бор» альманахъясын.

«Менам Йирва», «Сир войт», «Ирвинские сны» — А.Вурдовлён асшёр книгаяс.

Кыдзи лёсявны збыльторлы?

(Олём-вылёмлён философия йылысь ёти юкёна пьеса)

Ворсысьяс:

Ен — 50 арёса, еджыд кузь «балахон» паськёма мужичёй, дзормём юрсиа, гётрёсінік тошка, морёсын перна, а киын күтө енма бедь, юркытша.

Мозын — Батюшко, 45–50 арёса мужичёй, кузь дёра паськёма, воня, морёсын ош клыкъясысь амулет, тошка, пуртёса, бакилёяса.

Вашка — Матушка, 40 арёса нывбаба, кузь юрсиа, юркытша, киын коръя вож, уна рома чувкиа, сарапана.

Ёма — 45 арёса, сьёд «балахон» паськёма, лёзь юрсиа нывбаба, кузь гыжа чунъяса.

Тёдьсь — 45 арёса нывбаба, сарапана, воня, кёні ѡшало ичёт сепыс, морёсын чипсанъяс.

Ангельяс — 14–16 арёса кык зонка, еджыд бордъясаось, еджыд паськёмаось, еджыд кудрия юрсиаось, еджыд кёмкотаось.

Йóктан котыр — 12 арёса челядь, югыдсера «балахон» паськёмаось (5–6 морт).

Сцена сайын кылёр еннога шылад.

*Диктор лыддыб «Отче наш» молебен, сәки жё воссё занавес. Шёр ылышса
сцена вылын сулало Ен, а ётар-мёдарсиянь — Вашка да Мозын.*

ЕН. Ме виччыся, мый на шуас Вашка.

ВАШКА. А мый шуны? Мозын кыдз Батюшко, шуис нин ассянъыс. Дерт, менам аслам видзёдллас та вылёр, кывкортёд серти. Думайта да, Ен оз вермы

mortlyse pытшкёсса кылём тёдны, ачыс кё мортыс сы дорё оз шыёдчы. Мыйкё тай, Батюшко, юртё копыртін али думё усин?

МОЗЫН (*кымёсö киён инмёдчомён*). Да! Ме думыштчи, тэ эн сорсыы, Матушка, но ог гёйрво, мыйысь лыддян мортсö öтипöлöсöн. Öд кодкё вермас и не шыёдчыны Ен дорё, но ассыс кутё веськыда, прамёя да честнёя. А сідзкё, оз понды грекуйтны!

ЕН. Дерт, Мозын, висъстав, мый кёсъян!

МОЗЫН. Быттьёкё и лабутнёя Вашка голльё, но эм менам юалём. И вот кутшом — мыйысь нё мортыс зэв тшёкыда вежлалё ассыс шёр могъяссö аслыснога помкаяс серти?

ВАШКА. Энлы, энлы, Батюшко! Но тані нинём лёкыс абу, öд олан кадыс вежсёй и мортыс ачыс вежсёй! Ставсö водзвыв некоді оз вермы тёдны!

МОЗЫН (*олыштö кинас*). Ладнö! Но воча кёсъя юавны, Матушка, тэнсъыд — сідзкё, татшом мортыс гусьён вежлалё ассыс бёйрём олан шёр туйсö?

ВАШКА. Да, вермас и тадзи лоны! А кыздзи Ен думайтö?

ЕН. Сьюкыд меным водзасасыны тіянкёд, но ас видзöдлас серти со мый шуа: öти-кё, Енма морт нэм чёж оз веж ассыс олан туй — со сыйыс, мый сёйё, эскö ас Енлы. Мёд-кё, да, эмёсъ йöz, кодъяс оз вермыны водзасасыны син вежёмкёд. Коймёд-кё, вежа лов отсалас быдёнлы, коді кёсий отсалём.

МОЗЫН. Ö-ö-öй! А мортыс кё slab вежкор-сямнас?

ЕН. Ставыс Ен улын!

ВАШКА (*юрö кутчысъёмён ветлёдлö сцена вывтi*). А сідзкё, ме нё кодi?

МОЗЫН (*матыстчö Вашка дорё да кутчысъё киас*). Ми тэкёд мувывса олысъяс. Чайта да, уна на сьюкыд да мытшöд ковмас ас вывтi вуджёдны, а нöшта на сöмын уджён да вöчёмторъясöн позяс сёвмёдны ас му.

ВАШКА. Батюшко, радла ме и гёйрвоа, мый став бурис ас пытшкын. Миян коми йöz некор эз норасыны олём кузя; а терпеливёя кутісны ас вылё лача. Абу öмёй тадзи?

МОЗЫН. Любойё менам! А вёлёмкё, и збыль, тэ гректём морт!

ВАШКА. Öй-йö-йö! Дугды! Менам сы мында грек, мый весиг Енмыс мейсъ видзчысъё.

ЕН. Энлой, бур войтыр! Асы, тіян ангелъяс воисны!

Вашка да Мозын дорё локтёны «ангелъяс» чашкайсан да мыччёны юантор.

Мозын да Вашка босьтёны чашкайссö кианыс.

ЕН. Прöбуйтö, эн полёй, тайё колана юантор. А вот кутшом кёрыс, ассынды висъталанныд.

Вашка да Мозын юёны да бёр сетёны киё чашкайссö.

«Ангелъяс» мунёны сцена сайё.

ЕН. Но, мый? Кодлы чёсъыд, кодлы абу?

ВАШКА. Збыль вылё, быттьё öмидз кёр кыла! (*Нюмъялö.*)

МОЗЫН. Лёссыд зэв тайё юанторыйс, быттьё оз тусылён кёр! (*Нюмъялö.*)

ЕН. Аддза, мый кажитчис тіян юанторыйс. Но, медводз кёсъя тёдмавны, а курыйдор кё юинныд — тадзи жё нюмъялїнныд?

МОЗЫН. Сöгласен, юмов да курыд он вермы орччöдны öткодя моз, но мöд нога кö мöвпавны, и курыдыс вермас лоны юмовён.

ВАШКА. Ог думайт, мый курыдыс юмовсö вежас. И ме весиг водзö ог кöсйы та йылысь сёрнитны, госыс абу.

ЕН. А кыдзи нö, сидкё, курыд да юмов олёмсö гёгёрвоны? Ti кыкнанныд мывкыд олысьяс Му вылын, али яндзим веськыда висъставны?

Мозын усьё пидзёс лутшёяс вылё, а сы бёрын Вашка пуксьё дорся.

МОЗЫН (*кылпöдöюурсö вывлань, кияс паськöдöмён*). Енмё, прöстит менö! Гашкё, оз тырмы менам смеллунö ставсö висъставны сьёлёмсяянь. Асы, век гусятор кöсъя кольны ас пытшын, а öд нэмöвойся эскöмые сiёй и эм сьёлёмшöрыс. Но мöд боксянь кö, быд коми олысьён аслыспöлös видзöдласыс! Кыдз нö ме верма сыкёд вермасыны, сiёй кö ассяныыс оз кöсйы менö кывзысыны?

ЕН. А тэ коми мортсö эн велöд прöста, кыдзи бурджык али абу, сiёй ачыс мед бörяяс. Сэки нинöм и майшасыны.

ВАШКА. Майшасыны! Да, йöзыслён асланыс öпрат, и мый кöсйёны да мый бöрёёны — некодлысь оз юавны! Олёмыс и сiдз велöдас быд мортös сям-вежöрö!

ЕН. Энлö! Асы, локтö тöдьыс!

Сцена вылё петё Тöдьыс, чужёмсö тупкёма.

Тöдьыс. Ен öтик, а олысьяс унаёнöсъ, и отсавны быдöнлы некодi оз вермы öткодя моз, а кодлы ме верма бурсö вöчны, сiёй мортыс, кöть енма али абу, а менö дыр помнитны кутас.

*Тöдьыс копыртчö, некымынысъ койыштö сцена вылё дзирдалысъ чирзяс
(рудзöг тусь) да саялö.*

Кылё шылад, сцена вылё петёны челядь «балахон» паськёмаось да йöктöны.

Югъялö унапöлös би.

ЕН. А онi мый шуанныд? (*Кияс паськöдöмён.*)

МОЗЫН. Ме веськыда шуа, олёмсö асъным сёвмёдам. Ме нин, эськё, та йылысь висъствлi, кöть и неуна мöд нога, а водзö вылё сёмын кöсъя тöдчöдны — асътö оз позь пöръявны, сэки и сёстöммёдан асътö, и мукöдöс он ылöд.

ВАШКА. Батюшко! Дерт, тэнад и менам грекъяс эмöсъ, но олёмыс и збыльысь öти, мöд-кё, абу кузь, и абу некымын. Прöстит менö, вöлi кö ме коркö мыжа. Рöссудитны некодöс ме ог жö кöсйы, а Енлысь кöсъя юавны, мыйысь йöзыс оз быдöн эссы сылы?

ЕН. Да, тайё сидз! Библияын шуома: «Еннога туйыс öтик, а сидкё, сёмын сьёлём пыр бöръян тайё туйсö...»

МОЗЫН (*горзöмён*). Тайё нö мый?! Мый нö тайё?!

Сцена югъялö биён да пемдö. Петё Ёма. Сералiгтыр öласъё кияснас да йöктö.

¹ Гос — уд. пöльза.

ЁМА. А-ха-ха! Путъём олысья! Быд морт да и быд ловъя слаб! Некоді оз куж весиг асьё дорыйны. Быд мортлысь лов позяс ньёбны либо ылёдны, а юалёмыс сёмын ёти — кутшом дон вёсна! Абу ёмой тадзи? Тадзи! Но ті поланныды та йылысь весиг сёрнитны, да гусён асынды ылёдланный. Ха-ха-ха!

ЕН (*ёлыштө ен беддьён*). Воштысь, съёд Ёма! (*Чөвтө пернапас.*) Дявёл!

*Ёма пыший ѿ сцена сайё. Повзъём Мозын да Вашка бёр садьё воёны.
Шылад помассьё.*

МОЗЫН. Енмё, мыйысь нё тадзи Ёма вермё олёмсö торкёмён пырны?

ЕН. Эскины колё, эскины! А вошласыны кутан, некор он гёгёрво, мый вёсна олан. Думайт ачыд!

МОЗЫН. Ме тёда, но ачымёс, эттёс, ог куж гёгёрвоны!

ЕН. Да кужан асътö гёгёрвоны, тэ прёста полан ѹёз водзын вежёр-сямтö тёдчёдны!

МОЗЫН. Яндзим меным, веськыда кё шуны, а Ѻд, гашкё, тадзи и вийым.

ВАШКА. Енмё! Ме сёмын тэныд эска! Сёмын Тэ верман гёгёрвоо дны, мыйысь грекыс мортыслон тырмымён и кыздзи олёмсö ас сямён позяс нүйдны веськыда.

МОЗЫН. А со менам нёшта юалём эм. Думайта, быд морт аснога енбия: кодкё пач тэчысь да ной кёти гындысь, кодкё дорччысь да пыж вёчысь, кодкё стройба нүйдьысь да вурсысь... И тайё тадзи! Кужан сямтёг да сюсълунтёг он вермы немтор сёвмёдны ни коланатор вёчны. Енмё, а мыйысь та йылысь он сёрнит?

ЕН. А та йылысь весиг сёрнитны оз ков. Библияса дас шуёмын ставсö тёдчёдома, медым олёмыс сёвмис и водзё вылёт. Коми морт век вёлі енбия да яндзима, сыясь и надея эм.

ВАШКА. Медым олём-вылёт сёстома нүйдны и водзё, оз позь дзугласыны. А тадзи оз овлы! Ѻд ѹёзлён нэмис джененыд, джененыд и паметыс. А гашкё, съёлёмён кывзыны ёта-мёднымёс ог кужёй да сыясь и радейтны ог вермёй ни Енмёс, ни асънмёс. Лыддыны кё, кымын на дзуг олём кольё борти разтёмён.

МОЗЫН. Да, ас удж помысь овны, сідзкё, и радлём тёдны, и шудтём дзугъяс оз лоны. Кёть, эськё, и ѹёз лолыд оз тыдав, но бурджыка кё видзёдлан, пыр казялан, коди съёлёмён босытчома, а коди съёлёмён усьёма. А кыздзи ышловзьёдны быдёнös?

ЕН. Прёста, быд ловъялы овны колё мирын да согласын, кутны терпенниё да кужны прёститны, сёмын бур вёчны да радейтны — съёлёмсян эскомыс та вылын и кутчысьё!

Мозын да Вашка кутчысьёны. Кылёт шылад.

ЕН. Благёслёвита, благёслёвита став муывса олысьёс! Алилуайя! Алилуайя!

Занавес тупкыссыё.

Фото Д. Напалкова.

Александр Шебырев

Александр Васильевич Шебырев. Чужис 1960 воын Куломдін районса Пожёг сиктын. Армия бёрын помаліс Сыктывкарса государственной университет, экономика факультет. 1988 восянь 15 во ёлә журналистикаын («Ленин түйөд», бёрындыхык — «Парма гор» газет). Оні олө Помёсдинин, юрнуөдө Тима Венъ музейён да школаса краеведческой музейён. Кывбуръяс да висътъяс йөзбөліс газет-журналын, «Сикётши», «Мелилунис пыдостом и помтём», «Вечерний звон» да мукөд ётувъя сборникин. А. Шебыревлөн кывбуръяс вылө лөсөйдөма вель уна сыланкыв.

2011 воын Александр Шебырев пырис РОССИЯСА гижысь котырб.

«Из улын...»

Бырёма

Лайкъяліс мусыс...
Унзільсьекиңдээ зэт.
Зәйтәма сөнъяссө
мыйлакө
нюмъяvtом майыс.
Виччыси шоныдсө —
тулысыс сийөс
эз сет:
Бырёма ме вылёр,
буракө,
шоныдлён пайыс...

Олём

Олём юыд паськыд: пыр да келав...
Пидзёс увтö кётöдыштын колё!
*Ас кок туйё сувтны эг и велав —
Юр пыдосой саявліс и лолой.

* Ас кок вылёр сувтодны (фраз.) — велёдны кызвысыны.

Сунавлі да тёдлі пыді гуяс...
 Чери бёж ээ сюр. Ог элясь... Ньёти.
 Күтшом олём Енмыс сетіс — туяс...
 Менам олём... Аслам олём... Öти.

Аслас

*Аслас нырён мортыс оліс,
 Аслас нырён...
 Аслас черён муас воліс,
 Аслас зырён.
 Аслас киён уджсö тілис,
 Аслас юрён...
 Но вот паметын тай колис
 Сöмын — бурён.

Висъталой

Висъталой,
 Тёдса да тёдлытом инъяс,
 Уна-ё лайкъявны му вылас коли?
 Висъталой,
 Тёдса да тёдлытом синъяс,
 Кымынысь радейтöм йылысь ме доли?
 Висъталой, кодзувъяс: кодён ме вёлі,
 Югыдас-пемыдас кытысь нё волі,
 Аслам-ё рöзвалльö коркö ме сöлі,
 Йöзыслы — бурыслы ёна-ё колi?
 Висъталой, донаяс...
 Висъталой збыльсö.
 Матысмö Енмыслён
 Сигöргтан кадыс.
 Тöрытсö тёда, тi — висъталой выльсö!
 Эм-абу аскиа ру пиас радыс?

* Аслас нырён (*фраз.*) — öти кыв оз кывзы, аслас нырён и уджалö.

Из улын

Визувті ме, визувті...
Из уті.
Паныдавлі пыкёдсö...
Пузувті.
Чужи-петі олёмас
Рузумті.
Выlö мунысь туйвизьös
Улынты.
Ва веркёсын лэбалі —
Чорпалі.
Олём-вылём дэбаліс...
Нёрпалі.
* Сера-бана чужёмой —
Би улын.
Визулын ме, визулын...
Из улын.

Чужан му

Мам морёс кодь шоныд чужан муюй!
Кевма, медым восытін ассыыд сыв.
Ичёт питё олём визьёд нүöд,
Вичмёд сылы вежёр да бур кыв.

Шыбölль туйын тшапкы менсыым киös,
Пемыдвойын югзьёд бердём син.
Енэж пасыта ёзтав кодзув бияс,
Менам вынёй — менам чужанін.

Коркё аслам олём помёдз воа.
Синва сорён копырта сэк юр.
Юрбита, да асъя рюён лоа.
Чужан мулы шуа: ставыс бур...

Аслад ордым

* Кёсий нэмсö лоны бать кок пёлён...
Сöмын Енмыс шуис меным: «Тёлё...
Öти мортыд кык пельё оз юксыы.
Öти вежёр мёд вылё оз пуксыы...

* Сера бана морт (*фраз.*) — нюмъялысь чужёма.

* Бать кок пёв (*фраз.*) — дзик батыс кодь.

Тэнүйд сеті асlyспöлöс ордым.
Мыйтта коліс — олін батыыд ордын.
Öні ачыыд олём туйтö таляв.
Синтö восьты. Öдйöджык нин паляв...»

Мамлы

Мед кё ылын, мед кё ылын,
югыд сайын...
Мед кё ылын, еджыд рöма
тöдтöм райын...
Менам сьёлöмын тэ! Вайлы
шоныд китö.
Челядьдыр моз сывыйшт питö.
Öтка питö.
Тувсов ийён тэнад сыв улад
ме — сыла...
Рытъя синма тэнссыд сыланкывтö
кыла.
Лайкан-потанас ме куткыртча
да вода.
Выльысь пета. Выльысь сöвма.
Выльысь сода...
Менам донайй, тэ кылан
асссыд питö?
Менам донайй, тэ — миян
костын йитöд...
Муёдз копыртча да пидзöс
вылын шуа:
«Мамук, абу нин ме важ
томдырся руа...»

Кад

Чуксаліс кадыс... И мед!
Сöмын тай унпöt ээ шед.
Шöринаас помасис вёт.
Водзö на кöсъя... Эг пöt.
Водзö на лэбавны дась.
Кыла на ачымöс тась.

Коли на эбöс да вын,
Абу на сьёлöмöй кын.
...Тасаліс vemöссö кад.
Тöрытас пышайöма рад.
Вошöма чуймöданін.
Вералö, вералö син...

Штудии

Людмила Тульцева

Тульцева Людмила Александровна. Этнограф. Кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Область научных интересов: Календарные обряды и обрядовый фольклор русских крестьян и сопредельных народов; Метафизика и поэтика Света в контексте календарного праздника; Сакральная флористика; Артефакты этнокультурного взаимодействия народов Северной Евразии и др.

Опубликовано около 170 научных и научно-популярных работ.

«Соловеюшко на рученьках...»

Соловей — *соловушек, соловушка, соловейка, соловейчик...* Эти названия певчей птицы соловей ассоциируются с одним из самых завораживающих весенних голосов природы. Географические просторы нашей Отчизны стали местом летования *соловья обыкновенного* или *восточного* — непревзойдённого певца среди пернатых. Благодаря скромной птахе — *соловью обыкновенному* — так неповторимо очарование вечеров, ночей и утренних зорь звучащего мира весны в Европейской России! По наблюдениям биологов, Восточноевропейская равнина вплоть до лесотунды на севере и далее за Урал до Енисея — ареал *оптимальных* природных ресурсов для гнездования *соловиных семей* и раскрытия *соловиных песен*. У народов Европейской России образ соловья занимал особое место в фольклорной картине мира. В числе широко известных в весеннем универсуме старой деревни была песня с зачином *«Выходили красны девушки из ворот гулять на улицу»*. Во многих местах она была в числе любимых хороводных Всесвятского заговенья (заговенье на Петров пост).

Воспоминания о таком хороводе мне посчастливилось записать в Солигаличском р-не Костромской обл. Здесь песня *«Выходили красны девушки»* исполнялась как хороводная обрядовая — *«в кругу»* (хороводе) для молодушек в *«последнее»* весенне воскресенье, т.е. Всесвятское заговенье. Действо называлось *«в кругу гулять»*.

Повсеместно Всесвятое заговенье сопровождалось народными гуляньями, провожавшими весну. В Костромской, Тверской, Ярославской и других северо-восточных областях молодёжные гулянья Всесвятского заговенья назывались

луговым заговеньем — по месту проведения игрищ. О луговом заговенье в Солигаличском р-не вспоминали: «*На лугу девки соберутся нарядные, с зонтикам[и]. Ходят кругом, идут с зонтам[и], платья длинные, в перчатках белых, которые богачихи-то. Зонты белые, с кружевами. Много пели песен*»; «*Это только один день. Говорили: “В кругу гуляли”...*; «*“Круг” — наряжаются в шёлковые платья, с зонтиками и пели “Выходили красивые девушки...”*»¹.

В Солигаличском р-не, когда в кругу исполнялась обрядовая песня лугового заговенья, то, по одним вариантам «красны девушки» выносили одного «соловеюшку да на рученьках»; по другим — «красны девицы» выносили «во белых руках по соловью...» В солигаличском этнографическом ареале этой обрядовой песней, исполненной в кругу в сакральное время Петрова заговенья, величались молодушки, вышедшие замуж в весенние свадебные месяцы. По самой ранней этнографической записи 1972 г., в дер. Ченцово исполняли:

Выходили красивыя девушки, оне весной гулять на улицу,
Оне весной гулять да на улицу!
Ой, выносили раскрасавицы, и выносили-ко раскрасавицы,
И выносили-ко раскрасавицы *соловеюшку да на рученьках!*²

По записи 1989 г. в дер. Калинино исполняли:

Выходили красны девушки / Весной гулять на улицу,
Выносили красны девушки / *Соловеюшку на рученьках,*
Соловеюшко засвистал, / А молодушки заплакали...

В дер. Першино исполняли (1989):

Выходили красны девушки / *Из ворот гулять на улицу,*
Выносили красны девушки / *Во белых руках по соловью.*
Соловьи как вдруг рассвистутся, / Красны девки разгуляются,
Красны девки разгулялись, / А молодушки плясать пошли,
Во слезах-то слово молвили: / «Покрасуйтесь вы во девушках
У родимой-то у матушки, / У родимого у батюшки...»³

Исполняя хороводную с мотивом *соловеюшки на рученьках*, барышни-крестьянки, нарядные, на манер барышень городских сословий, с кружевными зонтиками, в шёлковых платьях и белых перчатках «ходили по кругу». Отнюдь не крестьянский наряд деревенских барышень объясняется традицией отходничества отцов семейств на заработки, чаще всего в Петербург.

По воспоминаниям: «*Гуляли только барышни, по кругу*». Песня повторно исполнялась для каждой молодушки отдельно: «*Молодая выходила в середину*

¹ Архив Ин-та этнологии и антропологии РАН. № 8847. 1989 г. Костромская обл. Полевые тетради Л.А. Тульцевой. Тетр. № 2. Л.6, 13. Записи от М.С. Сулоевой, 1914 г.р. и А.Ф. Антоновой, 1909 г.р. Воспоминания относятся ко времени доколхозной деревни.

² Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Составители Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева.— Л.: «Наука», 1985.— С. 72, № 381.

³ Архив ИЭА РАН. № 8847. 1989 г. Костромская обл. Полевые тетради Л.А. Тульцевой. Тетр. № 2. Л.4об.-7. Записано от М.С. Сулоевой, 1914 г.р. и А.В. Тихомировой, 1954 г.р.

[круга], на все четыре стороны поклонится». Фактически, когда молодая выходила в центр круга, и в этом центре во время её величания обрядовой песней она кланялась на все четыре стороны света, то это было своего рода посвящение княгини новобрачной в статус молодой женщины. Кроме того, ритуальные «скрепы» хоровода-обряда включают символизм центра круга, четырёх сторон света, образ соловья в обрядовой песне, символизм новых ворот как образ перехода в календарное пространство лета с особым статусом молодушек как перворожениц в этом пространстве/времени.

Таким образом, все варианты хороводной с мотивом «Выносили красны девушки во белых руках по соловью» закрывали одновременно и период весенних браков, и время «весны священной» по солнечному календарю. Это обрядовое гулянье в лугах, в межевом момент солнечного календаря — между концом весны и началом лета, — было последним народным гулянием перед новыми аграрными заботами. «Переход» из весны в лето совпадал с началом **сенокоса** — ответственной поры, всегда проходившей по-праздничному, в опрятных одеждах, с праздничным настроением, воздавая честь скашиваемому разнотравью исполнением сенокосных песен. Календарному переходу времени/пространства деревенского космоса из весны в лето семантически соответствует обрядовое действие выхода девушек с соловьём в руках из ворот гулять на улицу. В этом случае обрядовый выход из новых ворот или из ворот-ворот гулять на улицу символизирует переход в новую календарно-пространственную реальность, совпадавшую с периодом летнего солнцестояния. Таким образом, наша обрядовая песня начинается с *образа ворот*, из которых *выносят соловья*, т.е. *образ ворот* в качестве сакрально-значимого объекта деревенского миропорядка согласуется с не менее важным *образом соловья* как одного из ключевых символов деревенского универсума периода солнце-ворота.

Вариантом солигалического хороводного величания молодушек является обрядовое действие вынос соловья из с. Серёгово Княжпогостского р-на Республики Коми. Оно разыгрывалось в первый день Петрова поста (понедельник после Всесвятского воскресенья). В Земли Коми обряд попал вместе с русскими переселенцами в XVII веке. Есть основания полагать, что переселенцы были из Соли

В разных вариантах сюжета данной песни по тексту следует предостережение девушке-невесте в случае неудачного брака за старым мужем («старым да удушилиым») или мужем-пьяницей («пьяница-урод»).

Обратим внимание, что в числе свадебных в репертуаре исполнительниц были песни с мотивом *соловья молодого* — *млад соловья* как символа жениха-доброго молодца, а также *молодожёна*. Например, на башкирском руднике Тубинск перед просвatanьем и после него, когда жених ждал выхода невесты к столу, подруги невесты исполняли песню с зачином: «*Поиграй, соловей, / Поиграй молодой, / Соловей, соловей, соловеюшко!*». В селе Новодевичьем Куйбышевской обл. на просвatanье и после просвatanья во время посещения женихова дома родными невесты («*ходили к жениху лапшу хлебать*») исполнялась песня с мотивом меняющихся перстеньками *соловьюшки* и *соловейко* — *удала добра молодца*. В Терском р-не Мурманской обл. в утро первого дня свадьбы исполнялась песня с мотивом *утешения* *богосуженой* Никитой молодцем — *молодым соловьём*: «*Ты не плачь-ка, Ириныушка, / Ты не плачь, свет Ивановна, / Уж как я тебе сострою сени новые, / ...Уж как я тебе солью да чары золоты; / ...Уж как буду я собой соловей в саду, / Молодой соловей в зеленёшеньком*».

Галицкой¹. Вместе с семьями они обосновались на Серёговском солеваренном заводе². На протяжении последующих веков этот русский анклав, смешиваясь с местными коми³, сохранял в своём праздничном календаре традицию старой родины — солигалический вариант лугового заговенья. Главное ритуальное действие лугового заговенья называлось в с. Серёгово «вынос соловья» — по сюжету известной хороводной песни. У коми это действие называлось «соловей ёс петкёдом». Замечательно то, что некоторыми, утраченными к началу (?) XX века в солигалическом варианте особенностями, серёговский «вынос соловья» возвращает нас к первоначальному календарно-праздничному действу лугового заговенья. Речь, прежде всего, о ритуальном персонаже проводов весны в образе *ряженой* в старую драную одежду. Ряженой была одна из женщин — участниц проводов. Остальные — девушки и молодые женщины — водили вокруг неё хоровод, исполняя протяжные лирические песни, в том числе с сюжетом «выноса соловья». Как и в солигалическом действе, в серёговском хороводном разыгрывании ряженая, находясь в центре круга, после каждой песни *кланялась поющим*. Действо завершалось *проводами ряженой за оклину* под «прочтания» сопровождающих⁴.

Из-за неполноты информации об основном ритуальном персонаже — *ряженой женщине в центре хоровода* (что именно она разыгрывала?) — трудно судить о цели проводов. Дополнительные разыскания должны прояснить роль этой важной фигуры в календарном действе села Серёгово. На данном этапе исследования серёговский ритуал «выноса/проводов соловушки» интересен с точки зрения сравнительно-этнографических реконструкций обрядовой структуры солигалического хоровода. Последний, т.е. солигалический хоровод, является *примером преобразования календарного ритуала в хороводное действие величания молодушек*. Его цель, как и во выюнишниках Красной горки, величания ключевых представительниц традиционного общества на завершающей стадии весенней картины мира — *молодых женщин как носительниц (воплощений) молодой плодородящей силы и как перворожениц* в канун перехода в пространство нового урожайного лета. Об этом же вещал соловей, прекращая свои песнопения.

Если в Солигалическом р-не в луговое заговенье образ *соловушки* лишь озвучивался «в круге» при исполнении обрядовой песни, то на юге Нижегородской обл. в это же время локально в трёх близлежащих сёлах разыгрывалось ритуально-праздничное действие *проводов соловушки*. Благодаря нижегородским фольк-

¹ С именем выходца из Соли-Галицкой крупным торговцем Д.Г. Панкратовым связывается успешное функционирование Серёговского солеваренного завода в Коми землях, начиная с 1630-х годов. Подробнее см.: Жеребцов И.Л. Где ты живёшь: Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник.— Сыктывкар, 1999.— С. 203–204.

² Соль-Галицкая в XIV–XVII вв. — крупный центр добычи соли и солеварения. *Соль галицкая*, т.е. место, где были соляные ключи и производилась выварка соли. Определение галицкая указывало на положение промысла в Галицком удельном княжестве (<http://www.moigorod/ru/kostrom Obl/soligalich>).

³ С. Серёгово находится на границы Княжпогостского и Усть-Вымского районов. Это — центрально-западная часть Республики Коми, самая старая из русско-коми контактных зон.

⁴ Конаков Н.Д. От Святок до Сочельника: коми традиционные календарные обряды.— Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1993.— С. 68.

лористам известна этнографическая граница ритуала: это — с. Новомихайловка Лукояновского р-на, с. Мадаево и с. Ризоватово Починковского р-на¹. Все селения локализовались вдоль течения реки Алатырь. И в каждом названном селении в заговенье на Петров пост *обязательно* звучал один из вариантов уже известной нам хороводной песни с образом соловья: «*Провожали мы соловушку, / Провожали мы молоденьку / Из ворот гулять на улицу...*». Вариант: «*Провожали мы соловушку / Из новых ворот на улицу...*»

Действие проводов соловушки осуществлялось в полном соответствии с народными традициями календарно-праздничных проводов ритуального персонажа. Первый этап — изготовление антропоморфного варианта чучела-соловушки. Отметим, что изготавливали или один вариант *соловушки*, или, как в с. Ризоватово, *двух соловушек* — «по улицам». Участниками этого первого этапа были девушки и молодушки, т.к. *соловушку следовало изготавливать только из зелёных трав, лопухов и веток*, т.е. молодой троицкой зелени, запрет рвать которую снимался на Троицу, после того, как на Семик-Троицу пройдут девичьи обряды с венками, «кустами», берёзкой. Травами, лопухами, а также кустами, венками и, иногда в качестве основы, соломой, по традиции, следовало обвить остов чучела *соловушки*. Остовом *соловушки* служила или крестовина с укреплённой поперечной палкой-«руками», или просто жердинка/шест в рост человека («*На палку-то повесят кустов, венков, обовьют кругом травой и несут в жито*»).

Следующий этап — в полном соответствии с сюжетом разыгрываемой песни, — вынос *соловушки из ворот гулять на улицу*. Полагаем, что *соловушку* выносили девушки в компании с молодушками. Они же «водили» *соловушку* по селу, приподняв за «руки», или носили, держа на нижний конец жердины. Главным ритуальным атрибутом чучела *соловушки* были венки из цветов — основной приметы сакрального пространства/времени Троицы — Всесвятского заговенья: «*Вот девушки собирались, весь день ходили траву рвали, цветочки рвали, вянки плели наряжать соловушку...*»

Выйдя из ворот на улицу с украшенными травами и цветочными венками чучелами *соловушек*, девушки и молодые женщины не просто разгуливали с ними по селу, но, согласно традиции, «водили *соловушку*». Это означало, что ритуальное шествие останавливалось в местах молодёжных гуляний, чтобы затеять хороводы вокруг *соловушек* с обязательным исполнением песни «*Провожали мы соловушку*». Исполнялись также песни лирические и припевки, в которых упоминался соловей.

Заключительный этап действия «*проводов соловушки*» — это классика календарных проводов межевого пространства/времени периода солнцеворота — проводов весны и перехода к лету. Данному времени присуща своя этноритуальная

¹ Структура алатырского ритуального действия «*проводов соловушки*» воссоздана по полевым материалам, опубликованным в изданиях: Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья.— СПб.: «Тропа Троянова», 2009.— С. 339–340; Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русского языка Горьковского гос. ун-та. Вып. II, часть I. Календарные обряды / Составители К.Е. Корепова, Ф.С. Эйдельман.— Горький, 1977.— С. 56, № 261, 262; Новые поступления в фольклорный архив Горьковского ун-та. 1976–1982. Календарные обряды / Составитель К.Е. Корепова.— Горький, 1982.— С. 98, № 595; С. 100, № 604.

специфика поведения празднующих людей: с хороводными играми, припевками, плясками, полевыми цветами в девичьих венках, ряженьями. В таком случае в селе Новомихайловке девушки и молодые женщины, нарядив *соловушку*, шли к озимому полю и ставили чучело среди ржи: «*Поставили соловушка, попели песенки — провожали весну*». Вечером «*вся деревня*» водила вокруг *соловушки* хоровод. Ночью *соловушку* «трепали», разбрасывая травы и ветки по ржаному полю. «*Прощались с ней*» — *соловушкой*, т.е. олицетворением *весны* — под известную песню:

Сохнет, вянет во полюшке травка без дождя...
 Был у Машеньки садик зелёный...
 И тот начал садик подсыхать...
 Был-то у Машеньки в саду соловушка...
 И то начал соловушка Машу спокидать...

В с. Ризоватово на одной из улиц перед тем, как *проводить соловушку в жито*, между девушками и парнями разыгрывалась борьба за *соловушку*: парни пытались отнять *соловушку*, налетая на девушек с *крапивой*. Ритуальный контекст озорства парней очевиден: парни налетают на девичью группу, по возрасту близкую молодушкам первой весны брака, т.е. завязывается борьба с девушками на выданье. Соответственно озорство парней имеет ритуальный матримониальный мотив. Ведь сами парни — в перспективе или реально — женихи этих девушек. И *крапива* в озорстве парней появляется не случайно: в народной культуре это жгучее растение наделяется символикой плодородия и апотропейными свойствами. Во многих местах России *крапива* была традиционным обрядовым символом заговенья на Петров пост, в некоторых местах она замещала иванокупальский костёр.

Прощание с *соловушкой* в другом селе алатырского этнографического ареала (с. Мадаево) проходило под перепляс на ржаном поле с припевкой: «*Соловушка, трепака, / Не полюбит ли кака?*» Перепляс на ржаном поле сакрален уже по самому своему факту. Он посвящался матери-земле и наливающемуся колосьями житному полю. Перепляс завершал ритуальное празднество *проводов* за пределами деревни. Проводы завершены. Но в самой деревне открывался путь иным ритуальным персонажам, задача которых, по-видимому, состояла в том, чтобы напомнить о начале страдной поры, наступавшей после *проводов соловушки-весны*. В действие вступала сила ритуального знания «*стариков*». Ими «обряжались» мужчины: на ногах лапти, лица вымазаны сажей, с косами, позванивая которыми, ряженые стариками ходили по селу. Эти персонажи выступали уже под знаком каких-то других сакрально значимых представлений, соответствовавших возрастной когорте стариков. Не исключено, что *ряженые стариками* олицетворяли *предков* данной сельской общины: их задача — наблюдать за жизнью своих потомков и следить со «своего света» за порядком хозяйственной деятельности на земле. *Ряженые стариками позванивают косами!* Не будем особо мистифицировать этот факт, как якобы безоговорочно направленный против неких зловредных сил. Но вспомним, что в деревне сразу после проводов весны наступает горячая сенокосная пора, сопровождаемая красивей-

шей, тончайшей мелодией перезвона кос! Ряженые и обуты в лапти не только потому, что они были предметом традиционной одежды, но и потому, что даже на рубеже XXI века бывалые косцы считали лапти самым оптимальным видом обуви для сенокошения, особенно в пойменных лугах.

Завершая тему песни «Выносили красны девушки соловеюшку на рученьках», отметим, что эта весенняя хороводная была одной из любимых в разных регионах России, в том числе на Печоре и Мезени. Известен даже шуточный сюжет «с намёком»: тёща (!), а не «суженая-ряженная», выносит жениху «соловья на руке»!

* * *

Наш соловей обыкновенный прилетает, когда спадут полые воды и начнут зеленеть кустарники; своими удивительными трелями и щёлканьем он как будто помогает *пробуждению великих пространств Весны и весеннего Света России*. Пробуждает песнями, только ему одному от Бога Света данными!

Да будут благословенны все живущие под знаком *соловья обыкновенного, восточноевропейского!*

Галина Савельева

Галина Сергеевна Савельева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ. Сфера научных интересов — коми песенные традиции, традиционная детская и молодёжная культура, календарно-обрядовые формы фольклора, коми-русские фольклорные взаимосвязи.

Рождественские игрища на Выми

В начале 1960-х гг. коми фольклористы активно собирали материал для ещё планируемого тогда издания свода коми народных песен (в последствии ставший известным трёхтомником «Коми народные песни»). В 1964 году была проведена крупномасштабная фольклорная экспедиция в Княжпогостский район. Её участники, известные учёные-фольклористы А.К. Микушев, Ю.Г. Рочев и П.И. Чисталёв, обследовали все населённые пункты района (за исключением посёлков советского периода). Собирателям удалось записать около десяти певческих ансамблей (практически в каждой деревне), представивших жанровое многообразие местного материала: традиционные лирические песни, циклы хороводно-игровых песен, приуроченных к рождественским игрищам и молодёжным братчинам, рождественские представления «Приятель» и «Старик», образцы детского фольклора, свадебные и похоронные причитания, так называемые «географические» песни и многое другое. Основываясь, прежде всего, на этих материалах,¹ ниже мы рассмотрим один из самых ярких пластов песенно-обрядовой традиции вымских коми — рождественские игрища.

В системе праздничных молодёжных собраний рождественские игрища занимали одно из центральных мест. Являясь в своей основе заимствованными и сохранившими определённые элементы северно-русской крестьянской культуры, молодёжные собрания стали органичной частью коми традиции.

На игрища собирались в течение недели с Рождества до Васильева дня или с третьего дня после Рождества до Крещения. Особо выделялись игрища, проводимые на Васильев день. В них принимали участие не только молодёжь, но и другие группы населения. За наём избы отвечали парни: «Наймут избу, потом ко всем девкам зайдут, скажут: «Вот там наняли, играть будем». Затем и мы туда потихоньку пойдём»². Расплачивались за избу выпечкой — пирогами и шаньгага-

¹ В описании также приводятся сведения из материалов фольклорных экспедиций на Вымь 1960–2007 гг., собранных в ходе других фольклорных и диалектологических экспедиций сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и Сыктывкарского государственного университета.

² Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее — ФА СыктГУ). 1414, Кони, 1990.

ми. Из девушек выбирали ведущую игрищ и её помощницу, их называли «поп» и «дъяк»: «“Поп” — это запевала, заводила... “Поп” все песни и начинает, другие подхватывают». ¹

Одним из вариантов начала игрищ являются хождения девушек (Ляли, Княжпогост, Кони). В д. Удор и д. Йёёрс (с. Княжпогост) девушки парами образовывали ряды примерно по четыре человека и прохаживались по избе под лирические песни «Гой-гой соловейка», «Перепёлка, перепёлушка вылетала», «Пила девица долю». Здесь хождения назывались «покодьдян» (походные), а песни обозначались как «гёвзедлан сыланкыв» («гёözьёдлыны» — разговаривать протяжным голосом, нараспев). В д. Кони девушки становились двумя рядами друг напротив друга и поочерёдно с каждой строкой песни подходили ряд к ряду. Как и в предыдущем описании при этом исполнялись лирические песни, первой пели «Пила девица долю»: «Споём первой «Пила девица долю». Одну строку поём, одна сторона подходит, другую строку — другая сторона подходит». ² Песни, исполняемые таким образом, могли обозначаться и как «рада сыланкывъяс» (песни, исполняемые рядами).

По описаниям Н.И. Дукарт, на материалах с. Ляли и д. Кошки, девушки не ходили, а «становились в два ряда друг напротив друга и исполняли песню «Во лузях».³ При этом исследователь отмечает, что песни, с которых начинались

игрища, назывались «ныв сыланкывъяс» (девичьи песни). Этот термин не только выделяет главных участниц и исполнительниц, но и отвечает основному содержанию песен, которое концентрируется вокруг формульной темы «девичья воля/девичья доля». Эта тема является ключевой для всего игрищного сценария, построенного на противопоставлении девичьей и замужней жизни.

В силу слабого знания русского языка в ходе перенимания песен «на слух» содержание песенных текстов моглоискажаться и зачастую весьма глубоко. Однако, несмотря на это, традиционные для русского фольклора темы «девьей лирики» отражены в них достаточно чётко. В каждой из песен выделялись понятные певицам ключевые слова или строки, которые несли основную смысловую нагрузку.

Так, содержание песни «Гой-гой соловейка...» концентрируется на передаче эмоционального состояния девушки — тоски по уходящей молодости:

Гой-гой-гой соловейко,
Да из саду гуль вылета...ыала,
Ой из саду гуль вылетала,
Да и видно в сад(ы) залета...ыала...
Да и видно пекрасной девиця...

¹ ФА СыктГУ. 1414-6, 15.

² ФА СыктГУ. 1414, Кони, 1990.

³ Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца 19 — начала 20 вв. // Традиционная культура и быт народа коми.— Сыктывкар, 1978.— С. 91–103. (Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 20). С. 93.

Д.Е. Сокерина — сказочница из д. Кони.

Да и девица с тереми пла...ыачёшь...
 Да и ой моя молодость девала...
 Да и куда красота минова...ыала...
 Да и будь-то гнилая колода...
 Да и будь-то ёршова щетила...
 Да стала лучиком припадала. (Синдор)

В песне «Перепёлка» помимо темы девичьей тоски, печали реализуется и тема разлуки с любимым:

Перепёлка, перепёлушка прилетала,
 Как садилася нам красной крыльце во перила,
 Ко мне завтра, ко мне ладушка гости прибудёт,
 Куша будёт (й)у меня тоска не убудёт,
 Лише да больше, лише больше печались прибудёт,
 Лише больше, лише больше печались прибудёт.
 (Синдор)

В песне «Пила девица долю» (вариант: «Пила девица волю») представлен ещё один устойчивый поэтический определитель девичьей судьбы, доли — нежеланное замужество:

...А я девица крас(ы)ная...
 Спокотели меня мати...
 Споизволила дати...
 Ой не молода не котела,
 Я не молода да не котела,
 Ай душа моя не радило...
 Ой сердце моя не разбило...
 Ой сели сели сели ко
 Ой сели ко усаду
 Да покылонили же...
 Да не с кем поговорити,
 Ой не с кем погорити
 Да не с кем погуляти. (Кони)

М.В. Пархачева — певица, исполнительница свадебных плачей, д. Синдор. Экспедиция 1964 г.

Приуроченность «горестных», «долгих», лирических песен к молодёжным гуляньям характерна для многих северных традиций. Как правило, с них начинались игрища, или они были основным репертуаром гулянья, как, например, во время Пасхи у качелей. Часто исполнителями этих песен и сопровождающих их хороводов были девушки, иногда и молодухи. Во многих традициях коми лирические песни и «жестокие романсы» обозначались самими исполнителями как «девичьи», и приурочивались к будничным посиделкам или хождениям девушек по селу летом. В качестве сюжетной основы этих песен можно выделить мотивы общей девичьей/женской судьбы. Фольклорную «схему» этой судьбы можно выразить в виде трёхчастной структуры: любимый парень (воля) — разлука (замужество) — нежеланный муж (неволя). При этом смысловым стержнем молодёжных игрищ являлась именно тема девичьей — дозамужней жизни. Вместе с тем, фольклорные мотивы разлуки с любимым, нежеланное замужество подчёркивают

неопределенность, переходность статуса девушки. С одной стороны, в игровом действии они выступают в роли «невест», биологически и символически готовы к замужеству, с другой, — будущему замужеству придаётся негативный оттенок, муж наделяется отрицательными чертами (старый муж, пьяница, гуляка и т.д.). И не случайно, наравне с традиционной лирикой, а иногда и заменяя её, во время молодёжных собраний исполнялись так называемые жестокие романсы, в которых трагичность женской судьбы приобретает особый накал.

Следующим элементом игрищ, связанным с закреплением, структурированием девичьего коллектива, было припевание девушек друг к другу. По игрицкой терминологии (только в Княжпогостском районе) пара девушек назывались «чот» (от русск. чета 'ровня', чётный), а припевание как действие обозначалось как «чоталёны» (букв. 'спаривать, сделать «чёт»'). Разделение девушек на пары-«чот» отмечается и при описании зачинных девичьих хороводов: «...Покодъян. «Вот вэллэдлэны джодж кузя, рядён, строен сувталан, нёль кымынён да сія на чётён, ме вот такёд чётён, тая сікёд...» (Вот ходят вдоль пола, рядом, строем встанем, четверо или сколько, и все «чет'ами», я с ней «чет», а другая — с другой) (Удор)¹. Отметим, что в противовес этому, если в игровых ситуациях участвовали парень и девушка, использовалось русское слово «пара».

Подобный вариант создания девичьих пар-«чет'ов» был записан в с. Шошка. Сначала припевали главных персонажей рождественских игрищ — «попа» и «дьяка». При этом называлось имя «попа» и сразу же вслед за ним отчество «дьяка». Так что если в песне «Я не во поле» обращались к Лидиюшке Ивановне, то подразумевалось две девушки — Лидия Петровна и Анна Ивановна:

Я не во поле стружес на реки,
Ок и ле-лю, ок и ле-лю,
Свет Лидиюшка,
Свет Ивановна,
Ок и ле-лю, ок и ле-лю,
Шты моя,
Да шты пою, мею,
Заю ме (й)ок и
Ле-лю, ок и ле-лю,
Без милёнчик бела,
Без румян красная,
Ок и ле-лю, ок и ле-лю,
Без шубки да без шапки
Да эта короша,
Ок и ле-лю, ок и ле-лю.

Д.А. Подорова, П.А. Габова, А.И. Габова — певицы д. Удор (Княжпогост). Экспедиция 1964 г.

Также «перекрёстно» воспевались следующие пары-«чет'ы». Насколько можно понять из последующего описания, имена и отчество пар менялись местами на следующем круге припевания — пели уже не «Лидиюшка Ивановна», а «Анна Петровна». Причём «перекрёстное» воспевание продолжалось и дальше, уже под другие песни.

Ритуальное значение подобного обмена отчествами во многом может быть прояснено при сопоставлении с русской традицией весенне-летнего кумления, основной смысл которого породнить девушек брачного возраста. Составляющими

¹ Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми научного центра (далее — ФФ ИЯЛИ). А0620-22, 1964.

этого обряда являются обмен кумящимися вещами (кресты, одежда, венки и т.д.), совместная трапеза, приготовленная в складчину, преодоление некой границы (ворота из сплетённых веток соседних деревьев, венок и т.д.), произнесение клятвы (Агапкина, 2002).¹ В этом контексте создание «чет’ов» посредством обмена отчествами можно прокомментировать как один из оптимальных вариантов закрепления родственных отношений (девушки символически становились сёстрами) для объединения и выделения девичьего коллектива.

Следующая группа текстов относится к наборным хороводам («ёктыян сыланкыв»): парень выбирал девушку, девушка парня и т.д., пока не набирался большой круг: «А нывъясö, зонъясö пара ёктоны. Зон — босътан нылös, ныв — босътан зонмös. Сэсся ыджыд круг лоё. Сэсся гез керасны, дай разясны...» (А девушки, парни пары набирают. Парень — берёшь девушку, девушка — берёшь парня. Так большой круг наберётся. Потом «верёвку» сделают, да и расплетут)². В д. Половники наборный хоровод могли сопровождать две песни: «Сад йёрын кё ныв гуляйтö» («Во саду ли в огороде») и «Егорёва у ворот». Первая песня состоит из двух частей: на коми языке и соответствующей по содержанию части на русском языке.

Вариант песни «Егорёва у ворот» записан в д. Удор:

Егориёва, Ёгориёва,
Егорёва у ворот и у ворот,
Егорёва у ворот и у ворот,
Стоял и девки, стоял и девки,
Стоял девки карово, карово...
Ёдными девки, ёдными девки,
Ёдной девки посмеляе мила...
Парня брала, парня брала,
Парня брала за русы за косы...
Русы косы, русы косы,
Русы косы за подарутесю...

В с. Ляли в хоровод набирались под песню «Бежит-побежит удалой молодец»:
Бежит побежит удалый молодеч,
Удалой доброй молодеч,
Удалой доброй молодеч,
Ок ля-ли, ля-ли,
Да Иван да и Петрович,
Ок ля-ли, ля-ли,
Да Иван да и Петрович,
За собою ведёт суженную,
За собою ведёт ряженную...
Душу красную девицу...
Да и Сопью Васильёвну...
Вытрепал, вытрепал бы её...
Мои рученьки болят таки болят...
Со сторон люди глядят таки глядят...
Целовать и миловать не велят.

¹ Агапкина Т.А. Мифологическая основа славянского народного календаря. Весенне-летний цикл.— М., 2002.— С. 481–492.

² ФФ ИЯЛИ. А0689, 1964.

В д. Удор набор участников хоровода (парень выбирал девушку, девушка парня и т.д.) назывался «кругён ворсом» (игра кругом) и исполнялся под песню «Чивыль-чивыль, воробей». Этот текст можно отнести к группе песенных заимствований с очень большой степенью искажённости. Тем не менее, формальные особенности текста «Чивыль» отражают хореографическое назначение этой песни. Достигается это за счёт лексических и морфемных повторов, которые создают эффект ритмического нанизывания:

Чивыль-чивыль воробей,
Кудыю рученьки,
Кудый угашила,
Розрошила,
При молоде шила,
Ко с тобой зверя,
Дай зверя пирог,
По десять четверик,
Дона четверик ю! (Дорогую четверть пей!) (Синдор)

Круговые хороводы в княжпогостской традиции представлены песнями «Как у наших у ворот» (вариант: «В караводе были мы»), «Чуде город» и варианты сюжета «Царев сын» («Ште не тот ли тот дай царев сын», «Уж я да кругом города кожу», «По за городу гуляет царевна королевна», «Кожу я да кожу дай кругом караводы»).

Под песню «Ште не тот ли тот дай царев сын» два парня заходили в круг и шли в противоположном кругу направлении:

Ште не тот ли тот дай царев сын, да эке,
Да вот царев сын кодит смотрит, да эке,
Да коня шуменька да шумела, да эке,
Да шёлковым платким дай макала, да еке,
Да золотым перстень да светила, да еке,
Да отворайтесь дай ворота, да еке,
Да розыграйтесь да широка, да еке,
Да подкоди, сударь, дай поближе, да еке,
Да ште ешше того дай поближе, да еке,
Да поклонись, сударь, дай пониже, да еке,
Да шта ешше того дай пониже, де еке,
Да ты возьми за правою ручку, да еке,
/Поцелуй да по дай миляе/,
Да ты поставь на старое место, да еке,
Дай отведи кругом городочик, да еке. (Ляли)

В соответствии со словами песни «растворяйтесь, ворота» круг открывался, «подкоди, сударь, дай поближе» — парни выводили на середину хоровода двух девушек и ходили с ними под руку, «почелуйся да помиляйся» — парень с девушкой целовались, затем со словами «Ты поставь на старое место» ставили девушек на место. Хоровод исполнялся до тех пор, пока все девушки не перебывали в круге.

Под песню «Как у наших у ворот» (вариант: «В караводи») ходили двумя кругами, один большой и внутри него маленький, шли в противоположном друг другу направлении:

Как у наш,
 Как у наш,
 Как у наших у ворот,
 Ай ля-ли у ворот,
 Ай ля-ли у ворот,
 ...Стоял девок каравод...
 ...В караводе были мы...
 ...Видали парочку...
 ...Да встань парочка, парочка,
 Парочка прибодрись...
 ...Немножко повертись...
 ...Кого любишь поклонись... (Ляли)

Песня «Чуде город» также исполнялась кругом, но по своим поэтическим особенностям относится к группе плясовых песен. Как и представленный выше текст «Чывыль воробей», эта песня является сильноискажённым русским заимствованием:

Чуде город, чуди город,
 Правой ли кликали,
 Правой ли кликали,
 Всё возьми, всё возьми,
 Воскресенской люди,
 Воскресенской люди,
 Не глежилась, не глежись,
 Вино скачи нельзя,
 Вино скачи нельзя,
 Пиво пить,
 Пиво пьяные, пиво пьяные,
 С медою, с медою,
 С медо сладкие, с медо сладкие,
 Сколько пила, сколько пила,
 Двояд вылила, двояд вылила,
 Най убойной глаза, най убойной глаза,
 Поставленному, поставленному. (Кони)

Содержательное наполнение песни концентрируется в формуле «Пиво пить, пиво пьяные, / С медою сладкие». Исполнители, комментируя песню, отмечают, что слова «Пиво пить» громко выкрикивали и немного приседали. Кроме того, выделение именно этих строк может быть мотивировано особым обрядовым назначением пива именно в княжпогостской традиции молодёжных собраний, в частности, традиции молодёжных осенне-зимних братчин, где угощение пивом было одним из центральных моментов действия и сопровождалось специальной песней.¹

М.Ф. Коновалова — певица, исполнительница причитаний на свадьбах и похоронах, д. Нижняя Отла, 1964 г.

¹ В полевых материалах одной из Удорских экспедиций (с. Глотово) имеется упоминание, что песня «Чуди город» исполнялась здесь как раз на молодёжных братчинах: под эту песню парни и девушки становились в круг, у одного из них на голове чаша с пивом, все кружатся вокруг него, и он тоже кружит. Полевой дневник П. Ф. Лимерова.

Во всяком случае, распространённый в песенно-игровом фольклоре мотив пива/вина в княжпогостском репертуаре выделяется наиболее рельефно. Так, ещё раз обратившись к песне «Чивыль воробей», отметим, что и этот размытый в содержательном плане текст имеет неожиданно чёткую императивную концовку на коми языке: «Дона четверик ю!» (Дорогой четверик выпей!). Кроме того, в с. Турья зафиксирован фрагмент текста, в котором представлен процесс приготовления пива для братчины:

Собиралисе девицы набирати ми(у)ку,
 Йа-а-а вы калина вы малина,
 На братын(ы)ку на девичей пир,
 Йа-а-а вы калина вы малина,
 Оне воды носили по лошичики,
 Йа-а-а вы калина вы малина,
 Оне кмелю купили по шишичики,
 Йа-а-а вы калина вы малина,
 Оне солоду кладили по горсточику...

Подобный сюжет не встречается в других коми традициях и не имеет широкого распространения у русских.

Следующий тип хоровода — «воча-воча» («ряд на ряд», букв. 'напротив, навстречу друг-другу') — представлен в княжпогостской традиции песнями «Княгини, да мы до вас пришли» и «А мы просо сеяли». В д. Половники хоровод «Княгини» разыгрывался следующим образом: один ряд состоял из девушек («невесты»), другой ряд из парней («женихи», «зон полк»). Поочерёдно, в соответствии с песенным диалогом один ряд подходил к другому ряду и отходил на место.

Княгини, да мы до вас пришли,
 Молодые, мы до вас пришли,
 Бояре, да вы зачем пришли...
 Княгини, да мы невест выбрать...
 Бояре, да покажите жениха...
 Княгини, да это то ль не жених...
 Бояре, да покажите сюртучка...
 Княгини, да это то ли не сюртук...
 А бояре, да покажите сапоги...
 Княгини, да это то ли не сапог...
 Бояре, да без подошвы сапоги...
 Княгини, да мы вот царские слуги...
 Бояре, да вам которая мила...
 Княгини, да нам и Аннушка люба,
 Молодые, да нам Андреёвна люба.
 Бояре, да мы её не отдадим...

С этими словами девушки прятали названную Анну Андреевну, а парни вырывали её и уводили:

Княгини, да мы и силою возьмём.

В других вариантах мотив показа одежды выносится на первый план, подчёркивая себе всё назначение хоровода. Так, в д. Синдор игра заключалась в следующем: парни и девушки становились в два ряда и ходили навстречу друг другу: девушки показывали по тексту: «да вот у нас платьте», «партик», а парни: штаны, рубашки, пальто, валенки. Заканчивалась игра словами «Вот у нас и кончились», при этом прихлопывали руками. Такое же разыгрывание записано Ю.Г. Рочевым в с. Княжпогост: «...Затем начинается песня «Бояра», она очень длинная. Парни и девушки расходятся в шеренги, в противоположные стороны. Поётся и прославляется одежда участниц»¹.

В хороводе «А мы просо сеяли», также как и в «Боярах», девушки и парни становились в два ряда и ходили навстречу друг другу. Описывая распределение ролей, исполнители отмечают, что девушки «сеют», а парни «топчут» («нывъясыд кёдзены, а зонъясыс таллялоны»).

- А мы ё просо сеяли, сеяли,
- Ой диг-ладо сеяли, сеяли,
- А мы ё просо вытопчем, вытопчем...
- А чем же вам вытоптать, вытоптать?..
- А мы ё коней выпустим, выпустим...
- А мы ё коней переймём, переймём...
- Чем же вам перенять, перенять?..
- А шёлковым поводом, а шёлковым поводом,
- Она ё шёлка спутает, спутает,
- А мы ё дадим плёточку, плёточку...
- А ё дадим сто рублей, сто рублей,
- А нам не надо тысячи,
- А что же вам надобно, надобно,
- Нам надобно ё девицу, девицу,
- Мы ё дадим дурочку, дурочку,
- А мы ё дуру выучим, выучим. (Половники)

Завершая описание хороводной части, отметим ещё два типа хоровода, входившие в состав княжпогостских игрищ. Один из них по типу «плетня» — обозначался как «пельпома сыланкыв» (букв. 'плечевые песни'): участники игрища выстраивались «гуськом» — затылком друг к другу, положив руки на плечо впереди стоящему соседу, при этом исполнялась песня «Заплетайся плетень». Второй — «сюръя сыланкыяяс» («столбовые» песни): в центре круга становились трое, а остальные участники кружились вокруг них цепочкой под песню «Вьётся, вьётся извивается». Сопровождающие их песни не зафиксированы.

Значительная группа рождественских песен в княжпогостской традиции обозначалась исполнителями как «чёвтасян» (от «чёвтавны», «чёотоны» 'бросать, кидать, закидывать'). Участники становились в два ряда, пара напротив пары, приплясывая, шли навстречу друг другу и делали выпад вперёд с притопыванием. Именно этот выпад определён термином «чёвтасян». При этом исполнялись плясовые песни с традиционным набором жанровых признаков: отсутствие сюжета, быстрая смена образов, плясовой ритм, рифма, использование плясовых звуковых конструкций типа «йоктырми-йоктырми-йоктырми» и т.д. Собственно эмоционально-возвышенной, плясовой атмосфере соответствуют и песенные мо-

¹ Полевой дневник Ю.Г. Рочева. Вымская фольклорная экспедиция, 1964. Л. 16-17.

тивы разгульности, отрицания замужества, мотивы, утверждающие вольную жизнь: «Я повыскачу, я сповыпляшу...» («Толочу я волочу»); «Да споиграйте голубушки,/ Да споиграйте девушки, / Не ровьён от замуж выйдется,/ Либо старо, ли быть мало попадёт,/ Либы пьяница матюка попадёт...» («За рекой было за реченькой»); «Ай калачика не хочется, а не знама любить хочется» («Светная панеч я панеч»); «Тончевала — приустала — задремала — спать лёжила ко милому на колени — поцелуемся со мной, прогулять милой пойдём» («Этой тончи тончевала»); «Пойду выйду я на улицы гулять, / Станём спрашивать одна найти робят...» («Как на юлочек, на колечке трава»). Необходимые ритуальные признаки статуса девушек, такие как активность и подвижность, во многом объясняют, казалось бы, бессмысленное содержание песен. Именно с этими качествами можно связать хаотичную смену образов и действий. В этом смысле плясовые песни выступают как антитеза изобразительности и сюжетной последовательности хороводов. Эти же признаки могут реализовываться и в хореографических дополнениях. Так, с последними строками песни «Дай мне тысяча» — «Уж я высокочу высок, спочелуй да столба», парни приподнимали, взяв за талию, и подбрасывали девушек, в воздухе целовали их (Кони)¹. Кроме того, по одному из описаний, в хороводе — «чёвтасем» участвовали именно самые активные девушки: в с. Ляли одну за другой исполняли песни «Цветная панеч» и «Толочу я волочу», первую исполняли две девушки, вторую — четыре, «наиболее бойкие и имеющие хороший голос и умеющие хорошо плясать»².

В комплексе «чёвтасян» реализуется ещё один ритуально значимый момент игрищ — парность, чётность. Эти песни исполняли двумя рядами («воча-воча»), по две пары (парни напротив девушек, или две, четыре девушки). В научном отчёте вымской фольклорной экспедиции 1964 г. в качестве примера «чёйтасян съыланкыв» приведены песни «Добеги, беги до поженки» и «Как на юлотке», записанные в д. Удор. Говоря о развитой песенной терминологии в вымской традиции, исследователи отмечают, что эти песни определены певцами как два брата («кык вок»), «видимо из-за того, что они всегда связаны друг с другом, поются одна вслед за другой». Далее следует немаловажное обобщение, что таких рождественских «братьев»-песен было большое количество.³

Конкретизация, индивидуализация пар приходилась на заключительную часть рождественских игрищ, когда поимённо припевали парней и девушек. Исполнялись песни: «Кань вёр вылёт пуксисны», «Яг шёрын дуб сулалёт», «Соколечки молодой», варианты песни «Царевна, ты пусти в город» и т.д. Тексты небольшие по объёму, лаконичные, без элементов величания.

Парней и девушек припевали все присутствующие. Как только песня заканчивалась, «поп» и «дьяк» вели воспетую девушку к парню. Впереди шла девушка, а за ней шёл «поп». Девушка должна была быстро сесть парню на колени и поцеловать его. Припевки пели и на обычных вечеринках, присутствие воспеваемых парня и девушки было желательным, но достаточно было присутствия и одного из них. В д. Кони разделение на пары происходило следующим образом. Парни сидели рядом. Исполнялась припевка, в которой называлось сначала имя-отчество парня, потом имя девушки. Так же «поп» подводил девушку к парню.

¹ ФА СыктГУ. 1414-12, 1990.

² Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца 19 – начала 20 вв.— С. 94.

³ Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а. Л. 70-71.

Если парню нравилась девушка, то он её обнимал, если не нравилась, то просто держал на коленях. При этом в функции «попа» входило правильное распределение пар, он должен был предварительно узнать пожелания парней. Если одну девушку припевали несколько раз, то парни обижались: «Вдову, — говорят, дали. Одному уже давали, а затем и мне». Если в молодёжной компании была пара, которую уже считали женихом и невестой, то они противостояли всем остальным: «Вечером-то пойдём, когда по домам расходимся. Кто жених с невестой, они парой идут, а кто нет — те вместе. Вот их валяли в снегу».¹

В некоторых описаниях с рождественскими игрищами связывается выбор пары на год («во гётёрса бёйём»). Пелась специальная годовая песня («во гётёрья сылодасны»), исполняемая не только девушками, но и женщинами- зрительницами. Парень подходил к девушке, с поклоном выводил её на середину избы и, поцеловав, усаживал себе на колени. Если девушка не хотела быть парой этого парня, то она пряталась. За своей избранницей парень должен был ухаживать в течение года: «С кем припоют, он за той ухаживает: с вечеринки приводит и уводит, и на лошади катает, и на качелях. С кем припоют, год ухаживает. Если ты уважаешь, любишь его, целый год ходит с тобой, «ука-жор». Так было на Васильев день»². В описаниях игрищ с. Ляли Н.И. Дукарт приводит название годовой песни — «Ты впусти в город».

Варианты этой песни зафиксированы по всему Княжпогостскому району, но в качестве обычной припевки, не связанной с выбором на год:

- Царева, ты пусти город, ты пусти красот.
- Нам на что город, нам на что красот.
- Нам девица нужна, нам красавица нужна.
- Кого вам нужна?
- Ниночка нужна, Ивановна нужна. (Ляли)

Итак, сценарий княжпогостских рождественских игрищ включал в себя следующие песенно-игровые элементы: а) в зачине лирические песни, под которые ходили девушки — «гёвзедлан, покодъян, ныв сыланкывъяс»; б) создание «чет’ов» — пар, состоящих из девушек; в) наборные хороводы — «ёктысян»; г) хороводы ряд на ряд — «воча-воча»; д) круговые хороводы; е) по типу «плетня» — «пельпома сыланкыв» («плечевые» песни); ж) хождения цепочкой вокруг трёх стоящих человек — «сюръя сыланкыыяс» («столбовые»); з) пляски — «чёйтасян»; и) припевки — окончание игрищ.

Помимо песенно-игровой части в сценарий святочных собраний включались представления «Приятель» и «Старик». Первое из них связано с традиционными игровыми мотивами собирания и «разбиивания» свадьбы³, в данном случае свадебного поезда. Два человека исполняли роли продавца (приятеля) и покупателя (им была заводила игрищ — «поп»). От них требовалось знание русского языка,

¹ ФА СыктГУ. 1414. Кони, 1990.

² ФФ ИЯЛИ. А0694-8. Ляли, 1981.

³ Например, в удмуртской традиции: сначала один из участников под песню «Все цыгане пили и гуляли» набирает людей, изображающих «коня воронова», «сбрую золотую», «сани дубовые», «дугу росписную», «вожжи шёлковые», «кнутчик ремённый», а затем отводит обратно всех в круг (Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского муждуречья. Монография / Отв. ред. Т.Г. Владыкина.— Ижевск, 2001.— С. 270, 399: № 88). Или, например, популярная во многих традициях песня «Розочка алая» («Хожу я гуляю вдоль по хороводу»).

поскольку на нём, как правило, вёлся диалог о купле-продаже. По замечанию А.К. Микушева, «ещё и сейчас /1964 год — Г.С./ многие из вымичей, превосходно знавших ход игры и сюжет драмы «Приятель», отказывались от исполнения заглавной роли на том основании, что они-де «плохо говорят по-русски»¹. Диалоги, происходящие между продавцом и покупателем, являлись тем зрелищным элементом игры, благодаря которому она и выводилась на уровень представления. Ведущие вкладывали в них всё своё мастерство остроумно импровизировать, развлекать и веселить публику, что делало каждое исполнение неповторимым и живым.

Одна из самых подробных записей игры была сделана участниками вымской экспедиции А.К. Микушевым и Ю.Г. Рочевым в д. Отла от Марии Арсеньевны Лапиной (1894 г.р.), бывшей в своё время «попом» на святочных игрищах.

Продавец сидел в стороне или в красном («божьем») углу. Остальные участники ходили по избе под песню, которая повторялась на протяжении всей игры, предваряя каждую покупку:

Приятель, приятель да
Жыв илин мой?
Соколым приятель да,
Вы к(и)нязя да боярыни
Я челуй кочёшь да твоево.

Затем происходил диалог между «приятелем» и «кумушкой», сначала о покупке коня вороно-вого:

- Здорово, пё кум.
- Здравствуй, здравствуй, пё кумушка.
- Есть ли пё у тебя коня продажные?
- Есь, есь пё. А какой у вас надо?
- Надо пё вороные.
- Но есть пё и вороные.
- А дорого ли пё, кум, просят?
- А триста рублей пё.
- Ох, пё та недорого на пё ещё, кум, просят. Девок-то пё много и деньги-то много.
- Не жалей пё деньги, берите деньги. Когда-ко пригодится, ещё понадобится.
- Прощайте, кум.
- А счастливо, кумушка, вперёд побывай.

После этой покупки участники двигались по кругу под песню «Приятель, приятель», и начинался диалог о покупке «узды золотой». В том же порядке покупались: «хомут» за двести рублей, «вожжи моржовые» — пятьдесят рублей, «сиделка воздушные» — сто рублей, «саня дубовые» — триста рублей, оглобли — «огломки берёзовые» — сто рублей, «завертка берёзовые». Потом покупали «гости молодые» — пятьсот рублей, «запетника хорошия», «кучар баский».

После того, как свадебный поезд был собран, участники представления три раза повторяли песню с перечислением всех покупок:

М.А. Лапина — в своё время часто играла роль «попа» на игрищах, д. Верхняя Отла, 1964 г.

¹ Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а. Л. 40.

Причтание невесты, ансамбль с. Туръя, 1964 г.

Приятель, приятель да
Жыв лин мой?
Соколым приятель да,
Вы к(и)нязя да боярыни,
Я челуй кочёшь да своево.
Коня дай вороные,
Уз(ы)ды да золотые,
Комуут да кольчужные,
Вожжи да нерповые,
Сиделка да воздуш(и)ные,
Гужи да моржовые,
А саня да дубовые,
Огломки да березовые,
Завертка да черёмуковые,
Солома дай золотые,
И (й)оленича корковые,
И плос(э)тыр(?) да шестовые,
И подушка да пуковые.
И гости да красивые,
И гости-то да хорошие,
И запетник да молодые,
И кучар да хорошие.

Заканчивалась игра тем, что всё приобретённое для свадебного поезда разваливалось: участники падали, и исполнялась соответствующая песня:

Коня да юпала,
 Комут оторвалася,
 Вожжи потерялася,
 Сиделка потерялася,
 Саня потерялася,
 Огломки /додь вож/ разломалася,
 Дуга разломалася,
 Пёдушка потерялася,
 Оленича /кёр ку/ потерялася,
 Гёсть-то вырвалиася,
 Гёстяыс вырвалиася,
 Кучар вырвалиася,
 Запекник вырвалиася да.

Импровизационный вариант драмы «Приятель» на коми языке был разыгран для А.К. Микушева и Ю.Г. Рочева в Доме культуры д. Онежье. Участниками инсценировки была молодёжь, однако, тон задавали опытные знатоки старого быта, некогда выступавшие в роли местных затейников. Концовка игры здесь разворачивается в отдельный диалоговый эпизод:

- Здравствуй, кум!
- Здравствуй, кумушка, здравствуй!
- Мый могён нин локтінныд, мый висъталанныд? Кытчö мый мунанныд, локтанныд?
- А вот вермам ог ми туй вылё петны, тэнсыыд ставсö босътi, а меам зэй нин ыджыд араваыд, йöзыд да? Вермас оз миян кычёк провалитчыны? Надей миян лоас оз, надей?
- Надей менам зэй ыджыд. Сёа абу нин сёа, а двеститысячной процентной надея!

(— С какой нуждой пришли, что скажете?
 Куда путь держите, уходите или приходите? —
 А вот можем ли мы в путь отправиться, всё у тебя купили, да вот орава у меня уж больно большая, людей много? Могут ли наши сани куда-либо провалиться? Будет ли у нас надежда? — Надежда у меня очень большая. Сто, даже не сто, а двеститысячный процент надёжности!).

После этого начинали петь, песня обрываясь на полуслове, так как все валялись на пол. Под всеобщий смех и шум кумушка причитала:

— Ой, жугласис весьы! Заверткаыд оры, весьыс жугласис! Весьыс пöдлов, весьыс пöдлов талён вёлёма! И татчö ми пропадитам кузь туйö, пропадитам татче кузь туйö! Миян вед вёлi озыр морт ордысъ деньгаыс, аслам куш зептöй, озыр мортлон вёлi. Ой, рёзбренньё, рёзбренньё! Татче пропадитам пöвöчад, некод ог вермё мунны, ой-ой-ой! Вот миян скучайыд лои, великой скучай! Миян öд вёлi йöзлэсь босътёма, озыр морт-

Е.С. Габушев – веслянский гармонист. Экспедиция 1964 г.

Участники ансамбля д. Онежье после игры «Приятель»: А.А. Козлова, М.Н. Лапина, О.И. Козлова, П.Н. Клюева, М.Г. Щанова, М.А. Попова. Экспедиция 1964 г.

лысь став деньгатэ да сіен ме вёлі озыр! Ой, джагедчи, ой, джагедчи! Честь и славатэ ог вешті!

(Ой, развалилось всё! Завёртка порвалась, всё развалилось! Всё у неё подложным оказалось, всё подложно! Пропадём мы здесь на дороге! У нас ведь деньги у богатого человека одолжены были, у самой карманы пустые, у богатого человека были деньги взяты! Ой, разоренье, разоренье! Здесь все и пропадём, никто не сможет уехать, ой-ой-ой! Вот докука случилась, великая докука! У нас ведь деньги были взяты у богатого, поэтому я богатой была! Ой, в петлю попалась, ой попалась! Честь и славу уже не выкуплю!).

Игра «Старик» записывалась в двух разных вариантах от жительниц д. Отла М.А. Лапиной и М.Ф. Коноваловой. Первый из них разыгрывался следующим образом. В середину круга на пол садилось 5–10 девушек, изображавших «стариков». Вокруг них ходили остальные участники игры под песню, которая, как и в «Приятеле», повторялась перед каждым новым вопросом:

Ок и ты не кумушки кодите,
Покоринкаю казак пропала,
Ю меня старик от неможной,
Пиво питии-от сукин сын не кочёт,
Работать и от сукин сын не кочёт.

Далее происходил диалог между «попом» и одним из «стариков»:

— Старико! Гёрлынныд, ин на?

— Гёрлым по гёрлым эсько да, гёр коксо на шедэдам. Дъякон Петырлысь, кокысла на Ыбо ветлым да вёлисъти на вайим. Эгё на, по, гёрлө, коркё на, по, гёрнысö мёдам.

— Но гёрё, гёрё, пё, ми вёд гösytitны регыд локтам.

(— Старик! Пахали или нет ешё? — Вспахать бы вспахали уже, но вот только ещё стояк сохи добываем. У Дьякон Петыра, в Онежье сходили, и только вот принесли. Не пахали ешё, когда ешё пахать начнём. — Ну ладно, пашите, пашите, мы ведь скоро в гости нагрянем).

Затем следовали вопросы: сеял ли, боронил ли, взрастил ли, сжал ли, молотил ли, помолол ли, испёк ли:

— Кёдзлынныд эн на?

— Мёдам, мёдам, эсько да, эсчо сёй му вылёт.

— Мыйла нё сёй му вылёт, колё вёд бур му вылёт кёдзы. Вайё, вайё регыд, ми вёд уна гösъя локтам, воам регыд.

(— Засеяли или нет ешё? — Собираемся, собираемся бы, там, на глинистом поле. — Почему же на глиняном поле, надо же на хорошем поле сеять. Давайте, давайте, нас ведь много в гости придёт, скоро будем);

— Старикё, пё, ті нё вундылыд эн на?

— Мёдам, мёдам эсько вундыны, пё, да чарлавыс абу. Чукля Матрена ордо чуньысла на мёдам ветлыны.

— Мыйкё по чуньнас лоё. Колё вёд емдон чарла вайны, а мыйкё чунен да мый да ті вунданыд. Регыд, регыд вундё, ми вёд уна гösъя да гösъя локтам.

(— Старик, жали или нет ешё? — Собираемся, собираемся бы жать, да серпа ешё нет. К Чукля Матрене собираемся за зубцом сходить. — Что у вас с зубцом получится. Надо ведь стальной серп принести, а вы каким-то зубцом жать собираетесь. Быстрее, быстрее сжинайте, нас ведь много в гости придёт). И т.д.

После того, как выяснялось, что «старики» ничего не сделали, их ударяли и валили в кучу на пол.

В другом варианте, записанном от М.Ф. Коноваловой, старик должен был подготовиться к свадьбе дочери и сварить пиво. Соответственно ему задавались вопросы: поставил ли солод в печь; наложил ли камни в корчагу; приготовил ли стол; покрыл ли скатертью? Игра заканчивается аналогично предыдущему описанию.¹

Ансамбль с. Шошка: Е.И. Лапина, Е.Г. Трошева, А.И. Трошева (?), Л.И. Пархачева, А.И. Пудова. Экспедиция 1964 г.

¹ Описание опубликовано в кн.: Конаков Н.Д. От Святок до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды.— Сыктывкар, 1993.— С. 25–26.

Начиная с этого номера, журнал «Арт» открывает новый раздел «Артпиян». В переводе с коми языка *пиян* — это сыновья, дети. Однако в последнем значении слово *пиян* употребляется чаще по отношению к растениям, к примеру, *козпиян* — поросль (читай — дети) ели, *кыдзпиян* — поросль (дети) берёзы и так далее. В нашем случае подходят все значения этого слова: *сыновья* или *дети* «Арта» также милы нашему сердцу, как и *поросль* «Арта», если представить «Арт» как *древо* мира. Новый раздел будет полностью посвящён детям: здесь будут публиковаться произведения, написанные для детей и, что немаловажно, произведения, написанные самими детьми. Это могут быть как художественные произведения, так и научные. Пишите нам, прсылайте свои рассказы, повести, статьи — более внимательных читателей, чем редакция журнала «Арт» — Вам не найти!

Нина Куратова

Нина Никитьевна Куратова (1930) чужис да быдмис Сыктывкын районса Кебра (ёні Куратов) сиктын.

Кор пансис Великкой Отечественной войны, Нина Куратова вёлі 11 артс. Батьыс усис война вылын, мамыс күвсис. Нина бэй чойяскёд быдтис бабыс. Нина Куратова водз заводитис уджавны, медводз — колхозын, а сэсся Кебраса детдомын.

1949-өд воин помаліс Сыктывкарса педагогической училище. Кызы сизим во чёж вёлі воспитательни Сыктывкарса, Серёговса, Ухтаса, Интаса детсадъясын. Вит во оліс Германиян. 1972-өд восянь пенсия вылоб петтöдз уджаліс Коми Республикаса гижись котырын литературий консультантон.

Медводдза висьтсö «Аппассионата» Нина Никитьевна йёздöдис «Войны кодзув» журналын 1964-өд воин. «Радейтана, муса» медводдза книгаыс петис дас во мысти — 1974-өд воин. А сэсся коми лыддысысысылы, верстёлы и челядьлы, радейтанаён лоины «Бобёньянь кёр», «Вайё тёдмасямый», «Кёч гёснеч», «Вёр гормёг», «Менам дона сикёти-ожерельёй» да мукöд книга.

Нынбабалён абу кокни судьбаыс петкёдчö Нина Куратовалён уна гижёдын. Вот и «Батьяс ылысь висьт»... Неынджыд гижёд, но кутшом уна шуюма морт ылысь. Сыблём чепёртана повесьтсö лыддян ловнац. Тшётиш быттьё сийё кадся йёз пиын олыстан, накёд шогалан, бёрдан да съёлёмён кылан и налыссы съёлёмсö. Быд кывыйн тайё гижёдас олё дой, синваён войтöдбма кывсö. Та понда и шымыртö гижёдис лов-вежёртö, ышиддлоны мортон любой кадб.

Нина Никитьевна Куратова — Коми народной гижись, Иван Куратов нима Государственной премия лауреат, Коми Республикаса заслуженней уджалалыс.

Батьяс ылысь висьт

Мамё кулём бёрын ме понді повны телеграммаяссыыд, и со, бара вайисны. Бара ме сулала джодж шёрын, кыын кута шог вайысь кабалаторсö да синва тыра синъясöн видзёда сэтчö пасийём куим кыв вылоб: «Батьыд кулан выйын лок».

Часён-джынйён мысти ме пукалі нин Воркута — Сыктывкар самолётын да сылён жургём шы улын думайті ассыым шог думъяссоц. То меным кажитчис, мый сёрми, мый ме локта гортё и ог нин су батьёс ловийён. Тайё думсыыс менё босытліс дрёж, и кёнкё лов пытшкын заводитліс горзыны весьбопрёром гёлөс: «Батьё, батьё, сомын эн кув, коть мый, а эн кув!» А то быттьё ме гортын нин, батьё вольлась дорын. А сийё такёдё менё, мудеринника нюмдыштöма да шуалё: «Менам күвтöдз уна на ва визувтас. Эн бёрд. Кузнеч Васькатö абу на сэтшом кокни олёмсыыс киритнисö!»

Тайё думсыыс менам съёлёмой тырліс надеяён, чайтсис, мый батьёлы уна во на коли овны, мый висьомыс лун-мёд мысти пройдитас.

кежлő бёр быттьё лолі сійё ичотик нывканас, коді тірбдö—котörtö тувсов лунö да радыслы гораа сылö.

Но абу тай кузь вöлöма менам шуда челядьдырыд. Казтывны куті водзö да шондýыд менам бёр дзебсис.

Гажабсь ли гажтöмöс вöлинь менам казтылöмъяс, а сунис помтö кö кыс-кыштан, тюрикыд лювдас нин. Самолётин лабигкостi выль пöв олi ассым став челядьдырös. А тайё зарни кадыс быд нывкалён и зонкалён йитчома аслас мам-батьыскöд. Менам жö вежöрö ёнджыка кольёма батьёй, сійös радейтлi медся ёна свет вылас.

Батьё менам кузнеч вöлi. Кузнечайыс, помнита, гортсянь неылын, карта саййорын суалалiс, пывсянъяс мыш сайын, на кодь жö воймöма, сьöд да лажмыдик. Кузнеча гöгör век вöлi валитöма кутшöмсюрö кörта кöлуй да пытшсянъыс дугдывтöг юргылiс кörтöн кlüngöm шы.

Быд лун школа бöрын ме шыбитлi книга тыра кисаöс кылт лабичö да котörtлi батьё дiнö. Котортa, а луныс шондiа. И кöть гöгör на дзирдалö лым, сынöдас тöдчö нин тулысыс. Тёп-тёп — вевтъяс вывсянь войтöдöны синванысö йи нёньяс. А меным мыйысъкö зэв долыд, и ме гораа сыла. И кажитчö, мекöд сылö ставнас ывлавыс: и кузя нюжгысъём сиктлон стройбаясыс, и ылынджык тыда-лышь гумлаяс, и паськыд лымъя эрдys, и весиг этайö сьöд пывсянъясыс.

Сувтöмён дыр видзöда ывласö и кывза сылышь шыяссö.

Тинь-тон-тон!.. — кылöны кузнечаланьсяндорчöм шыяс, и тайё шыясыс вевттьёны став мукöдсö. Кутшöм мича шыяя! Сэки ме эг на тöдлы ни Шопенлыс, ни Чайковскийлыс музыкасö, но юаласны кö, и онi на шуа, мый дорчöм шы мичаджык став музыкасыс.

Локта вöлi навыскок кузнеча восьса öдзöс дорö, пытшкас ог пыр — сэнi тшына и пöсö. Таркнита öдзöс иганнас, вильшалышта батьёс, сэсся кильк серёкта и дзебся öдзöс саяс.

* Висьтсö серпасалiсны Сыктывкарса 26-öд №-а шöр школа бердын «Радужка» школа-студияны велöдчысыс Анна Лыткина да Анна Мойсеенко.

«Кузнеч Васькатö...»
Коркё тайё медрадейтана кывъяс батьёлён вöлинь. Но мыйла онi мем тайё кывъясыс тöд вылö усины? Од важён нин абу кузнеч менам батьёй, и важён эг кывлы ме сылышь татшöм кывъяссö. А паметын со олёны. И син водзö друг зарни шондi югорён дзалкнитiс кыпыйд да гажа серпас менам челядьдырся олёмьыс. Сувтiс сэтшöм ясыда, мый ме здук

— Но, пыстапи, локтін? — дугдö клёңгыны да, кылö, шуö батьö. Сiйö менö век пыстапиён шулiс, а мамöös пыстаён, сы вöсна мый ми мамöкёд ичöтикöс, а батьö ыджыд да ён.

Недыр мысти батьö эновтö уджсö да петö ывла вылö состöм сынöд вылас пальöдчыны. Рыжöймöм да кытсюрö розявтöдз палитчöм кучик партука да шапкатöм — дзик мойдвывса багатыр. Сувтас кокъяссö паськöдöмён туссов тöлыслы воча, кунтыралö синъяссö да нюмъялö. Пинъясыс крепыдöсь, еджыд лым моз дзирдалöны. Вильыш тöв летийö сылысь смоль сьöд кудрисö, и батьö лöссыдыsla мурзыштö. Сiйö миян мугов, буракö, та вöсна да и сьöд юрси вöснаыс сиктса ныvbабаяс нимтылiсны сiйös чиганöн. А гашкö и, визув да гажа характер вöснаыс. Батьö кöть мугов ачыс, а синъясыс лöзöс, югыдöс, быттьёкё енэж-сыс кык чир сылы сетöмäбöс. И сэтшöм визулöс! Ворсыштас наён да шуас мыйкö, — и кывзыссяс семдöмäбöс нин серамныsla. Синваныссö чышкалiгтыр шуалöны: но по тë и чиган!

Батьö шпынъмунас, оз дöзмы татшöм нимсыыд, бара на шутитö: мамö по сьöд пывсяныс менö аддзöма — сiйён и сьöд, — и жерйöдлö ён пинъяссö.

Мыйлакö зэв ёна сибавлiсны сы дiнö йöзыс, торийн нин ныvbабаяс да челядь. Кузнечайыд эськö абу нин сэтшöм места, кён позьö йöзлы чукörtчыны, а вот мунöны кö дiнтäис, быть кежаласны.

Менö жö кыскис батьö дiнö магнит дiнö моз. Мыйён сöмын сiйö вöлi петас тшына кузнечайыс, ме уськöдча сы дорö и сывтъяла сылысь кокъяссö. Вылöджыкыс ог судз, ичöt зэв тушайд да.

— Ок тë, пыстапи! — кватитас менö батьö вына кияснас и качöдлас вылö вылö, дзик небеса дорöдзыс. Ме китшъя-серала да горза: ещö! ещö! А батьö жервидзö. Качнитас мöдьис, коймöдьис. У-уп! У-уп! — горöдö быд пöрий. Витысь-ö-квайтысь наянитöм бöрын лэдзас менö муас да сарöга сьöд чуньнас малыштас бандзибийс, шуас:

— Ветлам, буди, пыстапи, пажнайтыштам-а.

— Ветлам, — шуа ме. — И батьö сæk жö пöрччö кучик партуксö да шыбитö кузнечайыд зэв пытшкас, сы пыдди босытö ѡдзöсдорса тув йылысь вежсян паськöмсö и клопкö-пöдлыштö ѡдзöссö. — Игнав, — шуö мем, и ме ѡдзöс пробойö сюйштас чаг тор.

И восьлалам ми батьöкёд орччöн. Ме бур удж вывсянь моз муна ог чеччалiгтыр, а батьö моз ыджыд восьласён.

Пажнайтлiм унджыкыссысö ми батьöкёд ас кежын. Мамö либо волёма нин, либо сёрёнджык на локтас, а то и дзикöдз оз волы — ылi видзязыс вылö кö мунiс. Сы пыдди рытнас ужнайтам став семьяён öтвыв: батьö, мамö и ме.

Мамö, небыдик нюмъёттаса, кокни и пельк, тэрмасьбö-дасьтö пызан вылö ужын, котёртö то пач вом дорö, то залавка дорö, öттшöтш варова висьтасьö, кёni да мый луннас вöчисны. Мамёлён колхозад күйтöм уджыд абу. То куйöд петкöданiнын шусяс, то койдьис весаланiнын, то турун кыскаланiнын. Ужын виччысигмоз батьö пукалö пызан дорын да, мамö бöрся синъяснас вöтлышигмоз, тяпöдö вом доръяснас. Кынöмыс сэтшöмä сюмалö али нимкодясö пелька ноксыссыс мамöён, ог тöд. Мамö менам сэтшöм лöссыдик да мича. Дзоридзöс ситеч ковтая и ачыс быттьё дзоридз. Пыр ывла вылын уджалiгöн чужöмыс кöть и тöлалöма да ыргён рёма лоёма и вом доръяссыс неуна варччыштöмäбöс, но зэв лöссыдiник.

Синъясыс мичаёс и неуна быттёй яндысыштёны и сэтшом шудаёс. Мамё синъяскöд паныдастьём бöрын мем век окота лоли сывны либо йёктыны. А йёктыны ме радейтлi, бурако, медся ёна свет вылас.

Ужын бöрын батьё нюжгысылiс лабич кузяла. Мукöд мужичойяс ужын бöрад шпүткynы-куритны заводитасны, а миян батьё эз куритчыв. Мамё весиг мукöддýрийис шмонитлывлis: абу по и мужичой кодь, он курит да. Батьё гöрөктöмөн сероктылiс: ме по абу мужичой?! Чукля кока Петыр по ли мый мужичойыс, чигарка вомсыс оз и лэдзлы да? А этайё нö абу мужичойлён? Этайё? — батьё любопырысь и ошысымён малавлiс ассыыс гырысь, ён кияссö, кучкавлiс морёсас, лядьвейясас.

Мамё яндысымён лэдзлiс синъяссö и зильлiс ылöдчыны батьё дорысь. Сы пыдди ме вуджöр моз вöтлеси. Батьё водас шойччыны, а ме сы дорын нин, дебелита сылысь пушкыр юрсисö.

— Мойдыштам ли мый? — шыасылiс ме дорö батьё.

— Ог, сербияночкutö ворсышт, — кора ме.

— Сербияночкutö? Позёй и сийёс! — согласитчö батьё, чеччö да судзöдö стенясь мича лента йылын öшалысь балалайка. Первойсö неокотапырысь быттёй бриньöдчö струнаяснас, а сэсся пыркнитас сук юрсинас и кыз чуньясыс заводитасны öдйö-öдйö котравны струнаяс весьттi. Но, думайтан, вармунас балалайкаыс сылён киясын! Оз öд. Струнаяс кызвысымён заводитёны лэдзны тöдса шыяс. И батьёлён ён гёлöсис нюжöдö балалайка бöрся:

Сербияночку плясал да,
Увидал меня отец.
На работе тебя нет,
А плясать-то молодец!

— Э-эк! — гажаа сэсся зымнитас кокнас и синсö куньтыртлас меным: йёкты по. Унасы тшöктöм мем оз ков. Джодж шöрын нин ме кекёначася. Мамё нюмъялёт, видзöдлывлö миян вылö кылт занавес сайсянь. А батьё ешё ышöдö менё:

— От, едроной корень, зымнит кокнад!

И заводитчас миян сэтшом гаж, мый, видзöдан да, мёд керкасы патерант гозъя челядьпияннас нин локтёны. Верöсис шы ни тёв пырас да пуксяс лабичö, челядьпиянсö пидзös вылас пуксьöдöма. А гöтырыс порог дорсянь и тшöти заводитас вежнясыны да сывны.

Патерантъяс и водзтi кодсюрö овлiсны миянын. Керка ыджыд, мый не овны. Тайёяс овмёдчисны таво на, тёвся каникульяс дырии. Но кыдзкö сэтшом öдйö накöд öта-мёд дорö велалiм, петим-пырим, мый быттёй нэм öтлаын олома.

Василий Ксенофонтович — учитель, велёдö миян школалын история. Вичыс сылён выйтi сьёкыд да ме пондi сийёс шуны прöстö учительён. И сiдз велалi тайö ним дорас, мый бöрыннас и рад шуны кыдзкö мёд ног, да оз артмы. Да и мамбать частö сийёс прöста учительён уважительной шулiсны. Учитель — ар комына, зэв лабутной мужичой. Сёрни-басни вылö абу окоч, но сёрнитö кё кодкёдкö, видзöдö аслас тёлка вижоват синъясанас сёрнитысылы веськыда синъясас, быттёй кёсёй шуны: ноко, вокё, вай висьтась, а ме по видзöдла тэд пытшкёсад, мыйсяма тэ эм морт. Та вöсна ме учительысь повлi и зильлi не веськавны сылы син улас.

Эг, дерт, пыр, ёндыхасөс сәк, кор вильшасылі школалын либо гортын. Шуны кө нин весьқыда, ме зэв вильыш волі, и ичотик тренеръясыд ме сайын пыр воліны. То урок вылын, детинка-код пукалі да, нином абусысыс друг тыш ләптам, то перемена дырии, сійё жо детинка-код класс одзёс водзысь джоджсо сиськөн зыралам и пондам нимкодясыны, кыздзи вильдалоны урок выло пырысья.

Учитель гозъялён волі Лариса нима ныв. Сылы кык арөс, но сэтшом нин наян — пыр ыждало да мыйкө коро менсыым. То сет сылы менсыым радейтана лўза-гёрд пома карандашös рисуйтчыны, то сылы сылышишт, то киод босыт. Зато Игорёк — сылон ичёт вокыс — пыр чола куйлёт зыбкалы да шпынъвидзö. Оз и бордлы — вот дитя!

Но медся тёдчана мортнас учитель семьяны волі, дерт жо, тётя Маша — учительлыён готырыс. Аслас квайт толысса кудриён, ичотик нырнас да латшкös тушанас тётя Маша волі дзик шыльыд гёна кань кодь, коді сяммө и кургыны-мойдны, и ластитчыны, и, ковмас кө, горзыны да ыршасыны. Медся ёна тётя Маша торъяліс аслас мелілунён да прёстлунён. Мый сылон эм, лыддыы, и тэнад лоё. Ньюбас мыйкө лавкалы да первой пыртас миянё, гоститёдас ставнымös, сэссе волись гортас петкодас. Ме чайта, тётя Маша ради и ми сэтшом одий учитель семьякод йитчим. Мем, ичот нывкалы, тайё варов да мелі нывбабаыс лоис сэтшом другон, кодлы ме яндысъстөг верми висъставны став ассым думъяс-ös. Тётя Маша учительницаалёма жо Игорёк чужтодз да менё зэв бура гёгрөво. И ме висъставла сылы школалын став лоёмторъяс йывсысы. Сійё кывзö, и таись ме сійös зэв ёна радейта. Ме верма часъясон пукавны на дорын да, Ларисакод ворсігмоз, видзодны, кыздзи тётя Маша вышивайтчо либо лыддёт книга. Мукод-дырии миянёс тешитом ради нянь торыйсь либо уль комольысь вочас зарни сюра көрөс либо скачитысь волёс, а ме чуймөмён нимкодяся тайё лёссыд чачаяс-нас.

Тётя Машалён киподтуйыс ёна кажитчыліс и менам мамёлы, сійё унаись петавліс мёд керкао вурсьом видзодны. Ситеч кусокыс тётя Машалён одий артмыліс Ларисалы платтью либо меным сарапан, и мамё кевмысъёмён шуліс: «Менё тшотш велёд». И тётя Маша велодліс газеттор вылын, кыздзи шоравны юбка либо көвта. Ми кө мамёкод тётя Маша дороджык сибавлім, то батьёос ёндыхика кыскис учитель доро. «Петала, политика йылысь сёрнитыштам», — шуас батьё ужын борын. Петас, сэссе вошё, вой шорын локтас.

Вот од, Ксенофонтовичыд абу и варов видзодныс, а пондас висъставны —войбыд көть кывзы. Быдторсö сійё тёдö! Батьё кусодё би, коді онодз пыр на чинтём фитиля дзузгис пызан вылын, да пемыдас, кылёт, пёрччыссы да водё. И куйлігас нин дёвөль гёлөсөн содтö: — Быдмас нывка, учительё велёда!

Оні, кор кусі би, ме волись лючкиджык вода, но унмовссыны дыр на ог вермы. Батьёлён кывъясыс бергалоны юрын. Учительлын лоны и аслым мем мукоддырии окота, но оні, кор и батьё та йылысь гарыштіс, ме збыль выло понді мечтайнны, күтшомджык ме лоа, кор учителявны понда. Первой делё, понда новлодлыны портфель, шуа ме ачым аслым. Сэссе, пасътасыны учитель моз кажитчо жо. Сылон сьёд пинжак увссыс пыр тыдало лым еджыд дörüm. Кажитчо мем и учительлын лыддысъомыс; друг лыддысигкостыс босытас карандаш и гижыштас мыйкө блокнотö. Карандашыс сылон пыр пель саяс дасътёма. Мый ешё мем учительлын кажитчо? О, да самой главнойсö чуть эг вунёд! Лыжиён мёдас котортны

да, сёмын лымайыс бус кымёр моз лыбё. Вот эськё меным сы моз жё велавны! Но менам лыжиыс абу на, и первой делё коло кыськё сийөс судзёдны.

Тайё шуда мёвпнас и ме унмовси. А аскинас садьми, кылё, мамё броткё батьё вылёт, коро сийёс:

— Тырмас нин стынитнытё! Учитель став кильчё пом нин весалёма дай кытчёкё тёвзис-мунис лыжи вылын.

Тулыснас, лым сылём бёрын, учитель вайис вёрысь ыджыдкодь кызд пу, да садитисны сийёс тётя Машакод орчён миян льём пукёд. Сэсся повторяясь учитель вёчес сэтчё пызан да скамьяяс. Рытнас мам-бать локтисны удж вылысь — пёссы самёвар пызан вылас, тётя Машалён патефон петкёдёма. «Вдолъ деревни» горало ёшины ув тыр. Батьё вачкучкыссо:

— От, едроной корень, пызан — ыджыд-ё делё? А ме эськё нэм эг гёйброво пуктыны льём пу бокё! А лёссыд, едроной кёрене! Кофейня-ресторан!

Ужнайтны ми быд рыт пондим сэні, кофейня-ресторанас. Варовитны да чай юны пондисны волыны и орча керкаясь суседтьяс. Ныvbабаяс чупкёны-юёны чай, мужичойяс куритоны да лабутнёя сёрнитоны. Первойсө веңджык тувсов гёра-кёдза мунём йылысь панлісны сёрни, а сэсся кылан нин дзик тёдтём кывтьяс: күтшомкё Лига Наций, Чехословакия, Гитлер... Заводитасны кё война йылысь сёрнитны, дыр оз дугдыны. Татшомтортё меным дзик абу интереснё кызвыны, и чай стёкан юём бёрын ме пышъя грездё майской жукъяссо кутавны.

Сийё тулысис вёлі кыдзкё выйті нин гажа да лышкыд. Сэтшома розъяліс льём, — сикт пасьта ёйтіс дзоридз дук. Ышмём челядь рытъяснас котралісны розбойникъяс моз, куталісны майской жукъяссо либо ворсісны. И гёйр кыліс налён гажа серам да горзём. Однако кодкё сийё рытъяснас думыштліс, мый регыд воас пом тайё гажыслы. А бедаис, вёлёмкё, завор дорын нин кыйёдчё.

Война. Локтіс сийё лёк тёв ныр моз, чыпкыштіс грэздись став порнёй мужичойссо, колис ас кежаныс синваён содзтысь синъяса челядьёс да ныvbабаяссо.

Тайё лёк юёрыс сусис миянёс батьёкод кузнечайын.

Матысмис страуда, и кузнечайын öти да мёд лунтыр эз быравлы йёз. Коді вайома коса вомлостыны, коді, мёдарё, тепрёсджыка вочны, коді калитны. Вёлі сёр пажын кад нин, кор ми медбёрын батьёкод колим öтнаным и лёсбодчим мунны пажнайтны.

Друг ме аддзи: ѹёрөд скачитö кутшомкö верзьёма, киас гёрд флаг, да, буракö, мыйкö горзö картупель му вылын ѹён нетшкысъяслы. Ме индi батьёлы. Видзöдам, скачитысь ылын нин, мёд му вылын, а картупель весалысъяс пондисны жёдзны, кокныыдджык кокйöраяс заводитисны веськыда му вомён котёртны сиктлань.

— А Ѻд оз бурысъ котёртны, — шюö батьё да съёлыштö съёдасъём дульнас.

А сæk костi медводзын котёртысь матысмис нин миян дорö сідз, мый, городан кё, кылö нин гёлöсыд.

— Эй, кытчö дзизоданныд?! Мый лоис? — юасям.

— Война пö! Война! — кылiс воча кыв.

Батьё быттьё пыр жö рудзмунiс, сёмын тай кулакъяссö ёнджыка чабыртiс. И сідзи и чабыртöм кулакъясöн мёдiс пывсянъяс пёллöныс сиктлань. Горт туй вежö эз кеж. Кытчö нö, мися, мунö, думыштi ме, но юасьны эг кут. Ме мыйлакö тёдi, мый ѹнi сыкёд сёрнитны оз ков, и вётчи сы бёрся лов кутёмён.

Воим ми колхоз правление дорö, сэнi волi нин морт дас. Кильчö вылас, Ларисаён киас, суалалiс миян учитель и мыйкö ёна шенасигтыр висыталiс колхозса юралысъылы. Миянöс аддзём бёрын сiё усьёдчис кильчö пос кузя увлань, тювгис мем Ларисаёс — на пö нүёд гортö — и вёллись шыасис батьё дiнö:

— Кывлiн, мый немечыд вöчö?

Война заводитчан луныс мем, кокни мывкыда нывкаыдлы, весиг кажитчис на. Сы мында ѹöz чукёрмис правление дорö, быттьё 1 Май. Кысь нö меным волi тёдны, мый ѹöz чукёртчылёны öтлаö не сёмын гажа празникъяс дырий, но и ыджыд шог дырий. Ми, челядьпиян, гажаа шыркъялам, ѹöz пёвстtи, дзебесъёмысъ ворсам.

Но аскинас нин ме гёгёрвои, мый войнаыд вермё вайны синва. Тётя Маша, пыр кыпыд да визув, миян тётя Машаным асывсяныс ветлiс пыктöм гёрд синъяса и кадысъ кадö заводитлiс лывкийöдлыны сідз, мый и менам пондылiс гилявны кыткö ныр пытшкёй.

— Мунö Ѻд, добровольнö мунö менам Ксенофонтовичёй, пёвстка ни нинём на абу да, — сiё лыддьёдлiс мамёös сывыйштöмён, и мамö эз тёд, кыдзи сiёös таќодны.

Учитель зумыш, но кыдзкö торъя мелi гёлöса, кыкнан кагасö киас кутёмён, шыасьлiс гётыр дорас кевмысъёмён:

— Но, Машенька, но, донаёй, эн сідзи вийсы. Тэ жö тёдан, колö мем мунны...

Война вылö учительёс колльёдiм медпервой мортён. А сэсся... чукёрён-чукёрён пондисны мунавны сиктысь том ѹöz и мужичёйяс фронт вылö. Вот сәки синваыд волi!

Батьёс колльёдiгён ми эгö бёрдöй. Мамö заводитлiс жö гёлöситны, да батьё скöракодь чирыштiс сiёös. Нинёмла пö омлявны, ловъя на пö ме да!

— Вайö, бурджык, сылыштам! — шуис сэсся да босытiс балалайкасö. — Как родная меня мать провожала-а... — нюжёдiс батьё, но эз жö, тыдалö, съёлёмис ёнасö сыв, бёр дугдiс. — Эк, мусаясöй менам, эг удит ме тiянлы весиг пывсянё дзоньтавны...

Батьёяс петисны гортысь сёр рытнас нин, медым аски кежё воны районё, военкоматö. Ме пукалi Ѻдера телегаын да дзорги-видзöдi, кыдзи вёлаяс бёрысъ

локтісны уна йöz: мужичойяс и нывбабаяс, челядь и том нывъяс. А ме зіли батьёös не воштыны син улысь. Сійö, неуна гажа юра, варовитіс то ётикёд, то мёдкёд; пельпомёдыс сывиыштёмён восьлашыптіс ётияскёд, сэсся син улас усясны мёдъяс, и батьё уськёдчо на дорö.

Сикт помын йöz пондісны разöдчыны, кольчыны вёлайасысь. И со ми телега вылын сёмын нин нёльён: бать-мам, ме да батьёлон чойыс, ямщик пыдди ләччö тшöтш райцентрёдз. Регыд и менё чеччöдісны вöz доддысь. Бергöдчы по и тэ гортö. Прöщайтчим батьёкёд, и телега мёдіс водзö. Ме ешö здук-мёд котрті телега бёрся и ёль пос дорö воём бёрын сувті. Телега пыр ылымис и ылымис, сэсся и туй чукулью дзикодз саяліс. Оз сэсся тыдав батьёй. Дыр-ö кежлö торйöдіс миянöс тайё туйыс? А ёль шор, быттьö нинём эз и ло, дзольгис пос улын ассыыс кувлытöм сыланкывсö. Сылы война оз вермы шуны «сувт!», кыздзи эз вермы сувтöдны и миянлысь олёмнымöс.

Батьётöг миян олёмным гажтöмён кутіс лоны. Гожёмыс да водз арыс кыдзкёйкё колины на. Сэки то купайтчыны, то вёрö оз вотны котртлан, то муяс вылын шеп öктам — гажа ывла вылын да мукёд челядь дорын ылалан, и быттьö нинём. Но кор шлякышавны пондіс, ме ино эг понды öшины. Оз мыйкё тырмы, да и ставыс. Школа бёрын локта да кымынысь и кайла лабичö, малала батьёлысь балалайкасö. Киё босытны ог лысyt — мамё оз тшöкты, жугöдан по, и батыыдлы нинёмён лоё ворснысö.

Тётя Машаясö оні кор кöть эн пет, некод пыр абу. Ачыс школаын, учительницаавны бёр пондіс, челядьыс — яслинёсь, сёр рытнас воёны. И мамё удж вывсыыс зэв жö сёр локтö. Мамё оні кутшöмкё абу воддза кодь, — веңджаык зумыш. Локтас сёрён рытнас, мыйкё ноксыштас горт гёгрын, ужнайтigён, видзöдан да, вугралö нин, буриника сёрнитны огö вевъялö, непöштö майдны либö сылыштын-ворсöдчыштын. Мукёд рытнас мамё локтас торъя жугыль, шуыштас: миян по талун бара на кар сдайтöмаось. Сэсся кузя ышловзяс и недыр мысти батьёös гарыштас: — Ми то ешö шоныд керкаынёсь на да олам кыдзкё, а кутшöм налы сэні? Батыыдъяслы.

— А батьёыд дыр на оз лок гортö? — юася ме.

— Ог тöд, бобук, со кыздзи жугöдчö-пырё немечыд, — вочавидзас мамё, и менсыым юрёс шылъкнитöм бёрын вежас сёрнисö. — Вай ужнайт да пет, бобö, тётя Машаясад, ворсышт Ларисаыккёд да Игорёккёд. — Ме тöда, ыстö кё менё мамё, сїдзкё, тётя Маша бара собрание вылö ли мый ли мунё, сельсöветö ли.

Менем зэв абу окота бёрдысь челядькёд ворсны, но мамё тшöктö да быть пет.

— Пет, ме воа жö тіян дорö, пызан идрала да, — шуё мамё. — Налён биыс юғыдджаык миян дорысь, колё чуня кепысьяс кыны.

Тётя Маша менё виччысö, паськёма нин. Сетіс мем да аслас челядьлы öти кампетён и мунис.

Лариса, кыздзи и пыр, бёрдны пондіс, вётчис мамыс бёрся. Ковмис ассым кампеттö сылы бёрдысь вомас сюйны.

Но да мед, мый керан. Ме öд ыджаыд нин, кампеттöгыс ола. Оні ог нин некор Ларисаös обижайт, ог печиктыв ни чепöльт. Ме öд абу фашист, фашистъяс öд сёмын дойдалёны да дзерöдёны ичöt челядьтö. Бурасис Лариса — вёлъясь да ямщиқысь пондім ворсны. Ме бауён джодж кузя ветла, Лариса ме вылын пукалö, «н-но» горзö.

Регыд мамо локтіс, и ми дугдім ворсомысь, пуксим сы гёгёр джоджас и пондім видзöдны, кыдзи котралöны мамёлён чунъясыс, вöчöны петля бörся петля, дзинъакылöны емъяс öта-мöд дінас инмöдчылöмысь, кыдзи пожын чеччалö-бергалö вурун тупыль и помасьлытöг лювдö шöрт.

Мамо тупыль кодь жö помасьлытöм и арся рытыс. Важён чöсқыда узьё Игорь, унмовсис и Лариса. Менö личкö жö унзöльй. А тётя Маша век абу, и мамёлён век шаркйö-бергалö тупыльыс. Сэсся мамо казялö менсым вугралöмös, петкöдö гортö. Кутшöм лöссыд нюжгысыны джоджад ыркыд издас перина вылö!

— Мамо, лок тшöтш мекöд вод, — кора ме вольлась вывсянь.

— Узь, бобö, узь. Помала тайö кепысь пöвсö и вода, — шöу мамо.

Аски асывнас видзöдлі ывлла вылö — лым дзирадалö, кöдзöдöмä. Пуксис тöв. Войналöн медводдза тöв.

Сэтшöм кöдзыд да кузь тöвсö ме буди ог и помнит аслам нëмын-a. Вывтi нин уна тёжд да шог сiёй вайис, и сы вöсна, буракö, кузьён кажитчис.

Первой дугдисны учительсянь письмёясыс воны. Тётя Машалы шог дай миянлы абу долыд. Такöдам, мый вермам, тётя Машаöс, асыным ог и чайтö, мый миянös регыд татшöм жö шог суас. Да локтіс тай, зыркнитiс, керка стенёс ставнас вöрзьöдлiс. «...Пал смертью храбрых...» — вайисны печата бумага батьö усьём ийлысь.

Ой-я дай ой-я! Виччысим ывлла во, ывлла шуд. Москва дорын немечös пасьвартiсны, муртса-муртса кокныштаджыка лолыштiм. И со!

Ок, и омлялiс жö мамо вежон чёж! А сэсся друг ланьтiс, лёнис. Локтас сёрён рытнас удж ыллысь, пуксяс лабичö и пукалö. Вундöмä и ужын ыллысь, и скöt идралö ыллысь. Чёв олö, и синъясыс некытчö оз видзöдны, быттьö ас пытшканыс дзебсöмäоьс. Менем лолiс зэв страшно тылсы, и ме пондылi тиньгыны-бöрдны.

Дыр на, гашкö, ми мамёкöд тадзи олiм, эз кö ывлла шог личкы. Тётя Маша миян дзикöдз висьмис-водiс. Вежон-мöд гортын куйлiс, а сэсся кытчöкö карö, больничаö, лэччöдiсны. Игорь да Лариса, дерт, ми ордö колины. Онi, рытъяснас удж вывсысис воас да, мамёлы бытть ковмылiс челядьпиянкöд ноксыны. Найо то сёйны корёны, то ывлла нүöдчöны, то кисö желлялöмäоьс, то гачсö косялöмäоьс. Да мый и сёрнитны, быдтор тырмö посни челядьтö быдтiгöн! А ешö поснияс гажтöмчисны мамсыс да первойсö покой эз вöв ни мамёлы, ни менем, ни тётя Машалöн школаса ёртъясыслы. Но менем, пöжалуй, медся ёна дöнзылыс. Од гырыссысыд унджык кадсö удж ыллынось, и вийсыны челядьпиянöн пырджык ковмылiс менем.

Тётя Маша сiдзи эз и бурд. Кулiс сэтчанын, карса больничаас. Дзебны лэччылiсны школасыс учительницаис и мамо.

— Сирётинкаяс, — миянös Ларисакöд вольпасьö водтöдiгöн шуыштас мамо. А ми, ююкъяс, тилькъям-сералам, шемела песам рытывбыд перина ыллын. Мый и сiёй сирётинка кывыйс, ог тöдöй. Ме, гашкö, неуна и гёгёрвоыштi нин, но онi, ми ордö челядьпиян овмöдчöм бöрын, мем лои ёна гажаджык воддза дорысь, да ме ачымös некутшöм сирётайн эг лыдды. Онi ме весиг пондi чайтны, мый помасьны кутiсны менам став гажтöмъяс да шогъяс. Оти-кö, регыд нин тулыс воас, шондöдас и позыны кутас котравны, кён косъян. А мöд-кö, бöр ловзыны пондiс мамо. Од дзик нин лёздöм дзоридз кодь вöлi батьöсянь усян юртö пöлучитöм бöрын, а онi век жö ловъя морт кодь. Войяснас эсъкö частö на вольлась ылас бергалö, сьокыда

ышлолало — бёрдö, гögörvoli ме. Но луннас челядьпиянкод оз петкодлы ни жугляссым, ни шогсым. Весиг корсюрө ворсöдчыны заводитлас накод. То Ларисалы катша рок ки пыдосас пүö, то Игорёклы сюраня-бураня петкодло чуньяснас.

Сомын ме некыздэг вермы гögörвоны, мыйла мамёлы вölі коло нуны челядьös детдомö. Ачыс думыштis, али школасянь учительницаяс волывлisны да наёй ышпöдисны. Мамö тай отчыд пуксыöдис челядьös вöв доддö дай нуис-а. Детдомö по.

Ымзёмён ме эг бёрд ни батьёсянь усьём юёр воём бöрын, ни тётя Машалысь кулёмсö кывлöм бöрын. Гашкö, эг на пыдёсöдзыс гögörво сiёй гырысъ шогъяссö. А вот, кор детдомö мамö нуис Ларисаös да Игорёкös, бёрдi ме курыд синваён кык лун чöж, кытчöдз мамö бёр эз лок. А локтis — бёр вайис посниясöс гортö. Абу кольёма. Оз по кольччыны, да и кыздзи колян! — шуис мамö. Шашаритчисны по сир пинъяс моз сылö и горзёны: «Эн коль миянöс татчö! Огö кольччöй!» Со мамö и бёр вайёма. Кыдзкö од олам жö, шоü.

«Йö-ой!..» — унаён дивитисны мамöös. Эм нин по öти сирёта аслас да ешö мыйлакö кыкös сылi вылас вожёдö.

Мамö сэтшöмтязыслы вочавидзлi:

— Мукöдис тай нö нёль челядьён колины да, олоны. Олам и ми. Бур йöз отсаласны.

И олiм, кыдз вермим. Мый нö керан?

А учительсяянь письмö ни юёр, слук ни слава. Кытчöкö прöпадитiс. Абу ловъя — сiдзи и ставён чайтисны. Но ловъя вölöма, слава богу. Локтis письмö, Ленинградсянь. Гижö, век на по блокирийтöм Ленинградын вölі, морös висьомъязысыс личитан Куприяновской клиникин. Онi по бурда нин и, навернö, пыр кежлö лэдзасны гортö. Регыд аддзысям.

Гижö, дерт, гötрызыслы, сiёй од оз тöд, мый тётя Маша абу нин ловъя. Лыддим тайö письмösö ставён: суседъяс и школась учительяс.

Сёрни уна вölі. Нывбабаяс жалитисны учительös да лапöдисны кияснас, мыйла по водзджык эз лок тайö письмöыс, эськö, гашкö, и учительшашыс эз кув. Шогыс од сiёйös, коньёрös, виис.

— Абу кокни кытшалом Ленинградыс письмöыдлы воны, — шуёны учительницаяс да панёны сёрни Ленинградын тшыгъялom ийлысъ, Ладожской ты пыр прöйтиться туй ийлысъ, кодös по Ленинградын нимтöмаös «олом туйён». Кодкö Куприяновской клиника ийлысъ водзтi кывлöма, висьталiс, а мамö синвасö чышкалiгтыр сёмын шуис: — Ловъя... А мый нö воча кывсö сылы гижны кутам?

И нином эгö гижöй. Правда гижны эз позь, а пöръявны вынъяс эз тырмыны. Воас кö, шуам, ачыс аддзас, ниномла мортыслысъ водзвыv съёлёмсö поткодлыны.

Ми мамёкд, веcъкыда шуны, ёна виччысим учительлъисъ воёмсö. Шуам, воас да, кёть челядьсыс мынам, йöз челядьысъ, лишной кык вомысъ, а овны пыр съёкыдджык и съёкыдджык лои. Сэсся лёк йöз кутисны мисьтом сёрни лэдзны: обижайтöны по, яслись сёрён босътöны, нянь карточка вöсна по сёмын видзёны. Йöз вомтö он тупий, кёть эськö и видзим челядьös сiдз жö, кыздзи и мукöдös видзёны рöдной мамъясыс.

Но учитель локтis муртса ачыс ловъя; ассыс коло вölі видзны кагаёс моз. Дугдывтöг кызiс, и кызiгас, чайтiм, вот-вот лольс петас. Локтis учитель тулыснас, кор ёна нин бузгисны шоръяс, и ми, челядьпиян, лун-мöд нин кёмтöг чеччалим лымийсъ мыном кушинъясын.

Сылысь воёмсö ме эг аддзыв, войнас локтöма, кор ми, ывлатi котралöм бöрын, узим куломаяс моз. Õти асылö чеччи — мамö шаньга комöль быглялö. Праздник öмöй, мися, талун? Мамö, быттьö гёгёрвоис менсым шензьёмös, вашнитiс:

— Учителыыд öд воис!..

Ой, збыль! — заводитi ме чеччавны.

— Нёйжийонджык тэ! — чирышисе мамö ме вылö. — Пыр на, кылö, джодж кузяыс ветлiс, эз узь. Õнi, гашкö, унмовисе. Шогсью, коңёрой, — содтiс ешö мамö, и кыскис пачыс картупель чугун, тшöктiс меным кульны, картупель шаньга по учителыыдлы пöжалам. Ачыс петiс мös лысътыны.

А менам кутшöм картупель кульюм! Пета, мися, кöть син пöлён видзöдла учитель вылö. Тюр-петi посводзö и дзуртыштi-восьтi мöд керка öдзöс. Кутшöма ме шензьыштi, кор аддзи пукалыс учительöс. Оз узь! Дизрдалыс кромöвой сапога, галифе гача да еджыдысь-еджыд чукрасыштöм дöрöма, сiё пукалiс джодж шöрас улöс вылын, юрсо мышвыыв лёткöдöма улöс юр вылас и думайтö, тыдалö, мыйкö зэв ёна, менсым пырёмös тай эз кыв-а.

— Учитель, — вашнитi ме да матыстчи сы дорö. Али кулöма? Повзьёмён пондi дзоргыны сы вылö. Менам синъясысь эз дзебсыы нинöм. И восьса синъясыс, и калькалыштöм, быттьö мыйкö вашкöдысь вом доръясыс, весиг шочиник берин тусъясыс, тувсов шондиссыс ли мый ли мыччысъёмны, гöрдоват чутъясöн тöдчыштисны ныр гёгöрыс. А чужомыс блед, кабала кодь. Да юрсиыс абу важкодь пашкыр и — шырёма, кутшöмкö пöим рöма лоёма да дженыыдик, муртса чушкысъём.

Ме кёсий нин бöр петны, да син улö уси мöд улöс юр вылын павгöм кителыыс, кёни дзирдалисны орденъяс да медальяс. Уськёдчи сэтчö, малавны пондi. Тайö здукас и учитель шыасис ме дорö:

— Раиса?

Ме дрёгмунi, сэтшöм нем виччысъётöмён кажитчис тайö чукостöмыс.

— А Ларисаыд... садымис эз нин? — юалiс сiё да вörзьöдчis места вывсыыс. И заводитчис! Господи, босытiс сiёс кызöм! Повзьём синъясöн ме видзöдi сы вылö и эг тöд мый вöчны: пышыны ли, инмöдчыны ли сы дiнö.

Коркö сэсся дугдiс жö кызнысö да, чепöсийм синвасö чышкалiгтыр, видзöдлiс ме вылö, мыйкö, тыдалö, кёсийш шуны. Мем кажитчис весиг, мый нюмдыштiс. Но ме чайтi, мый шыасис кö, бара кызöм сiёс босытас, и ме ордий, горöдi:

— А мамö картупеля шаньга тiянлы пöжалö! — и уськёдчи öдзöсас.

Ме эг виччысъ, мый учитель локтас татшöмён. Ме сiёс чуть ли не геройён лыдди: мунiс фронт вылö доброволецöн, раз-мöдьись газетö сы йылысъ вöлi гижлöмäөс, дай водзтi на тётя Маша сылысъ письмояссо горён лыддылiс да ми нимкодясълiм сыён, и морёсас со кымын орден, и друг татшöм! Кык лун нин гортын, а эз на ывла вылö весиг петав.

Сыöдз ранитчöм Мишка дядь волiс отпускö да рытывбыд керка тырыс йöзлы висътасис фрицъяскöд воюйтöм йылысъ. Õти медаль и эм аслас морёсас, а сымда ошиысис... Тайö жö мед кöть йöзыслы мыччысълiс орденъяснас. Нывбабаяс йöв кринча ваясны, и на дорö весиг оз петав, пукалö гортас. Мед по ас кежас шогсö шогыштас, шулiсны нывбабаяс и мамöкöд варовитыштöм бöрын, жугыльбöсъ, мунлiсны бöр гортаныс. Мем зэв обиднö вöлi учитель вöсна. Но коймöд асывнас, видзöдам да, пасътасьёма военнöй пасъёмнас, и мöдiс учительным кытчöкö.

— Но, слава богу... — шуё мамё ёшиньё видзёдігмоз, сэсся друг ымёстö: — Ой-ой! Бара кашель босытіс!

Ме тшётш уськодчи ёшинь дорö и аддзи, кыдзи учитель гёрбылтчыштіс потшёс дорö и пондіс лёкыссы кызны еджыд носёвикö.

— Господи, кутшом варыш вölі, да со... — ышловзис мамё да синвасö чышкитыр вешийис ёшинь водзыссы. — Тайё буди оз жö дыр ов-а.

А ме видзёді, кыдзи учитель веськодчис, чышкыштіс носёвикнас кымёссö да шынельсö лöссыдыштöм бöрын петіс потшёс сайö.

Бёрсö учитель воис рытъявылыс, челядьсö ачыс босытöма яслись. Чужём вылас быттьёкё гажаджык, дай сёрниыс збодер. Пуксис кильчö помё, Игорёкёс пидзёс вылас босытіс и шуё пиыслы: — Но, папаңдкёд мунан вöр керкаас овны? Сэні, пиук, лöссыд! Лэбачьяс сылённы, и сынёдыс абу порок дука, и пожёмъяс, пожёмъяс гёгөр! И оз найё варкакыны танк гусеницаас улын!

Мый нö тайё учительыс сёрнитö? Ме шай-паймуні. Игорёкёс и Ларисаös кытчоқё нуны ли мый кöсий?

Рытнас мамё локтіс, ме пырысь-пыр жö норасыны куті.

— Кыдзи? Кытчö нуны? — мамё бöрдны кутіс.

— Ог некытчö ну. Мёдарö, ме кöсий сёрнитлыны тіянкöд, Дарья Ивановна, мед ті ордын ешö челядьыс олыштасны, — такöдіс мамёös учитель и висьталіс, мыйын делёыс. — Менем чин вöзйёны, — шмонитöмён шуис сiёй. — Стёржитны гожёмнас Лымва вылын вöр лэдзыссыялсыс баракъяссö. Тöлесс-мёд сэн окота олыштын. Вöр сынёдыс, гашкö, тыясоc бурдöдас. А челядьсö сэтчö нуны... жалльсö. Дай кутшом ме налы нянька! Рöдвуж кö кодкö вölі, налы мёдöді. Тi од асъныд тёданныд, некод миян абу. Машакöд ми детдомын быдмылімой. — Гöтырсö казытыштöмись ли мый ли, учитель жугыльмис да лэдзис юрсö, но дзик пыр жö бöр лэптіс да видзёдліс мамёлы веськыда синъясас аслас сюсь видзёдлассон.

— О господи! — клеснитіс мамё кияснас. — Да мед оласны, мед! Тэныд кö вöр сынёдыс отсалас... — Мамё сэтшöма волнүйтчис, мый сёрнисö водзö нүöдны эз сяммы.

— Аттьё, бур нывбаба! Ме тёді, тэ он откажит. Аттьё! — Учитель кутыштліс мамёлыссы кияссö, сэсся тэрмасьёмён пондіс ветлыны джодж кузя оттарö-мёдарö. Сылы, гашкö, и унатор на окота вölі шуны, да од мортыс варовлунён некор эз торъявлы.

Лун-мёд мысти учитель кайис вöр участокö овны и локтіс сэтыссы июль помын сомын, шаньмыштöма да зумаммыштöма. Чöв-лоньыс да вöрса сынёдыс ёна отсаломны. А сэсся од сiёй катöдліс вöрас и тьёткалсыс кöзасö. Менам пö, шуліс тьётка, кык кöзыыс, сы мында йöв отнамлы не сёйны, пользуйтчы пö и тэ, виссыс морт, тшётш.

Вöрысь локтöм бöрын учитель пöши ти эз понды кызны. Овмёдчис сiёй бöр миян мёд керка джынйö, а сэсся кыдзкё артмис сiдз, мый кöдзёддiгкежёлö вуджис овны миян дорö, и мамё пондіс тшöктыны менем шуны сiёйс батьён. Ме оди миригчи, мый учитель олö миянкöд, но батьён шуны сiёйс некыдз сёйлём эз лэпты. Эз и эз! Но эг кöть батьён шу, а радейтлі ме сiёйс. Тёді — бур морт. Менё ни мамёös оз понды обидитны, а главнöйыс — батылсыс овмёссö оз разöд, бур кöзяин шöрө веськаліс миян керка-карта. Отилаті да мёдлаті век нин, видзöдан да, дзоньталаыштö да тувиыштö выль кöзяинным.

Кыдзи сійё миян семьяё пырис, ме ёнасö эг юась. Гашкё, мамöös съёлёмыс сылон радейтны пондіс, гашкё, челядьсö жаль лои торйöдны миян дорысь. Шуны кё öд веськыда, челядьыслы збыль выло мамнас миян мамё и лоё, быдмыштöм челядьыд мёд дінад öдвакö нин велаласны... Код тёдас, мый помкаыс, сёмын учитель кыдзкё сізд кужис миян дорö овмöдчыны, мый лёка тölкүйтöм ни дивитана сёрнияс пöшти эз и вöвны йöз костас. Мёдарö, быдён ошкисны и бурсиины выль семьялы.

Да и мый йöзыдлон сёрниыс, кор делёсö вöлі вöчома нин. Во тыригкежлас миян семья содіс. Мамё ичотик вокös миянлы вайис. Семья содіс, а öттшöтш и крепаммис.

Овмöдчыны нин заводитлім лёссыда, позьё кё сійё кадся олёмсö шуны лёссыдён. Выль батьным нажётка вайис — регыд школаö директорён сійös индісны, — гортын рама оліс, мый вермис мамёлы отсасис, пыдди пуктісны йöз, шогон кёть радлунöн школьникъяслон мамъяс век директор дорö шыасьлісны. Сэсся öд 1944 вонад войнаслон помыс тыдавны нин кутіс, бара жö долыдджык съёлём вылад. И мамёлон мукöддырии серамыс нин гажаа вöлі петас, дай синъяас оз-оз да корсюр и шуд дзирдышталас.

Но сэки друг локтіс батьёсянъ письмё. Ловъя вöлёма...

Мамё чуть эз йöймы тайё юёрссыс, лун-мёд шой кодь турбылясис-куйліс. Да и учительлы дой, войбыд, кылё, дзуртö-ветлö вежёс сай джодж кузя, ышлолалö.

— Васенька, мый нö лоё сыкёд, кор кывлас тайёс?! — ымзё мамё учительлы сылліас кутчысъёмён.

— От тёд, Дарьюш, ог тёд! — юрас кутчысъёмён мучитчанаа шуаліс учитель.

Эз, эз радлун вай миян семьяё батьёлон письмёис. Ме буди öтнам сёмын радлі да думыс лёссьёдлі батькёд аддзысъём йылысь сэтшöм серпасъяс, кодъясöс позьё сёмын вöтён аддзывны. Менсъым радлунöс торкис сёмын мамёлон бёрдöм-вийсъёмыс. Коньёр, пракмуніс кык лунён, порыс старука кодь лоис.

Батьё гижёма письмёсö Польшасянъ. Кык во чёж по уна и письмё думыс гижлі тіяналы, донаяс менам, а талун со по и збыль гижка и верма мёддöны полевой почта пыр. Праздник по талун мем и не сёмын меным öтнамлы — став татчöс польской йöзыслы. Локтіс Красной Армия! Водзö гижё, мый шедлі по налькийö — плёнё фрицъяслы, мыш кучикös сэтчö коли, а век жö по удайтчис нальксыс мездысъны. Ме по пыр везучой пучой вöвлі. Польской партизанъяскöд по ковмис дёжнавны фрицъясöс. Нином, и тані позис кузнеч кабыръяслы вöля сетны. А оні по бёр ас йöзкёд Красной Армиян... Медбóрын батьё письмёас тшöктö: оқыштö по ме пыдди рöднöй му-ваёс да висьталö привет став суседлы и рöдвујлы. Ловъя по Васьканы!

Мый мамё воча кывсö гижис батьёлы, ог тёд, гусьён гижис. Некор эз босытлы ручка ни карандаш, а оні — ачым по гижка. Лун куим гижис. Гижас — косявлас да бара выль поў заводитö. Сідзи дасысь кымын. Съёкыд, тыдалö, ловъя верёслы гижны мёд сайё муном йылысь.

Но мамё, вöлёмкё, абу и та йылысь гижёма. Письмёсö мёддöм бöрын жö меным и шöпкёдіс:

— Загреки, кывлас кё батыыд менсъым учительыдкёд олёмёс! Шогысла ад вомё пырас — не сёмын пуля уло. Горач сійё. Мед эськё эз жö тёдлы...

Мёд письмё батьёсянъ виччысим мыла быртöдз. Тайё кадас ме зэв бура тёдмалі

ассым мамёös и учительös тшётш и нöшта на ёнджыка гёгёрвои, кутшом бур сьёлма йöz найö. Ёна шогсисны да тёждысисны батьё вöсна кыкнанныс. Но гёгёрвои и сiйös, мый батьёлы, воас кöть, не овны воддза моз мекöд да мамёкёд. Сiйö кадыс кольбма и бёр оз нин бергöдчы. Ме сэки гусьён лёгалiкодь мамё выlö и весиг неуна мустёмтны кутлi, но онi, думайта да, зэв мудройён мамё волёма, весиг шензьём босытö, кутшом мудройён вермё лоны сиктса прёстöй нывбаба. Онi быд пöриö, кызд сöмын казтышта мамёös, пырыс-пыр усьёны тöд выlö сылён кывъясыс. Найös ме кывлi, кор мамё да учитель коллявлiсны узьтöм войяс батьёсянь письмёös виччысигмоз.

— Меным, бур ногён кö, сьёлёмö пуля лэдзны сöмын коли, — тайё, кылö, шүү учитель.

Мамё скёрмис сы выlö:

— Пуля? А челядь йывсыыд думыштлiн? Али кёсъян, мед найё тэ моз жö детдомын быдмисны? Ог сет детдомад! Миян найё, и тэ да ме кутам найёс быдтыны! Ен водзас и йöz водзас тайё миян мог. А Васька... — татчö мамёлён гёлöсис нормис. — Ок, кутшом жаль сiёй меным, и быттöй радейта воддза моз жö... Тэ тöдан, кыдзи ми сыкёд гётрасим? Гашкö, сыысь и енмыс мыждiс. Вичкоысь, венеч улысь, жöник дорысь ме сы дорö пышши. Менё öд мырдён мустём сайö кутлiсны сетны. Дядь-тъётка дорын быдми, озырлун налы колiс, эз менсым желаннёös юавны. Пышшиим Васькакöд, ковмис куим во чёж йöзын батрачитны-ветлыны, кытчöдз коллективъясыд эз лоны... Онi со торъявны лои. Эг асынны, война торийдiс, енмыс ли. Тэ менам суженёйыс вёлёмыд. Тэкёд и мем нэм коллявны. А Васька, ен сыкёд, вына мужичöй. Терпитас. Мед сöмын ловийён волас-а. Мед сöмын... О господи!..

Батьёлён мёд письмё локтiс госпитальсянь. Ичётик треугольник. Борёмагижёма зэв мисьтöма, абу аслас почеркыс, но сёрни сямыс сылён, шутка-серама. Юёрта пё, бара на ловъя коли назло став вёрёгыслы. Кузнеч Васькатö пё абу на кокни олёмссыс киритнысö. Правда пё сойбордийös нетшыпштiсны, кузнечавныд ог кут вермыны, да öд мыйкё век нин сямма, пельпом вылын на юрёй да. Ме вöсна пё энё шогсъёй, тан куйла еджыд вольлась вылын пан моз, ешё мича нывъяс на детелитöны дай. Райтi и адтi пё пройдитi, а татшом курортас эг на и веськавлы. Жаль пё сöмын, мый Берлинöдз эг во. Но сьёлёмöс пё такöда сiйён, мый регыд гортö локта.

Миян письмё йылышь нинём абу гаралёма, сiдзкё, абу пöлучитöма.

— Гашкö, и бурджык, — ышлолалö мамё да жалитö батьёös: — Сьёлёмшöрой, сойсö воштöма, а ешё шутитö. Медым ми эг шогсъёй. А асыс терпитнысö?

Сьёлёмшöрнас миян нывбабаяс оз верёсъяссö, а челядьсö ассыныс шуёны. Сiдзкё, мамёлы батьё дона кыдзи аслас чужтöм-быдтöм дитя, а абу нин кыдз верёс.

Локтiс батьё гортö сёр арын. Ме некор ог вунёд сiёй лунсö. Вöлi октябрь, но сулалiс бур поводдя на. Гортын некод эз вöв меысь да ичöt кагавысь кындзи. Кадыс школа бёр вöлi. Ме унмовсъкёдi кагаёс да петi кильчö выlö. Кыла, грэздын челядь горзöны: салдат локтö! Локтö и эм. Миян юрлань кежис, сувтiс потшёс дорö. Ме став яйён тирзыны кутi. Батьё?! Турки-тарки лэччи пос кузя и — потшёс дорö. Сувтi, дзорга потшъяс косттi сы выlö. Абу батьё кодь да?..

— Раюк, пыстапи! Эн тöд менё? Вот, локтi... — шыасис сiёй потшёс сайсянь ме дорö, сэсся ки пöвнас лöсёйдыштiс юрсыс пилоткасö, мыйлакö кутчысылiс

тыртём веськыд соскас, видзёдліс кокъяс вылас, быттью ставнас тайён кёсийс шуны: со пё, ме, примит менё, кутшом эм. И воськовтіс потшёс вомён.

Ме аслам думъясон виччысыл батьёос геройён, морёс тырыс югъялышь орденъясон, дзуртысь тасмаён да югъялышь сапогъясон, учитель кодьёс жё. А сйо сой пёла, важиник, быгалом гимнастёркаа да брезент обмоткиа кока. Морёсас югвидзис «За отвагу» медаль да ешё гоньвидзисны кутшомкё, меным гёгрвотём, кык крест. Борыннас батьё висыталіс: тайё пёпольской наградаяс.

— Батьё! — волись уськодчи ме сы вылё, бёрда и серала, жмитча кынём бердас, малала салдатской паськомс, сьёд щётён вевттысыём щёкассо и сыліссо. Сэсся ме кыска батьёос гимнастёрка пёлайдыс керка пытшкё. Челядь мывкынад ог и думыштлы, кутшом ыджыд дой виччысё сйёс керкаын.

Батьё пёрччис юрсыс пёс дукён өвтись пилоткассо, пуктіс мем юрё, ёшёдіс пельпомё нопсё. Кутшом тёдса мем тайё! Водзті кыйны-вины ветлас да мем жё волі кильчо помын сетё нопсё пыртны.

Пырим ми керкаё. Зыбкаын дзезёдчо кага, ёшиньёй йормённы, дзизгёны гутъяс. Шыбиті ноптё порог дорё, уськодчи кагалань, мися, гулска вомас рузум нёнь, мед оз бёрд. Кватитчи, батьё тшотш копыртчома кага весытад.

— Кодлён? — юалё.

— Асланым, — вочавидза ме. — Ичотик вок. Юрочка.

Батьёлён чужомыс друг зумышмис, быттью пемыд кымбрён тупкысис, вот-вот батьё бордзас. Эз. Пемыд кымбр пройдитіс чардбиён. Сетобтіс сой пёвнас зыбка лайканё и мёдіс одзёслань. Кага чур-чермуні, бордзис лёк горшён. Ме баргыси, быттью эз лайканё, а меным гёрбө сетёйтісны. Вель дыр танвидзи-сулалі, эг сямын нинём вочны. Сэсся коркё палялі жё да содтёд кагалы вачкобті кулакён, ешё тай, мися, бёрдан, и, чужом пасьта синва малсийгтыр, уськодчи ывлАО.

— Батьё! Ба-атьё-ё! — горза, а сйё некён оз шыась. Аддзи ме сйёс амбар порог вылысь. Пукалё, ки пёвнас чужомс тупкёма. Чукості, а сйё сі оз вёрзьёд. Сибёдчи матёджык, аддзи: тіралённы батьлён чуньясыс. Бёрд?

Меным окота лои сйёс бурёдны ичот кагаос моз. Ләччыси сы водзё пидзёсчань вылё, шылькниті юрсё:

— Батьё, оз ков, эн бёрд.

Батьё, тыдалё, волись менё казяліс, кыв сетіс:

— Мыйла нё энё гижлой? — юаліс юрсё ләптывтёг.

— Мыйсё? Кагасо? Да Ѻд, загреки, кывлін кё мамёлыс учитель саяд муномс и ад вомё эськё пырин, не сёмын пуля улё, — збодера вочавидзи ме мамёсянъ коркё кывлом кывъясон. И эг думыштлы, мый выль дой батьёлы воча.

Батьё тай друг звирскобтіс места вывсыыс. Ме повзи сыйыс, чеччышті бокё. Дзик ранитчом зверь! Но батьё ёна эз бушуйтчи, никостіс и бёр ләччысис порог вылас, ланьтіс.

Ме эськё и гёгрвои, мый лёктор артмис, да мый нё керан. Лэбыштисны кывъясыд, он кут — абу бёжаось. Думыссы пияналі ачымос. Медбёрын, казялі жё сэсся, мый коло котортлыны мамёос чукостны. Сйё абу и ёна ылын, колхозын картупель босытёны.

Мыйкё тай батьёлы городі жё, а сэсся и дзизёдны мёді.

Мамё менё аддзёма ылісиянъ. Мем паныд чашсыбёд-локтё.

— Мый нё лоис?! — юалё повзъёмён.

— Батьёыд... — кашикмла ог и вермы висътавны, но мамё и сізд велалёма.

— Воис?! — городіс сійо да первойс лядзмунліс места вылас. А сесся ойзігтыр мөдіс котортны, резо сомын сапогъясыс няйтис. Потшоң дородз тадз котортіс, ме муртса сы борся вётчи, но кок эбосыс быри и лолыс тыри, друг сувтіс и пондіс бордны. Потшоң вомён ме мамоös пойти кыски. Инді амбар вылёр, сәні, мися. Но порог вылын некод нин эз пукав.

Уськідчи керка пытшкө — абу жо сәні. Йойлён кодь синъясон барга-видзода мамо вылёр, а мый шуны, ог тёд.

— Бёр му-нё-ма-а!.. — друг пондіс омлявны-бордны мамо.

Конъёй мамоёй, кыдзи пессис сійо, а ме эг вермы ниномён отсавны. Мый ме верми керны? Котортлі тай грэзд кузя, юаси суседъяслыс, кайлі весиг кузнеча дородз. Но батьё некон эз вёй.

Сәки ме куті чайтны, мый батьё оз лок гортё ни талун, ни аски, ни некор. Быдсон кынём пондіс висъны тайо мөвпсыс, нюкыртё, быттьё кыткө гырк пытшкын ори.

Но батьё локтіс. И аски асывнас жо. Борыннас сійо висътасыліс: көсий пё эсько шүттөвтны кытчоқ ылёр, тёдтөм мұясо, да случай торкис.

Воломкө, төртнадсө, мыйон ме которті мамоös чукостны, батьё ас кежас абу и дыр пукалёма. Кыла пё, кага бордё, семдома. Съёлёмой пё лёглунён тирис. А код вылёр? Кага вылас? А чорт тёдё! Гашкө, и сы вылёр. Борд, мися, гёйгүйд мед письтас, меным ичот делё и тэрьба пё мөді потшоң сайо. Улич вылын буретш кык машина сулалёны, карлань мөдёны. Вөзйиси. Босытісны. Вой кежлас шофферъяс сувтісны райцентрын узыны. Ме накод тшотш. Пырим оти керкао шойчыны. Козяйкаыс пё, видзода да, Петыр чожыдъяслён Манепаыс. Уськідчис пё ме вылёр и давай горён бордны. Войбыд пё сыкод син лапнитлытёг сёрнитім. А мыйон пё пондіс лозавны, петі туйё, и бёр гортлань. Эг пё вермы, съёлём эз ләпты мунны йөз мүо ас сиктыс, гётырёс аддзывтөг.

Подён и пыр воёма. Завтракайтігкежло комын километр шаркйома-мунома. Ми муртса на пызан сайо удитім пуксыны. Кутшом нин эсько сёйом да, мамо ни учитель пызан сайын эз пукавны, сомын ми, челядьпиян. Войбыд майшасим, дай асылыс пуксис тревожной, век батьё йылысь думайтім. И со, пырис сійо, сувтіс порог доро. Весиг челядьпиян дугдісны панясыны, сэтшом сылён пыромуыс волі нем виччысітөм. Ме уськідчи батьё доро, но сійо менё быттьё эз аддзы, аддзис сомын мамоös, коді кагаös нёньөдігтыр пукаліс пачбокса лабич вылын.

Некутшом ойостом ни городом, эз уськідчыны ота-мёд дорас ни, сомын синъясны сатшкысисны ота-мёд выланыс. Мый йылысь сёрнитісны найо синъясыслон тайо сёрниас? Съёкыд висътавны. Вөрзис тай места вывсыс первой батьё-а. Сійо воськовтіс мамлань, гымгысис-ләдзчысис сы водзё пидзёс вылас и топодчис чужомнас мамёлон володзё. Мамо тіралан киясон шылькнитіс батьёлысь юрсо и муртса кывмён вашнитіс:

— Злыдни тә менам, — и тупкис чужомсö.

Кага дугдіс нёнясыны, тешкодя видзодліс батьёлон копырвидзыс съод юр вылёр да гораа бордзис. Сесся и пызан сайыс Лариса да Игорь уськідчисны мамо доро да сійос сывиыштөмөн заводитісны нярёдчыны-бордны. Тайо здукё-

дзыс учитель пыр на сулаліс пызан дорын, места вывсыыс вörзьöдчывтöг, но кор аддзис татшöмтортö, нетшыштis миянöс мамö да пыртiс вежöс сайö.

— Ворсöй танi, — шуис миянлы и ачыс тшöти кольччис ми дорö.

Мый сэн миянтöг ас костаныс сёрнитiсны мамö да батьö, ог тöд, сомын недыр мысти мамö чукостiс менö да тшöктиc öйдöнджык котörtни тьötка ордö.

Тьötка йылысь ме öтчыд казытыштi нин: сiйö тай кöзасö сетлiс вörö учительлы. Тьötкаыс — батьölön чой, олö мöд грездын, верст кык ылнаын, öтнас. Верös сайö абу петалöма, да сыысь ли мый ли йöзыс имитлiсны сiйöс ма-нашкайn, кöть, веськыда кö шуны, нинöм сылон манашка кодыыс эз вöв. Батьö кодь жö крепыд туша-рожаа да гора гöлöса, и сёрнитö вокыс моз жö пыр шутка-серамöн. Тьötка век вöлi миян семьяын медбур другöн и медматысса мортöн, кодкöд ми вермим юкны и радлун и шог.

— Мед мый гажыс, сiйöс и вöчас öнi, — думайтi ме йöръяс пыр тьötка дорö котörtigöн. Мыйлакö сэки ме чайтi, мый мыжыыс батьö водзын абу мамö ни учитель, а сiйö, тьötкаой. Мыйла сiдзсö думайтi и ачым бура ог тöд. Гашкö, сы вöсна, мый кывлi коркö тьötкалыс мамöкöд сёргисö да сiйöн.

— Тэ, Дарьюш, ме вылö эн дöзмы, шуа кö: вай учительдыкöд öтутвтчöй дай олöй, наздоровий, быдтöй челядьсö.

— Ой, Анна, мый тэ? Ме öмой сылы пары? И кызд нö Васькаöс вунöдны?..

— Мыйла абу пары!.. А Васькатö öнi он нин бергöд. Сарство небеснö, меным вок сiйö, а тэ невестка. Тэныд бур желайта. Комын арсянь öткön овныd, ой, делö, ме ачым ола нин öткöныд — тöда. А учитель дорысь бур жöник тэд не аддзыны. Дай челядьыс тэнö жö нин мамнас шуöны-а...

Водзтi меным некор тöд вылö тайö сёргисö эз усылы, а талун со мыйлакö уси. «Тьötка кö эз такöд, мамö эсъкö эз мун учитель саяд», — татшöм мёвпöн ме локтi сы керка дорö да öдзöссö восытiгмоз и горöдi:

— Батьöыд локтiс!

Горöдi сiдз, мый быттьö тайö юёрнас грözитыштi тьötкалы. И бöрддзи.

— Локтiс?! Но слава богу, слава богу! Локтiс, рöдимöй! Тавой войбыд эг узь, сы йылысь думайтi. А тэ, шань дитяöй, дугды бöрднитö, локтiс кö, öнi оз нин некытчö вош... Югыд лун, локтi! Да кутшöм нö кöть ачыс?

Тьötка радысла инас эз öшиы, жöдзис места вылас, сэсся кватитчис быттьö: — Да, господи, мый нö ме юася! — Сiйö тэрьба пондiс пасьтасыны. Сэсся сёр вывсыыс судзöдис нянь пöв, öктiс сэсся картупеля сöчонъяс, чургöдис мем öтиöс: «Сёй!» Мукöдсö тэчис стопаö, ёкмыльтыштiс еджыд чышъянöн и мöдис öдзöсланьыс. — Лок. Амбарö ещё пöпутьö пыралам...

Тьötкалын сэтшöм спровора ставыс артмис, сiйö эз ойзы ни омляв, и бöр гортлань восылалiгöн ме нинöмысь нин эг шогсы, видзöдлывлi зумыда тувччалысь тьötка вылö да эски, мый сiйö мунас миянö и лöсъöдас ставсö кызд колö. Думысь ме век на надейтчи, мый овны кутам бöр воддза моз: мамö, батьö, ме да ешö миянкöд посни челядь, а учитель... Мед мöд керкаын олас. Оз öмой тадзсö позь?

Но артмис эз дзик сiдз, кыздзи ме чайтi. Батьö пондiс овны тьötка дорын. И менам быттьöкö лои кык горт. Вой узя батьö дорын, асывнас котörtta гортö мамö дорö, а рытыс локны кутас да, бара и батьö дорö дасытьсяя. Кажитчис меным татшöм олöмыс али эз? Да кызд шуны. Тырвыйö, гашкö, и эг вöв шуда, но, век жö, овны позис. Сомын тай и тадзсö овны меным абу, вöлём, шуöма.

Миян сиктын ныvbабаяс сэки ёна кутісны пуны аскур. И батьёөс öти да мёд пыр гөститöдлісны курыдторнад. Ме частöджык и частöджык понді суны сийös кодён. А öтчыд...

Буретш картупель пуктан кад вölі. Ме нокси кобрегын картупель койдысөн, мамö күк йöрө вöвла мунис. Гёр суалаліс нин дась град помын эжа вылас. Шуам, учитель локтас школасыс и заводитам пуктысыны. Друг ме дорö чашсыдöкötörтö Марпа тьётка, суседкай, лöвтö: — Ой-я дай ой-я!.. Коні мамыд? Начкас... Мунö мездö...

— Код? Мый? — повзикодь ме татшöм кывъяссыд.

— Батьыд. Код. Учительтö...

Менам съёлёмöй ыркмунис. Уськёдчи порог вомён и котёртны. Збыль, öшинюв потшöс дорысь ме аддзи батьёös. Сийö вölі страшной. Ме быттöö öні на аддза сылысь мисьтöма паськалöм вомсö и вом пытшссыс тыдалысь гöрд кывсö. Мёлёт кодь кулакыс батьёлён сидзи и лëбалис сынöдас, учительлы отторъя шковгиг. Но мыйла учительыс оз мездысь? Быд вачкобтöм бöрын сийö сöмын крепыдджыка кутчысылс потшöсö. «Да сийö жö оз вермы водзасасынö! — весьöпöрöмён гёгрои ме; кыдзи нö ме верми вунöдны, мый учительös тулыс воёмкöд бара пондіс мучитны кызан висьöмыс».

— Ой, батьё, дугды! Ой, эн нöйт!.. — горзі ме потшöс пöлёнті котралігтыр, но менам, тыдалö, повзöмла сибдöма гöлöсöй, аслым оз кыв, непöштö батьёлы. Не кö мамö, батьё эсъко вермис учительös вины кувтöдз. Кысянъко «Василь!» горзігтыр шелöдіс мамö, варыш моз уськёдчис батьёа-учителя костö и крепыда крепыда сывайштіс батьёös морбöдьыс.

— Дарьюш?! — батьёлён кулакыс сидзи и öшиис сынöдас. А мамö копыртчöма нин учитель весьтö и сылысь ныр-вомсö малалігтыр кайтö:

— Ксенофонтович, да кыдзи нö тi... Господи, вирöдз нöшалöма... — Мамö ки пыдöснас чышкапалс учитель чужомöд визувтysыс вирсö и батьёлань вирöссы кисö чургöдöмён горöдiс: — Святойсö, тайö святойсö тэ лысътiн?! — та бöрын мамö ырбöн бöрддзис и кыкнан кинас тупкис чужомсö. Батьё суалаліс сы весьтын копыртöм юра и ки пöвнас зыралiс ассыс кымöссö.

Ме уськёдчи учитель дiнö — тайö здукнас сийö мем медся жаль вölі — и понді кысъкыны сийöс сойбордийöдьыс. Лок, мися, лок, гортö пырам. Учитель мырдысъён чеччиc, юрсö пыркнитöм бöрын пондіс шатлавны-мунны гортлань. Ме, пинжак пöлаас кутчысымöн, восьлалi сыкöд орчöн. Бергöдчылi да казялi, кыдзи батьё мёдiс зуйгыны-мунны сиктлань. Кутшöм коньёр кодьён сийö мем кажитчis! Жалыисла чунгис съёлёмöдз, и ме эновтi учительös да чепöсий батьё бöрся. Но со мышкын вöснисыдика омлышиптiс мамö, и ме навыскок уськёдчи сы дiнö...

Та бöрын батьё воши. Юёр ни слава.

— Гашкö, ачыс ассыс мыйкёкерис, — бöрдiс-майшасис мамö.

— Эз, буйной головушкалы яндзим да сийён поди ас йывсыс оз юört, — такöдö мамöös тьётка. Гордöй миян рöдным.

Мёд во тулыснас вöлиссе бать йылышыс мыйсюрö кывлiм. Тьёткалы письмö ыстöма. Котёрон тьётка локтiс миянö письмёнас.

— Ме тай шулi, мися, аддзысас Васьканым. Воркутасянь письмёис. Со кытчöдз лыйыштöма öкайяннöй, а ми тан думайтам-гадайтам быдторсö. Лыддян али мый,

Ксенофонтович, письмёсö? На, лыддың горён, Дарья да Раюк мед тшётш кыв-засны.

Учитель заводитіс лыддыны, и ми қытшалім сійös.

«Привет и поклон, Аннушка, муса чойой менам, ылі му помсянь, Воркута карсянь, ыстö тэнүд колтыстом вокыд, Василейид. Да и кора прёща, мый висытасьтöг лои пышйома гортысь. Тэ менö пыр гёгёрволін, и оні гёгёрво. Эг вермы ме сæk не муннысö, кор гёгёрвои, мый Дарьушкалы, менам меддона мортыслы, ме мешайта овнысö. Аннушка, тэ мем мам пыдди пыр волін. Ветлы жö тэ Дарьушка дінö да висытав, простиштіс кö менö Ксенофонтович вöснаыс, мед гижас письмö, согласен абу ме дорö кöть гоститны мёддьлыны менсым дона нылös, Раюкös. Ставнас лов пытшкй сотчö гажтöмлаыс, а сэтчань менам туй потшома сибавтöм рöдителлы моз...»

Ме радойла эг вермы виччысыны письмö помасьёмсö, уськёдчи мамёлы морёс вылас:

— Муна батьё дорö, ветла, мамук, ветла!

Но, вöлёмкö, он на друг лäбышт сы ылнаад. Ковмис виччысыны гожся каникулъяс дай учительлысь отпускö петёмсö. Сöмын август заводитчигон ми учителькöд петим туйö. Сиёй колльёдіс менö Княжпогостöдз, кöрт туй станцияöдз. Поездас пуксöйдигон шуис:

— Но, Раюк, вот тэ и öтнадён нин мёдін кузь туйö. Ветлы лючки. Батыздлы ыдкыд привет висытав. Да дыр сэні эн гостит. Август 20 лунсянь педучилищеад заводитчоны приёмной экзаменъяс, эн сёргы. Ме, гашкö, сæk кежлö вола жö Сыктывкарас. Эн шогсыы, ставыс лючки лöб.

Менö крепыда кутыштöм бöрын учитель петис вагоныс. Ме видзöді сы выло буса öшины пыр и муртса кутчыси, медым не горöдны: «Эн менö эновт öтнамёс, учитель, эн эновт!»

А поезд сьёкыда ышловзьём бöрын вörзис да скöра ропкöдчигтыр мёдіс содтыны öдсö. И со оз нин тыдав кинаныс öвтчыс йоза перрон ни кöрт туй вокзал, поезд тювö кутшöмкö тöдтöм стройбаяс пöлён. Джодж улын вагон кёлесаяс то дэльöдёны менö, то ышöдёны. Ме быттьö кыла налён гольгöм шысы: «Вот и помасис тэнад челядьдырыд. Вот и помасис. Вот и помасис...»

Эз ёна долыд вöв меным сиёй здукас, и сöмын батьёкöд аддзысьюм кутис-такöдіс менö горён бöрдöмись.

...Но помёдз ме гёгёрвои аслам челядьдыр помасьёмсö сöмын сæk, кор понді велöдчыны Сыктывкарын педучилищеын. Сразу уна тöжд менам ичöt пельпомъяс выло водіс. А медся сьёкыд вöлі мем аслам думъясысь. Сëки öд ме лои быттьёкö куим пельö торийöдöма кодь. Ачым карын, а мёвпъясöй то Воркутад батьё дорö лэбёны, то сиктö мамö дорö да чой-вок дорö. Абу кокни куим пельö юксöмён овны, пыр быттьö туй вылын қытчöкө мунан...

Со и оні, самолётын пукалїгён, ме ачымсö кыла сидж жö, қыдзи коркö дас нёль арёса нывкаён. Бара менö торийöдöма куим пельö. И семья вöсна шог, Воркутад колины аслам ныла-пиа. И рöдимой бать вöсна сьёлём бöрдö, гашкö, буретш ловсö лэдзö, гашкö, виччысы менö мыла быртöдзыс. А самолёт матьсöм нин Сыктывкарö, и ўрё писькöдчö выль тöжд. Қыдзи водзö Сыктывкарсянь мунны сиктöдз? Қыдзи судзöдны билет? Мунё оз автобус миян сиктöдз? Такси öдвакö сюрас-а.

Сыктывкарас, кык вежон регыд лоё, олам, переподготовка вылынёсь. Но и кай-лім гортё выходнёявны. Лючки, дzonъвидза батьёыд волі, бара пастукалё совхозас. Мися, пенсия выло нин кад да бара тай нё пастукаевыд кутчысыомыд, эз ёмой дышёд нин кызы вонас. Эз, шуас, абу на кызы воыс, кык во борти на по лоё. А ті по менё энё на тэрмёдлой шойччөг вылас, орден на по сетісны, колё ешё си дон ёна на уджавны. Вот по Юркоос гётрала, внукъяс лобоны, сэки и шойччыны понда да кага видзны. Шуас, таво гожём по ставнытё чоя-вокаёс чукörtла, свадьба ворсамё Юрколы дай оттшотш менсыым орденёс пасыйштамё. Шуас, ті по ёд энё на аддзылой. Папашаыд по тіян абу на шыбитана морт, со по! Коддзыштіс неуна да ёна ошиысис. Этатшом по менам ныв-пи быдмисны, кык ныв дай пи по народной учительяс, Юрко по сиктын зэв жё колана морт — механизатор, да ог ли мый батьёс поздравитны чукörtчилой? Гажёдчыштны колё! Со тай, гажёдчыны кёс-йис ставнымёс чукортлыны, да артмис...

Лариса пыр на збоя висътасис, а сэсся съоқыда ышловзис и пондіс тільны

Эг на удит петны самолётыс, видзода, паныд котёртё Лариса. Синъяслы первойсё эг эски. Сійо и эм. Дзик поконик батьыс кодь. Отторъя тракнитё юрнас да кымёс вылас лювдысъ еджгов юрси пратьёс вештыштё ки пённас.

— Лариса! — городі радойла и ог сэсся сяммы водзё нинём шуны.

— Ми сідзи и тодім, мый тэ тайё самолётнас локтан, — менё окалігмоз шуис Лариса. — Лок, мунам. Игорь, пёди, волнуйтчё нин, самолётыд тіян быдса дас минут сёрмис да. Трансагентство дорё сійо коли кёлуйнас. Такси корим, ставным отлаын каям.

Карса улич выло пётом бёрын Лариса бара шыасис:

— Кулан выйын по батьыд. Мый сыкёд лои, ог вермы гёгёрвоны. Ми ёд колян вёскресенниё на сэні волім. Тані ми,

синъяссö. Менам тшötш доршасис синвайöй, сэтшöм любö лои, мый Лариса мен-сымы батьёös батьён шуö и рöдимöй пыдди, тыдалö, почитайтö.

Учитель кулöм бöрын батьё сразу мунлïс Воркутасыыд на дорö. Тэ пö, Раюк, танí ас нажётка вылын нин, олан кыдзкö метöг, а мамыдлы пö колö тöварыш куим челядьсö быдтыны. Муна пö.

Меным сëки бара эз удайтчи дыр батькöд овны. Муртса помалі педучилище да муні Воркутаад батьё дорö уджавны, и учитель кувсис. Батьё и быдтіс да велöдіс учительльсь челядьсö. Õні со, мамö кулöм бöрын, кык мужик и олöны гортын, а Юраös бать ассыыс медмуса пи пыдди ас дорас и видзö. Ыджыд ныв-пи пö разöдчинсны кодi кытчö, а тэ пö, Юрко, гортын ов, медым олöм оз разав. Менам кулöм бöрын пö мед чой-вокыдлы вöлі жö гортыс гёститны кöть волыны.

Менам думъяслы быттьö воча кыв сетігмоз Лариса бара шыасис недыр чöв олöм бöрын:

— Папа кулöм бöрын ми эгö и тöдлöй, мый сирötаясöн колимö. Локтiс тайö Воркутасыыд да сразу и кыдзкö рöдимöй кодь лои. Эз ыршасылы ни чиршасылы миян вылö. Зэрö кöть шондiа, быд асыв, ми узямö на, мунö колхоз стадакöд, миянлы нажётка песö... — Лариса бара вайöдлiс кулаксö син дорас. — Некызд ог вермы успокоитчыны... — Õнi, кулö кö, вöлиссе сирötаяснад колямöй. Гортыд оз ло, некытчö лоö вонытö. Юриклён кутшöмъя гöтыр лоö, гашкö, оз понды миянöс сибöдны...

Тешкодь, ме öд муртса на жö та йылысь думайтi да Ларисалы сета воча кыв: мися, гортыс некор огö кöдзöдчöй, кытчöдз ловъяёсö лоам, öд сэнi ми быдмылiм, сэтчö и мамöös миян дзебöма, и учитель батьнымöс, а тайö батьным, чайта, оз на жö онi кув, кынмис, гашкö, тыяс висьмисны. Сэтшöм висьомсыыд öд онi лечитöны.

Но абу тай сидзи вöлöма... Кöть кутшöма эгö тэрмасьöй таксиöн, эгö нин сүй. Эз нин миянлы паныд пет батьё, а воча лои русöй юрсия крепыд зон, кодi челядь сямён, дöрöм соснас, чышкалiс вазьём синъяссö.

— Õнi на öд сёмын сёрнитiс, — шуис сiйö и пондiс бöрдны потшöс вылö öпшöдчöмön.

А ёна пасъкалöм льöм куст да статя кыдз пу дорын омлялiс-бöрдiс тьётка: он öмой пö аддзы, ныла-пианыд воисны? Чеччи пö, встречайт!

А менам абу ни синва, ни гёлöс. Сулала льöм пу бокын лöня куйлысь батьё водзын и видзöда, видзöда сылон рöдной чужём вылö. Батьё лынъвидзö-куйлö лэччыссь шондiыслы паныда чужёмён и нюмвидзö быттьöкö сылы: ме по водi шойччыны, и мем зэв лöссыд. Батьё юр весьтын кокни тöвруыссь шарöдчöны веж коръяснас коркö учительён садитлöм кыдз пус. Найö быттьö кык сись сулалöны батьё юр водзын, стройнöйöс, мелiöс. А сынöдас сикт пасьтала юргö кыпьид музыка. Огинскийлыс полонезсö транслируйтö сиктса радио.

Узь, батьё, тайö тэнссыд олöмтö радиоыс сылö!

Дмитрий Донцов

Дмитрий Донцов чужис 1999 воян. Велёдчö Удора района Бажгорт школын 9-öд классын.

2014-öд вояя öшым тёлкысын Удораын, Благоев по-сёлокын, вёлі котыртёма И.А. Куратовлы сиём Гёргөс пызан. Дмитрий сёрнитіс «Пасъяс синтёмлён» поэма иштесе.

Иван Куратов

«Пасъяс синтёмлён» поэмалын шёр герой образлён аслыспёлётслун

9 классын коми литература урокъяс дырый ми видлалім И.А.Куратовлыс сэтшом кывбуръяс, кыдзи «Сылан мейм, сыылан», «Сампсон», «Ой, олём, олём!», «Отпыр зэв мем дзугыль лоис», «Брамин кулан водзвылас», «Пемыд». Но, медвоздза коми поэтлён 175 вояя гёгрös паскёд йитёдын ми аспшора видлалім «Пасъяс синтёмлён» поэма, сиим тайё гижёдлы некымын урок, кёть тайё гижёдсö и абу пыртёма велёдан уджтасö. Тайё уна туйёд сёвмысъ поэма отсалис миянлы, оня кадся велёдчысъяслы, пыдісянъджык гёгрөвоны поэт мирлысъ аслыспёлётслунсö историякёд йитёдын, кывны морт ловлысъ майшашьомъяссö, ассыыс ин аддзы-тёмлунсö.

«Пасъяс синтёмлён» поэма вылын И.Куратов уджаліс 1870–74 воясö; тайё лиро-эпической поэмалын унатор индö поэт биография вылö, но оз позь дзик орчёдны лирика геройс поэткёд. Лирика герой — тайё автор мывкылён аслыссяма петкёдчом. Герой мывкыдö ассыыс мёвпъяссö овмёдиг, поэт артмёдö 70-öд воясö олысъ мортлышь отувъя образ, конё воссё обществоюкёд конфликто воём мортлён откалун. Тема сёвмё кык туйёд: вына лола морт тыдовтчö общественной олёмлы паныд сувтысъён, и тайё жö кадö — лирика геройлён майшашьомъяс: чужан мусысъ, рöдвужысъ ылын олём, висьомъяс, ловлён чегсьюм. Тайё поэма — лирика геройлён шог монолог. Мый сэтшом олём — шог, нор, пемыд серпасъяс, олём ру воштём, морт ин абу аддзём? Тайё юаломъяс вылö лирика герой кёсий аддзыны вочавидзём. Судьба вёчис ас ног: «Ой, кёть олём меным дона, овны мудзи, мудзи ёна... И мый ичöt дыръя вёлі колё, дум вылö мем бара волё: бара му выв лоис меным тюрма... Дыр-ö петан öдзёсö ог сюр ме?» Поэмалы лирика герой кёсий водзвыв тёдмавны ассыыс жребийсö. Велёдчом морт, олёмсö вежкортасъ, сiёй чайтö: кыдзи синтём Финей цар вылын нартитчыны хищник-гарпияяс, сiдз жö шоглунён тырём олём личкё лирика геройс. Тайё курыдыс сымында, мый вевтыртёма став мусö, и мынтёдчыны сысьсъ он вермы.

Шог сёйлёмкылёмъяс поэт петкёдллёма уна ног. Поэмалы дас юён, и быд юёнын воссё аслас тема. Юёнъяссö отувъя кытшö шымыртё синтёммё герой

образ. Асьсо синтёмён кылымыс да вежортёмыс вынсял юкёныс юкёнö. Медводдза юкёнын герой шубö, мый олём вылö сийё видзöдö быттьё ва пыр. Пемыдыслыс джуджаммёсö автор орчöдö шондö лэччöмкöд. Поэмалён мёд юкёнын лирика герой петкöдлыссö кар сайын вошöмён. Сылы отсалёны локны гортас мёс видзысьяс — челядь. Медводдзыс герой гёгёрвоö, мый абу дzonьвидза. «Синтёмавны ковмас велöдчыны!» — куимыс тайё сёрникузя пыртöма мёд юкёнö. Синтёммём герой образ оз öтчыдыс паныдастьы поэт кывбуръясын. «Пасъяс синтёмлён» поэмалын синтёммём образлён вына вежортасыс: герой — öтка, и сылы колö велöдчыны овны реакция воясö, чужанiнсянь ылын, гёгёрвотöмён. Пемыд вой, öткалун, висьёмъяс, син видзöдлас кусём, мамкöд нэм кежлö торъялём, Финей ылыссы притча гёгёрвоöдöны поэма мёвпсö. Тыдовтчёны олёмыс босытöм серпасъяс, мёвпалём, темастьы бокö кежёмъяс, коставлёмъяс, содтöд эпизодъяс, история дорö шыöдчылёмъяс да казытылёмъяс — ставыс эрдöдö олёмлышы уна ног петкöдчомсö. Та ылыссы сёрни мунё коймёд юкёнсянь кёкъямысöдöдз. Öкмысöд юкён заводитчö «Локтö менам вой, локтö кузь и сьёд» кывъяссянь. Пемыдыс джуджаммёма сы тшупöдöдз, мый герой воштö медбörяя надеясö, но та дырии сийё казялö, мый сьёлёмыс лоёма югыдöн, геройлён воссёома «сьёлём син»: «Менам эм на сьёлём югыд синма». Медбörяя юкёнын лирика герой бара шыöдчö мам образ дорö: сёмын мам кольё югыдöн, вежаён. Поэма быттьё орö медся шаг да курыд шүöм вылас.

«Пасъяс синтёмлён» шёр мёвп — мортлён трагедия, кодi эз куж пöртны олёмё югыд лачасö, мёвпъяссö, ылалис чайтöмъясын. Мортлы пыдсянья жаль аслас олёмыс, сы вёсна мый ковмис овны не сидз, ыздзи чайтис. Артмытöм олём образ орчöдöма синтёммём мортён гораньён ворсöмкöд, и тайё образыс визьён мунё поэма сюжет пыр. Лирика герой мёвпалö ас олём ылыссы, кёсёй аддзыны олёмлышы збыльлунсö и оз аддзы. Гижöд сюрöссыс восьтö лирика геройлышы корсысъёмъяссö историякöд ийтöдын. Кывbur петкöдлö 19 нэмцин 60–70 воясö олыссы мортлыссы аслыссяма пыдсянья ылышы да аддзыссы морт лов.

Олёмлён медбörяя кадколастö И.Куратов уджтуйын лирика герой тыдовтчö мортён, кодi пыдсянья вежортö олёмсö, кёсёй аддзыны сы пытшкыссы ин. Герой гёгёрвоö, мый олё ас кадсыыс водз. Сьёкыдыс, курыдыс, шогыс мунё поэт сьёлём пыр.

Тайё поэмалыс лои меным зэв матын. Менё шензьёдис гижисылён кужанлуныс петкöдлынынётка мортлыссы жугыль сьёлёмкылёмъяссö да шаг мёвпъяссö, ас кад ылыссы мёвпалёмсö. Онiя кадö морт вермас муннны ас туйёд, сёвмёдны вежёр и лов. Тайё поэма лыддёй бöрын ме гёгёрвои, мый мортлы, кёсъяс кё сийё аддзыны да вежортны астgöгöрса олёмсö, колö медводз быйтыны ловсö.

Литература:

1. Куратов И.А. Пасъяс синтёмлён // Менам муз. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1979. 298–305 л.б.
2. Лимеров П.Ф. Жизнь и смерть в философской лирике И.А. Куратова // Арт.— Сыктывкар, 1997.— С. 206–219.
3. Ожегова М.Н. Поэма И.А. Куратова «Пасъяс синтёмлён» // Куратовские чтения. Том 1.— Сыктывкар, 1973.— С. 73–79.

Арт-факт

Наталья Плаксина

Наталья Евгеньевна Плаксина — заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Окончила исторический факультет Сыктывкарского государственного университета, факультет теории и истории изобразительного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург). Основные сферы научных интересов — история иконописи в Коми крае, наивное искусство Республики Коми. Автор свыше 70 публикаций по культуре и искусству, музейному делу региона.

Таёжная симфония Валерия Нечаева

Валерий Александрович Нечаев, безусловно, один из самых ярких и самобытных непрофессиональных художников Республики Коми. Родился В.А. Нечаев 16 октября 1949 г. в селе Сторожевск Корткеросского района. Родился без отца. Страсть к рисованию проявилась уже в детстве. Среди самых ярких впечатлений детства — середина 1950-х, поездка с матерью в Москву. Помнит огромную очередь в Мавзолей, блестящие в темноте штыки солдат. Помнит, как они с матерью заблудились в метро и около недели провели в подземке, переезжая от станции к станции в безуспешных попытках найти «свой» выход. И чудесное спасение, явленное в лице «случайно» встреченного старика, маминого знакомого. Ещё одно яркое детское воспоминание связано с деревней под Тверью, где мать с сыном гостила у родственников, — усеянное гигантскими грибами минное поле, куда мальчик нечаянно забрёл, собирая грибы. Эти впечатления навсегда врезались в память, оставили неизгладимый след в восприимчивой детской душе.

Затем была работа на нефтепромысле под Ухтой, куда переехала семья, армия, трудная служба в стройбате. Спасало только увлечение рисованием. Талант юноши был замечен армейским начальством. Солдату из Коми заказывали писать портреты и картины, оформлять мероприятия. Посыпали учиться на баталиста в студию военных художников им. М.Б. Грекова, однако военная тематика не привлекала юношу с душой романтика.

После армии Валерий Нечаев вернулся в родное село. Работал кочегаром в сельской котельной. Как и его предки, ходил на охоту и рыбалку, много времени проводил на своих охотничьих заимках. С 1967 г. начал серьёзно заниматься художественным творчеством, пробовал себя в живописи и графике, создавал разнообразные поделки из природных материалов. Лес стал основным источником вдохновения для начинающего художника. По точному замечанию искусствоведа Генриха Васильевича Козловского, Валерий Нечаев «вырастил свой талант в мастерской природы», впитывая палитру её красок, черпая образы в природных

формах. Своеобразным творческим «автопортретом» художника можно назвать композицию «Видения Сальвадора Дали» (2009), изображающую мэтра сюрреализма у мольберта за созданием очередного шедевра, навеянного причудливым рисунком раскрытои пасти гигантской щуки.

Неординарность самоиздательского художника заметила этнограф Коми научного центра Любовь Стефановна Грибова, посетившая Сторожевск во время одной из своих экспедиций в 1976 году. Она поддержала стремление Нечаева заниматься живописью и графикой, предложила помочь с художественными материалами. Другим человеком, сыгравшим в жизни Валерия Нечаева важную роль, стал Генрих Васильевич Козловский — методист Дома народного творчества. Благодаря его энтузиазму в деле изучения и пропаганды самодеятельного изобразительного искусства Коми республики, Валерий Нечаев, наряду с другими мастерами-самоучками, вовлекается в художественную среду г. Сыктывкара, посещает мастерские профессиональных художников, участвует в творческих встречах и дискуссиях, впитывает уроки мастерства, стремясь усвоить секреты композиции и колорита. С самого начала определилась особенность творчества Валерия Нечаева, выделяющая художника на фоне большинства самодеятельных авторов в Коми, ориентированных на изображение реальности: стремление воплотить мир образов, рожденных собственной фантазией, налёт мистицизма и романтики. Основными мотивами творчества Нечаева этих лет были таинственные лесные пейзажи под луной, охотничьи залмыки, лесные сторожки, присутствие человека в которых только угадывалось.

В советские годы художника хорошо знали в республике и даже за её пределами, он становился постоянным участником выставок самодеятельного творчества в Сыктывкаре, был дипломантом и лауреатом всероссийских фестивалей самодеятельного творчества, проходивших в 1980-е гг. на ВДНХ в Москве. Работы художника экспонировались в Петрозаводске, Москве, Кирове, Вологде, Ярославле. По заказу директора Корткеросского районного музея труда и быта А.А. Панюкова художник написал для музейной экспозиции картины на сюжеты истории Корткеросского района. Несколько его работ были закуплены в «Золотой фонд народного искусства Республики Коми» (впоследствии переданный в муниципальные музеи РК).

В 1990-е годы искусство художников-любителей оказалось в забвении. Пре-доставленные сами себе, занятые вопросами выживания, многие мастера оставили творчество. С Нечаевым этого не произошло, однако сам характер его творчества

В.А. Нечаев.

изменился. Утратив связи с профессиональной художественной средой, которая ориентировала самоучек на работу с натурой и следование методам реалистической живописи, он ушёл в мир своей фантазии. Тематика его творчества обогатилась новыми сюжетами, почерпнутыми из самых разнообразных источников. Работая для себя, Нечаев стал писать картины небольшого формата, его палитра стала ярче и экзотичнее. Шли в ход и грампластиинки, сохранившиеся в домах односельчан. Много работал в оригинальной пластике из природных материалов с применением таксидермии. Основной зрительской аудиторией художника в этот период стали жители Корткеросского района. Все эти годы Валерий Нечаев при поддержке односельчан, прежде всего, заведующей музеем Галины Ивановны Панюковой, устраивал выставки в родном Сторожевске. В 2006 г. журналисты КРТК сняли фильм о художнике. А в 2007 г., после более чем десятилетнего перерыва, работы Валерия Нечаева вновь увидели сыктывкарские зрители на республиканской выставке наивного искусства «Золотой сон» в Национальной галерее Республики Коми. С тех пор интерес зрителей к художнику не ослабевает, и уже дважды — в 2009 и 2014 гг., в стенах галереи с большим успехом прошли персональные выставки художника. В 2010 и 2013 гг. картины Валерия Нечаева становились участниками III и IV Московских международных фестивалей наивного искусства «Фестнаив», проходивших в Музее наивного искусства г. Москвы.

Наивное творчество считается наиболее ценной частью весьма разнообразного в своих проявлениях искусства художников-любителей. Понятие «наивное искусство» и «самодеятельное творчество» не тождественны. По словам искусствоведа В.А. Помещикова, «самодеятельный художник вполне осознанно стремится усвоить приёмы и образы профессионального искусства, тогда как «феномен наивного», — возникает из стремления талантливой личности достичь эстетических результатов с помощью своих собственных художественных средств»¹. Главные черты наивного творчества — аутентичность и искренность чувств, спонтанность творческого акта без рефлексий и корректив². Его отличительная особенность «заключается не в творениях художника, а в его сознании. Картина и изображённый неей мир ощущаются автором как реальность, в котором он сам существует. Более того, реальным является и мир его видений»³. Наивный художник изображает не столько то, что видит, сколько то, что знает о предмете. Главный импульс его творчества — это стремление передать свои идеи о вещи, человеке, мире, отразить наиболее важные моменты в потоке жизни⁴.

Творчество Валерия Нечаева представляет собой феномен, в котором свойственная «наивам» уникальность мироощущения и искренность сочетаются с художественной рефлексией, стремлением следовать некогда усвоенным урокам профессионального мастерства. Эти уроки, а также усиленное самообразование оказались в развитии его творческой манеры, в которой художник декларирует обращение к опыту реализма. Он много и вдумчиво читает, изучает историю искусства. Культурный «багаж» В.А. Нечаева обнаруживается в прямом и опо-

¹ Помещиков В.А. Роль архетипов в наивном искусстве // Примитив в изобразительном искусстве. Материалы научной конференции, 1995.— М., 1997.— С. 157.

² Там же. С. 158.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 159.

Персональная выставка В.А. Нечаева «Река времени». Национальная галерея Республики Коми. 19 декабря 2014 – 19 января 2015 гг.

средованием цитирований классиков — художников эпохи Возрождения, русских передвижников (Джорджоне, Леонардо да Винчи, В.Г. Перов, Н.Н. Ге и др.), в обращении к образам русской иконы. Однако вольно или невольно, в силу внутренней архитектоники души, наилуче близок он оказывается к художникам-романтикам. Использование классических образов для конструирования новых смыслов для него столь же естественно, сколь органично сосуществование персонажей Библейской истории и языческой коми мифологии. Художник с лёгкостью переворачивает смыслы, играет с формами, загадывает загадки. Рассматривание его картин превращается в увлекательную игру. Каждое произведение имеет множество толкований и сопровождается подробными авторскими комментариями. Тем не менее, художник всегда оставляет место для зрительской фантазии.

Наивное искусство — это, прежде всего, сознание, особый взгляд на мир. Его мировоззренческой основой служит ощущение гармоничности, целостности восприятия мира и бытия, слитности с мирозданием. Тематика произведений Валерия Нечаева очень широка, однако обозначить их жанровую принадлежность практически невозможно, как невозможно «расчленять» его творчество на некие циклы — все они взаимосвязаны между собой и воплощают единый «живой космос». Художник создал свою космогонию, основанную на традиционных представлениях жителя северной тайги, охотника, рыболова, «задетого» информационным потоком постиндустриального общества с его вызовами и угрозами. Природа родного края — окрестности Сторожевска, тайга, река Вычегда, её приток Угдым, озеро Шойнаты, — в его картинах, по словам Г.В. Козловского, «приобретают обобщённый художественный образ, перерастают в космические

символы, вводятся в ноосферу живого космоса». Это пантеистический космос, населённый мириадами живых существ. Тайга, холодное северное небо, речные и озёрные глубины, подземный мир и мир древесный — всё наполнено кипучей и разнообразной жизнью. Деревья, коряги, сучья, корни, даже комья земли обретают под кистью художника антропоморфные черты.

Своего рода квинтэссенцией живого космоса Валерия Нечаева является картина «Лесные тайны» (1982). Как поясняет автор, это милый безобидный симбиоз между человекоподобными и фауной, и, в то же время, вечная борьба между хищником и травоядными. Горностай преследует мышь, которая находит защиту у лесовичка. «Улыбки лесовичков символизируют добрую атмосферу между всеми обитателями тайги. На картине действие длится всего лишь одну минуту, но эта минута — лишь мгновенный эпизод из бурлящей жизни тайги. По окончании картины у меня, — как пишет автор, — возникло ощущение, что на ней не должно быть ни рамок, ни сторон. Она как бы уходит в космос».

В картине «Таёжная симфония» (2007) изображён добрый лесовик, окружённый лесной живностью, привлечённой звуками сигудка. В звуках сигудка (музыкального инструмента, который, по словам автора, коми охотники брали с собой, надолго уходя в тайгу) воплощена изначальная душа коми человека, живущего в гармонии с природой. Сигудёк выступает как заместитель флейты в архетипическом мотиве «нового Орфея», гармонизирующего своей игрой мироздание. Мифологический хозяин леса Яг-Морт предстаёт в одноимённой картине (2013) как доброе существо, у которого находят защиту, пищу и кров лесные животные. Этим же смыслом проникнута картина «Таёжный болельщик» (2001). Художник изобразил немыслимую в живой природе ситуацию — старца, эмоционально наблюдающего соперничество на току двух тетеревов, птиц, панически боящихся человека. Более того, тетерев-глухарь в интерпретации художника выступает птицей-прародительницей человечества. Его гнездо становится колыбелью первого человека, вылупившегося из яйца («Колыбель», 2007).

Архетип начала, идея изначальной гармонии человека и природы воплощены во многих картинах художника. Первые люди (праматерь человечества Ева?) находят приют и покой на тёплой земле, укрытые живыми корнями («Начало», 1982). В картине «Таёжное благобытие» (2013) изображена жизнь после Всемирного потопа: «люди ещё беззащитны как дети, жилищем им служат деревья, дупла, дни их проходят в трудах и заботах, и помощники им ангелы».

Даже в охотничьих сюжетах, широко представленных в творчестве В.А. Нечаева, драматическое противоборство человека и животного замещается их мирным сосуществованием, гарантией которого является соблюдение человеком законов лесного царства, уважение и сострадание к лесному зверю. Любопытна в этом плане картина «Ночной укор». Мифическая человеко-птица укоряет охотника-стяжателя, ловящего дичь сверх нормы. Мифологический коми охотник Йиркан не убивает Олень девушки, а усаживает её на лыжи и угождает хлебом, запечённым его матерью («Йиркан и Голубой олень». 2013). Доброму деду Мазаю, собирающему в свою лодку зайцев, противопоставлены «Хищники-браконьеры», идущие, озираясь, словно преступники, с гипертрофированными орудиями убийства за плечами.

Художником остро переживается хрупкость и уязвимость природы, утрата

изначальной гармонии, приближающая конец мира. У него нет иллюзий по поводу будущего человечества, которое своими руками приближает собственный конец («Самоуничтожение». 2008). Экологическая эсхатология в полную силу звучит в его философской картине «Чёрный всадник» (1990), замысел которой возник после чернобыльской катастрофы. Эта картина — квинтэссенция размышлений автора о взаимоотношениях природы и цивилизации. Дьявольские силы прогресса, цивилизации, несущие с собой зло и смерть, олицетворяет Чёрный всадник на огненном коне. Его копьё направлено на Белого лебедя, олицетворяющего Природу. У коня нет копыт — знак того, что у всадника нет будущего. За ним мчатся навеянные образами Дюрера апокалиптические всадники, сеющие смерть, голод, разруху, эпидемии. Спаситель Лебедь (Природы) — останавливающий всадника человек в белом одеянии, с лицом Христа (из картины Николая Ге «Что есть истина?») и с книгой заповедей в руках — олицетворение любви и доброты.

Сила эмоционального воздействия картин Нечаева — в излюбленном, характерном для романтического восприятия приёме антитезы, резкого противопоставления противоположных начал: добра и зла, природы и цивилизации, света и тьмы, тепла и холода, грубого и утончённого, материального и духовного, внутреннего и внешнего (ряд антонимов можно продолжать бесконечно). Равновесие противоположностей — суть гармонии, которой страждёт душа художника. Не случайно, один из любимых сюжетов автора, к которому он возвращается вновь и вновь — окно его лесной сторожки, олицетворяющее связь между миром обыденной реальности и миром Иного, потустороннего, мечты, видений. В картине «Соприкосновение двух миров» (2006) изображена лесная изба в тайге. За столом занятый очисткой печёной картошки изборождённый морщинами, похожий на старое дерево человек. На столе чёрный хлеб, закоптелый чайник, прожжённая кружка чая с отковавшейся эмалью. Все предметы отражают жёсткость и суровость человеческого бытия и быта. А за окном в лунном свете загадочная и мистическая балерина совершаєт виртуозное па над лесным ручьём. По словам самого автора: «Всё в гармонии — и суровость и нежность, мужественность и хрупкость, действительность и визуальность». Ёмкий, имеющий множество смыслов и tolкований образ женщины-эльфа, эфемерного существа, символизирующий некое духовное начало, проходит через всё творчество В.А. Нечаева.

Романтический приём противопоставления наблюдается и в излюбленном колорите художника, в котором преобладают холодные цвета северного неба и тёплый цвет земли, дерева. Любит Нечаев изображать пламя свечи, костра, тусклый огонёк жилья в ночи. Все эти образы переходят у него из картины в картину «и устанавливают между ними особые, окрашенные личным чувством связи»¹.

Универсальность и синтетичность дарования — характерная черта наивного художника, находящего материал для творчества во всём, что его окружает. Валерий Нечаев не ограничивается живописью, но и создаёт необыкновенно живые и выразительные, исполненные с добрым юмором и наблюдательностью образы из природных материалов в различных, часто неожиданных, сочетаниях. В малой пластике он использует чучела животных и рыб, перья птиц, которых приобретает у местных охотников и рыболовов, кости, шерсть, конский волос, ракушки, опилки, шишки, дерево, бересту и многое другое. Словно demiurge, он одухотворяет свои творения, которые начинают жить своей жизнью («Чудо-птица». 2006–2013). В

ряде работ природные материалы парадоксально, а порой пугающе сочетаются с разнообразными продуктами цивилизации — фрагментами пластмассовых игрушек, шариковыми ручками и пр. На первый взгляд забавное и вызывающее улыбку сочетание заставляет задуматься и ощутить, насколько хрупок и уязвим мир природы, насколько противоестественна эта целлулоидная интервенция, заполонившая мир современного человека.

Творчество Валерия Нечаева не ограничивается картинами и мелкой пластикой. Оно переходит в пространство родного дома, стены которого расписаны пейзажами и орнаментальным декором, превращая его в «уголок рая» на земле, обустроенного в соответствии с представлениями художника о красоте.

Доброе искусство Валерия Нечаева обладает огромным воспитательным потенциалом. По словам руководителя музея истории села Сторожевск, музеиного педагога Галины Ивановны Панюковой, создавшей в родном селе постоянно действующую экспозицию работ В. Нечаева, «на их основе всегда можно строить очень полезный разговор со школьниками о том, что такое хорошо и что такое плохо. Потому что подавляющее большинство его произведений затрагивают тему противоборства добра и зла, нравственного или безнравственного отношения человека к природе, любви к малой родине. В этом смысле работы Нечаева оказывают хороший воспитательный эффект для подрастающего поколения, заставляют задуматься над вечными, непреходящими ценностями».

В заключении хотелось бы процитировать запись, оставленную одним из зрителей в Книге отзывов персональной выставки художника: «Каждый уголок обжитой земли должен иметь своего «чудика». Только тогда жизнь этого места наполняется озорством, душа — богатством, а мысли людей, здесь обретающихся — чистотой. Валерий Нечаев — сыктывкарский чудик. И сыктывкарцы, даже, скорее всего, не осознавая этого, становятся чуть мудрее, чуть веселее, и чуть лучше».

¹ Помещиков В.А. Указ. соч. — С. 159.

— Древние видели в начертании букв, в их алфавитном порядке скрытые смыслы Бытия, что видите Вы, человек современный?

— Каллиграфия — вид искусства, оперирующий системой знаков и символов, основа которой — буквы и слова. Текст складывается из предложений, предложения состоят из слов, слова сложены из букв. Буква открывается тем, кто любит её, и я могу сказать, что не пишу, а «рисую» букву. Начертания букв в каллиграфии подчиняются тем же пластическим законам, что и в других видах искусства.

— Идея оформления Евангелия, Вы долго к ней шли? Почему именно Евангелие от Марка, ведь Новый Завет открывает Евангелие от Матфея? В чём суть художественной концепции оформления книги?

— Работа над книгой началась в 2010 году. Евангелие от Марка — самое короткое, краткость и лаконизм этого текста более всего соответствовали поставленной задаче. Моё представление о визуальном облике книги складывалось последовательно: рукописное Евангелие, насыщенное изображениями, перерастает в книгу образов. Поначалу предполагалось, что решение будет не повествовательным, а состоящим из символов, близких к раннехристианскому искусству. В процессе работы появилась необходимость в создании агиографических листов, имеющих отсылку к различным иконографическим вариантам и узнаваемым каноническим образам.

— Почему в качестве перевода с церковнославянского использован русский дореформенный, а не современный?

— Важнейшая составляющая этого издания — церковнославянский язык, с параллельным дореформенным русским. На церковнославянском ведётся Богослужение, это Высокий язык, язык древнерусской культуры и письменности, в отличие от перестроенного современного русского языка. Дореформенный язык хранит истоки церковнославянского, и помогает глубже проникнуть в смысл слова.

— Книга необычна уже тем, что шрифт в ней не менее значим, чем иллюстрации-миниатюры. Какие смыслы скрыты в начертаниях букв? В чём особенность Вашего почерка?

— В этой работе мне, как художнику-каллиграфу, важно было найти точный, аутентичный «звук» в отображении евангельского текста. В современной художественной практике в качестве образца для написания букв чаще всего берутся шрифты известных палеографических памятников (например, «Остромирово Евангелие»). Для этого издания был разработан шрифт на основе полуустава с добавлением левостороннего наклона и длинными выносными элементами. Длинные выносы авторского шрифта подобны начертанию крюковой нотации (попытка показать «звучание текста», подобно знаменному распеву). В литургии знаменный распев — это чистота звука как полнота донесения слова. Хор поёт в унисон, человек и мир слышит каждый голос в отдельности в общем звучании.

— Один из посетителей выставки мне сказал, что свободно читает книги на церковнославянском, но тексты комментариев к миниатюрам он прочитать не смог, тем более сложно прочитать тексты в очертаниях фигур на некоторых миниатюрах. Почему они читаются так нелегко?

— В первую очередь, то, что читается нелегко — это сам текст Евангелия... Здесь я ориентировалась на то, что человек будет хорошо знаком с текстом. Буквы на одежде образуют оклад — приношение Образу. Средневековый человек «читал» икону, сейчас этот навык практически утрачен. Текст на ризах — овеществлённая метафора внимательного чтения, прикосновение современного человека к вековому опыту Церкви.

— Расскажите немного об своих иллюстрациях-миниатюрах: сколько их, какие евангельские события они освещают, можно даже расшифровать некоторые образы.

— Цикл иллюстраций к Евангелию от Марка содержит 155 листов, внутри рукописи — 104 миниатюры, выполненные в технике офорт и иллюминированные сусальным золотом. Миниатюры располагаются внутри листа, текст плотно обтекает изображение, словно создавая киот для образа. Художественное издание условно состоит из следующих циклов: агиографические листы, повествующие о земной жизни Иисуса Христа: «Крещение», «Преображение», «Вход Господень во Иерусалим», «Тайная вечеря», «Распятие», «Воскресение», «Вознесение». Каллиграфические листы со вставками евангельских цитат, заключёнными в геометрические формы: круг, крест, ромб, квадрат. Отдельный ряд составляют композиции, выполненные на основе усечённых иконографических формул, такие, как «Богоматерь предстоящая», «Усекновение главы Иоанна Предтечи», а также символические листы — образы, слагающиеся из букв: «Лев», «Мера», «Церковь». Текстовые полосы, обрамляющие офортные изображения, написаны (нарисованы) кистью — так же, как прорисованы буквы на ризах святых в иконографических листах. Выбор кисти, как инструмента написания текстовых полос, продиктован пластическим, начертательным единством с иллюстративным рядом. В иконе надпись (она исполняется именно кистью) отождествляет изображение с Образом.

— Вы пишете иконы?

— Нет.

— В старину тех, кто писал рукописные книги, называли книжниками. Как Вы себя ощущаете: книжником или иллюстратором?

— Скажем так, для иллюстраторов — я каллиграф, а для каллиграфов — я иллюстратор.

— Св. Ириней Лионский уподобил Четвероевангелие четырём столпам, на которых держится Вселенская Церковь. К остальным «столпам» — Вы будете приступать?

— Всё в воле Божией.

С художником беседовал П. Лимеров.

Надежда Жукова

Надежда Александровна Жукова.

Родилась в Сыктывкаре. Окончила Петрозаводскую консерваторию по специальности «Музыковедение».

Преподаватель музыкальных дисциплин и концертмейстер ГПОУ «Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И.А. Куратова». Жукову Н.А. отличает разнообразная творческая деятельность, в том числе участие в концертах и презентациях, посвящённых творчеству коми композиторов.

Аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского Государственного университета. Область исследования — музыкальная культура Республики Коми (Региональная музыкальная культура).

«Барышня-крестьянка» М. Герцмана: «современный водевиль»

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша.

Богданович

23 сентября 2014 года премьерой балета-водевиля «Барышня-крестьянка» Михаила Герцмана (либретто П. Шешукова в ред. М. Большаковой) на сцене Государственного театра оперы и балета Республики Коми открылся третий фестиваль балетного искусства финно-угорских государств и регионов Российской Федерации «Зарни джыдҗъяс» (Золотые ласточки). Появление этого балета было долгожданным (первоначальный вариант сочинён в 1999 году, к 200-летию А.С. Пушкина) и ожидаемым — в зале фактически не было свободных мест. Отклинулись ведущие республиканские информационные источники: интервью с композитором и авторами нынешней постановки, рассказом с места событий. Красной нитью во всех материалах проходит история непростой сценической судьбы «Барышни...»¹. Довольно устойчивая тяга композитора к театру известна. «Театральный» принцип мышления повлиял на образность многих его произведений, проник в творчество учеников-последователей. М.Л. Герцман, председатель

¹ <http://www.bnkomu.ru/data/interview/31569/>; <http://www.bnkomu.ru/data/news/31533/#cCommentTag>; <http://www.komiinform.ru/news/115630/>; <http://gazeta-respublika.ru/article.php/72043>; <http://komionline.ru/news/47969>; Владис Г. Михаил Герцман пишет музыку к балету «Барышня-крестьянка» / Г. Владис // Молодёжь Севера. — 1998. — 1 окт.; Соболева Г. «Барышню-крестьянку» на пуанты поставили композитор Михаил Герцман и балетмейстер Павел Шешуков / Г. Соболева // Молодёжь Севера. — 2002. — 20 июня.

Михаил Герцман. Фото Д. Напалкова.

балетной премьеры (по словам дирижёра А. Максутова — «новая форма» балета). Эта разновидность является по-своему уникальной, хотя и не совсем новой. Из современных постановок известна балетная версия знаменитого музыкального спектакля и одноимённого кинофильма «Гусарская баллада» на музыку Т. Хренникова (Красноярский театр оперы и балета). Водевиль как «комедия положений» с музыкальными номерами (в основном — куплетами), с разновидностями «опера-водевиль», «комедия-водевиль» был характерным жанром отечественной сцены первой половины XIX века. Иронично-сентиментальное произведение А.С. Пушкина внешними чертами сюжета похоже на водевиль с переодеванием. Таким

образом, избранный жанр соотносит балет «Барышня-крестьянка» с культурно-музыкальными особенностями исторической (пушкинской) эпохи. Тонкий юмор, отличающий одно из популярнейших произведений русского классика, свойствен и личности композитора, взявшегося за его музыкальное воплощение. Ожидание премьеры — возможность «вживую» познакомиться с новым сочинением, само по себе создавало особое празднич-

¹ «Войпель», «Снежная Королева», «Вёрса», «Барышня-крестьянка», «Стрекоза и Муравей». М.Герцман в начале творческого пути создавал одноактные детские балеты, в годы учёбы много работал концертмейстером в балетном классе.

² Известен одноактный балет А. Горчакова «Сказ о древней земле коми» — балетная версия симфонической поэмы «Северный сказ» того же автора.

Сцены из водевиля. Фотографии Д. Напалкова.

Шуберт, Бах), оснащённый современными композиционными техниками, поклонник джаза, оказавшись в республике, М. Герцман создаёт новые знаковые сочинения уже на коми национальной интонационно-ритмической основе. Первое обращение к национальному материалу в создании театрального сочинения было сделано М. Герцманом в мюзикле-легенде «Ожерелье Сюдбейя» (1979). И результат

ное настроение. Результат получился (не без огромного труда всех причастных) динамичным, ярким и запоминающимся! Багаж театра пополнился не только новой разновидностью балета, созданного специально для данной труппы (редкий факт, отмеченный и посетившим фестиваль балетным критиком А. Максовым), но балетом национально-региональным. Неизбежные изменения особенностей пушкинского сюжета и введение некоторых новых героев в балетном спектакле, ориентированном на современного и в хорошем смысле «массового зрителя», не ударили внимание от главного — искренних человеческих отношений молодых влюблённых — Алексея и Лизы, развивающихся в атмосфере среднерусского пейзажа.

Известно, что каждый из музыкальных жанров вызывает необходимость того или иного определённого стиля и языка. Картина стилей в современном музыкальном искусстве на протяжении последних десятилетий достаточно «пёстрая». Но без смешения различного культуры не способна к саморазвитию. Склонность к полистилистике (наряду с театральностью) — яркая черта творческого метода автора балета, направленная в каждом случае на решение художественного образа. С детства воспитанный на классике (среди любимых композиторов — Моцарт,

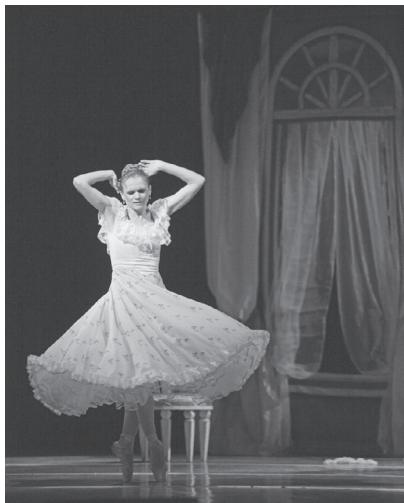
Сцены из водевиля. Фотографии Д. Напалкова.

сказался в неброских, но ощущимых штрихах, мелодические обороты коми песен наполнены автором острыми ритмами, современным гармоническим обрамлением. В начале 1990-х годов появляется балет «Войпель» по мотивам сказаний о северном ветре. Музыкальный стиль сочинения поначалу воспринимался как сложный и необычный. К тому же, специфика театрального жанра позволила композитору «смешать» для достижения художественно-образных целей, казалось бы, несопоставимое: по словам автора «в «Войпеле»... в одном из танцев коми песня «Козёй-козёй...» звучит одновременно с... американским блюзом. А в «кураже» ледяной девы — пародии на «Баядерку» — внезапная классическая вариация»¹. По-новому развиваются эти тенденции в балете на пушкинский сюжет.

Эстетика спектакля «Барышня-крестьянка» отвечает в определённой мере духу постмодернизма. Музыкальная основа охватывает широкое поликультурное пространство, в котором, несмотря на использование разной стилистики, всё увязано гармонично и легко. Все особенности

музыкального языка соотносятся здесь с жанровым определением и сюжетными перипетиями. Преобладают характерные номера, музыкальные темы отличает «персонажность», разнообразие национального наполнения. По сюжету, испытывающие вражду помещики Муромский и Берестов являются приверженцами разных национальных культур и мировоззренческих позиций (что и стало причиной сложившегося противостояния по Пушкину). Муромские — «англоманы», одевающие слуг в шотландские одежды, а Иван Петрович Берестов отличается «ненавистью к нововведениям» и нещадно критикует англоманию своего соседа. Придуманный для балетной постановки верстовой столб, определяющий границы поместий Муромских и Берестовых — не просто главный «элемент юмора» и предмет, «закольцовывающий действие» (апофеозом водевильно-шутливого начала в балете становится схватка около «столба»). Его символическая роль заключается как в установке, так и в постепенном «стирании» границ между противостоящими культурами и отношениями — едва прими-

¹ Михаил Герцман: «Всегда должна быть причина петь высокую ноту». Красное знамя, 1994. 26 окт.

Сцены из водевиля. Фотографии Д. Напалкова.

рившись, герои решают, наконец, присмотреться к укладу жизни друг друга и поженить своих детей.

В новой постановке представлен широкий стилевой спектр жанрово-танцевального тематизма — от танцев «в духе эпохи» (вальс, мазурка, полонез, галоп), необходимых для создания атмосферы, до «лёгких» жанров музыки XX века, раскрывающихся в неожиданном ракурсе. Например, музыка в стиле «регтайм» явилась основой танца крестьянки Насти (Анна Полищук) вместе со слугами Берестовых, подчёркивая заложенную сюжетом пародийность момента (слуги пародируют господский бал). Для создания национального и исторического колорита композитором вводятся хоровод и «русский танец». Особо стоит отметить номера в сцене встречи примирившихся Берестовых и Муромских — виртуозный «ирландский танец» в народном шотландском костюме (Владимир Ли) в качестве приветствия гостям после музицирования на волынке Муромского (Роман Миронов) и пришедшуюся весьма к месту «Плясовую», характеризующую национально-культурные предпочтения Берестовых. «Плясовая» представляет собой автоцитирование М. Герцманом ранее написанной им пьесы для фортепиано (而非ма эфектной и показательной в плане особенностей образно-интонационного мышления композитора). В соответствии с жанром, М. Герцман широко использует приёмы пародии, аллюзии и коллажа, гротесковые и «детективно-шпионские» интонации. Яркой кульминацией такого начала становится появление переодетой Лизы перед гостями, упоминавшаяся сцена «схватки» и партия мисс Жаксон (Екатерина Дук). Лирическая линия проходит в балете под знаком неустаревающей вальсовости. Мелодичные темы сопровождают и первую романтическую встречу Алексея и Лизы в лесу, и объединяют в finale всех героев. Драматургия спектакля получает развитие в тонких оркестрово-колористических решениях. Поворотные моменты в развитии чувства главных героев означены приёмами исполнения тремоло в оркестре и звуками колокольчика. Есть и подлинные находки в национально-жанровых номерах. В сценическом оформлении спектакля преобладает пасторальный колорит, который подчёркнут в некоторых

Сцены из водевиля. Фотография Д. Напалкова.

моментах искусственными звуками природы. Отнесём этот факт на счёт пробных решений. Подлинный драматизм в целом не свойствен водевилю и в пушкинском сюжете не обозначен — вернее, более явно обозначен в переживаниях Алексея, которого обещал проклясть отец, если тот не женится на дочери друга-соседа. И в итоге Алексей принимает решение поступить против

воли отца и жениться на простой крестьянке. Балетное прочтение дало выход на драматическое решение образа Лизы, которому немало способствует артистическое дарование исполнительницы (Наталья Супрун). Пушкинская задумка «одурачивания» Лизой отца и сына Берестовых во время приёма в собственном доме и великолепно отражённая в балетной сцене, привела к несколько иным последствиям. «Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки» — читаем мы у Пушкина, но здесь наблюдаем отчаяние и страх от такого «успеха», шутку, обернувшуюся трагедией. Этот момент выражен соло скрипки на фоне напряжённого ритма ударных. Ближе к финальной сцене-развязке действие повести видоизменяется и сжимается, повинуясь драматургическому решению. Спасение чувств Лизы происходит путём неожиданного возвращения Алексея (Артём Кудряшов). В итоге, всё разрешается по-доброму и с юмором, модулируя в характерный для водевиля финал с выходом всех участников.

Авторы постановки по-своему вступают в диалог с Пушкиным, внося необходимые современные средства в трактовку произведения русской классики. Особый метаязык балета позволяет самому широкому кругу зрителей приобщиться к современному искусству. Совершив первые успешные шаги на сцене, балет «Барышня-крестьянка», надеемся, будет наполняться новыми штрихами, а композитору Михаилу Герцману пожелаем новых премьер!

Обзоры. Письма

Удорский Корчагин

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым подёрнулись угли костра:
Вот и окончилось всё — расставаться пора.

Ю. Визбор

В феврале 2013 года ушёл из жизни Борис Иванович Петров, ветеран педагогического труда, отличник народного просвещения СССР и РСФСР, заслуженный работник культуры Коми АССР, почётный гражданин села Важгорт и Удорского района, основатель Важгортского народного музея.

Ушёл на восьмидесятом году жизни, ушёл тихо, незаметно, на чужбине.

Почему-то всегда так получается, что мы начинаем думать о людях, которых мы уважаем и ценим, только после их смерти. И нас мучает совесть, что опоздали, не успели сказать при их жизни тех единственных слов благодарности, которые они заслужили.

Борис Иванович был учителем истории. Учил нас, возьму на себя смелость сказать, посредственно, как все. Все мы знаем, что хороших предметников, профессионалов своего дела, для которых работа с детьми заканчивается вместе с уроками, очень много. Но мало учителей, которые продолжают работать с учениками и после уроков, отдают детям не только знания, но и всё своё свободное время, отдают сердце...

Таким наставником, заводилой интересных дел был Борис Иванович.

Он увлёк нас, сельских мальчишек и девчонок, туризмом и краеведением, наполнил нашу обыденную жизнь каким-то особым смыслом, романтикой дальних дорог.

Встреча с участником войны. (Борис Иванович — 2 ряд, первый справа), д. Патраково.

С 5-го по 10-й класс и зимой, и летом мы ходили в многодневные походы по району, собирали краеведческий материал. Каждый год, без исключения, ездили сначала на районные, потом на республиканские слёты юных туристов-краеведов. Оттуда без призового места ни разу не возвращались. Ездили на экскурсии, конференции, оформляли стенды, альбомы.

Борис Иванович был отличным организатором. Всегда всего добивался. Во время этих походов, поездок у нас не было никаких проблем ни с питанием, ни с транспортом, ни с проживанием. Мы не тратили своих денег. Он беспокоился за нас, не боялся спорить с начальством. Коллеги по туризму шутили: «Борис Иванович некодысь оз пов!» Он всей душой болел за общее дело. Благодаря его энтузиазму, энергии, упорству, одержимости, внеklassная работа в школе была ключом.

Он не искал «пути, чтобы пропотанней и легче». На каникулах мог быть спокойно, как и другие, сидеть дома в тепле и уюте, а не бродить с детьми и в мороз, и в зной с рюкзаком за плечами.

После его смерти в районной газете «Выль туйёд» появилась статья М.Ф. Логинова, I секретаря Удорского района ВЛКСМ в 1965–1967 гг., и В.Н. Ульяновой, одноклассницы, коллеги Бориса Ивановича, где они назвали его удорским Корчагиным. И это верно. Инвалид с детства, которому трудно было ходить, он за все годы работы в школе исходил с детьми пешком столько дорог, сколько здоровый человек не смог бы пройти за две свои жизни. И всегда улыбался, любил шутить. Этим и брал. Никогда не жаловался на усталость или хворь. Приучил и нас к терпению, к упорству, к самостоятельности.

Борис Иванович обладал каким-то особым чутьём при подборе детей в свой клуб туристов-краеведов. Брал таких, чтобы потом на соревнованиях не подвели. Чтоб хорошо соображали, быстро бегали, разбирались в топографии, умели оформлять альбомы и даже, чтоб хорошо пели. Обычно на республиканском слёте юных туристов в последний день устраивали заключительные вечера у общего костра, и каждая команда должна была выступить с художественными номерами. В нашей команде была одна девочка с удивительно приятным голосом (С. Доронина). Все были в восхищении от её песен. Больше всех радовался Борис Иванович. Он гордился тем, что его туристы лучшие не только в краеведении, но и в пении.

Они в городах не блещут манерой аристократа,
Но в светлых высоких залах, где шум суеты затих,
Страдают в бродяжьих душах Бетховенские сонаты,
И светлые песни Грига переполняют их.

Это строки из нашей любимой песни. Как нам тогда казалось, она была про нас, бродяг-романтиков. Какое это было удивительное, ни с чем не сравнимое время!

Романтика романтикой, но были и настоящие испытания, трудности.

На всю жизнь запомнился многодневный поход из Важгорта в Ёртому. Это было на зимних каникулах. Пошли только девочки 7-х и 8-х классов и Борис Иванович. В каждой деревне, где ночевали, мы должны были показать концерт, а в посёлке Керью-Яг встретиться с передовиками леспромхоза. Кстати, концерты принимали на «ура». Гвоздём программы были акробатические упражнения «гуттаперчевой девочки» Н. Старцевой и песни Н. Косныревой.

Шли пешком по глубокой колее от тракторных саней. Идти было неудобно, но не унывали. Оказалось, настоящее испытание ожидало нас в конце похода. Ночью была метель. Дорогу занесло. Жители деревни Иба нас пожалели и

выделили возчика и лошадь с санями, на которые мы загрузили свои вещи, а сами пошли налегке. Недалеко от Ёртомы нас застала выюга, такая, как в романе Пушкина «Капитанская дочка»: «Снег повалил хлопьями. Ветер завывал. Сделалась метель. Всё исчезло...» Мы потеряли лошадь с санями из виду. Сбились с пути.

Когда всё утихло, мы увидели, что впереди открытая местность, а за ней Ёртому. И без дороги, прямо по снежной целине, по пояс в снегу мы добрались до села, мокрые, в обледенелой одежде. Воспаление лёгких нам было обеспечено. Но никто не заболел.

Настоящие испытания и опасности ожидали нас в другом многодневном походе: Важгорт—Небдіно—Ыбула—Пысса—Политово—Патраково, куда мы отправились после окончания 9-го класса. Девять человек под бессменным руководством Бориса Ивановича. Нам надо было прямиком по тайге и болотам выйти на речку Пысса и оттуда продолжить путь. Пожилые люди отговаривали нас, клялись, что без проводника мы не дойдём, заблудимся или утонем в болотах.

Хорошо, что наши мальчики попросили из лесхоза подробную карту местности. Без неё и без Парфентьева Владимира, лучшего топографа среди нас, мы бы не дошли до цели. Дороги, как таковой, не было. Были только намёки на неё. Борис Иванович рассказал, что примерно 100 лет тому назад по ней в Важгорт приезжали купцы на традиционные крещенские ярмарки. Но они ездили зимой, по замёрзшим болотам. Да ещё рыбаки-старожилы изредка ходили пешком с Вашки на Пысса за богатым уловом.

Через двое суток опаснейшего пути по лесным завалам и болотам ночью мы вышли к речке Пысса. Нашей радости не было предела! Мы дошли! Преодолели все трудности! Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Главные неприятности нас ждали впереди.

Во-первых, карта местности, которую нам дали в лесхозе, здесь окончилась.

Во-вторых, надо было перейти на другую сторону речки. Лодки не было и неоткуда ей было взяться. Летом можно было бы перейти вброд. Но была весна, половодье. Речка широко разлилась.

Остаток ночи мы, девочки, спспали на улице под первыми лучами солнца. Мы не решились зайти в полуразвалившуюся охотничью избушку, которая стояла там. В ней устроились мальчики.

Утром они из нескольких брёвнышек (разобрали маленький амбарчик, за что потом начальство поругало Бориса Ивановича) соорудили маленький плотик на одного человека. Как это они умудрились сделать, не знаем: мы спали.

На нём в два рейса они перевезли все наши рюкзаки, потом перевезли Бориса Ивановича. Он, в силу своей болезни, не умел и не мог плавать. Мальчики хотели по одной перевезти и нас, пятерых девочек, но мы не согласились. Мы видели, что они уже замёрзли до посинения, толкая руками в холодной воде этот плотик туда и обратно.

И мы все, как по команде, прямо в одежде бросились переплыть речку. Это было рискованно. Лично я еле-еле добралась до другого берега.

На том берегу тоже стояли лесные избушки, но они были новые. Мы развели костёр, переоделись в сухое, высушили одежду и, весёлые, довольные, пошли вниз по берегу реки. Через километров 15–20 пришли в 1 деревню на нашем пути — Нёбдіно. Как мы уже знали, там жила только одна старая женщина.

Но её дома не было: ушла, как потом оказалось, рыбачить. Как-то неуютно, непривычно было ходить по «мёртвой», как тогда говорили, неперспективной деревне, все жители которой переехали в Пыссыу. Об этом позже Альберт Ванеев, известный удорский поэт, написал в своих стихах:

Пысис ю, тә петан съёд вёр шёрысь,
Дінад эз коль ньёти олысь морт:
Ыбула да Нэбдін вёлт тёрыт —
Öні ставлён Мозын дорын горт.

В одном из покинутых домов нашли написанный на дереве красками старинный портрет Степана Пермского. А в бывшей церквиушке нашли портреты других святых и газеты сталинской эпохи. Всё сфотографировали.

После обеда отправились дальше. К вечеру нас догнала моторная лодка. Неизвестный мужчина предложил нам свои услуги: подвезти до Ыбулы наши вещи. Мы согласились и даже уговорили Бориса Ивановича сесть в лодку. По словам мужчины, мы должны были прийти в деревню через пару часов или раньше, если сократим дорогу: пойдём не по берегу (река делала большой изгиб), а по тропинке в лесу.

Что мы и сделали.

Но эту тропинку мы, наверно, перепутали, и она вывела нас сначала в глухую тайгу, а потом в болота, где едва-едва прослеживался тракторный след. И мы весь остаток вечера и всю ночь без отдыха шли по этому следу, как потом нам сказали, по зимнику, по которому зимой вывозили сено из самых дальних участков.

Очень устали, ужасно проголодались, ели прошлогоднюю бруслику, замёрзли. Ночью подморозило. Влажный мох под ногами трещал, как стекло. Один из мальчиков, новичок в походах, постоянно садился на мёрзлые кочки: не хотел идти дальше, хотел спать. Мы, девочки, силой поднимали его: не оставлять же в тайге!

Утром, часов в 8, наконец, вышли на широкую твёрдую дорогу, по которой прошли ещё несколько километров. А когда услышали лай собак, так обрадовались, как будто вернулись с того света. Это была долгожданная Ыбула. За вечер и ночь, по словам немногочисленных жителей деревни, мы прошли по болотам 30–35 километров. Что пережил, прочувствовал в эту ночь, ожидая нас, наш руководитель, за что мысленно проклинал себя, не знаю. Ведь ждать и догонять — хуже всего!

Мы не роптали на судьбу. Знали, на что шли, отправляясь в трудный поход.

В походах по родному краю был собран богатый краеведческий материал. Особенно интересными мне показались документы, которые мы нашли в д. Вендинга весной 1964 года. Это были грамоты более чем столетней давности.

Похвальный лист Министерства государственных имуществ от 1847 года Аверкию Калинину за то, что он первым на Удоре начал выращивать картофель (принёс несколько картофелин в кармане из Сибири и посадил) и получал неплохой урожай «второго хлеба».

За то, что Аверкий и его жена в своём доме открыли больницу для больных тифом, министерство государственных имуществ в 1858 году наградило их вторым похвальным листом.

Иван Калинин — внук Аверкия — во дворе своего дома построил метеорологический наблюдательный пункт (мы побывали и там) и отправлял свои сведения в Петербург учёным главной физической обсерватории, и в 1894 году был удостоен почётного звания корреспондента Главной физической обсерватории.

Все эти документы нам передал тогда сын Ивана Калинина Константин Иванович.

С младшим сыном Ивана Калинина — известным военачальником, генерал-майором Александром Ивановичем — нам удалось встретиться в 1965 году у

него дома, в Москве. До этого наши краеведы с ним уже переписывались, получили от него посылку с экспонатами для будущего музея. Александр Иванович болел, чувствовал себя неважно, но ради своих земляков оделся в свою генеральскую форму и после короткой беседы сфотографировался с нами.

А в Москве мы оказались вот по какому поводу. Группу учащихся нашей школы в августе 1965 года пригласили на Всероссийскую научно-практическую конференцию

Юные туристы у своего земляка, генерал-майора А.И. Калинина. (Борис Иванович — 2 ряд, первый справа), г. Москва.

юных краеведов. С отчётом о проделанной работе выступить мне. На конференцию, на выставку мы привезли много интересных документов, альбомов. Их с большим интересом рассматривали не только участники конференции, но и научные работники Московского центрального музея. Нашу школу наградили Почётной грамотой Министерства просвещения РСФСР и Центральной детской туристической станции. Так высоко был оценён огромный, каждодневный труд Бориса Ивановича с детьми.

Открытие Важгортского музея тоже было при нас — 5 ноября 1965 года. И стоило нескольких месяцев напря-

Учащиеся Важгортской школы на конференции юных краеведов (Борис Иванович — 2 ряд, четвёртый справа), г. Москва.

жённейшего труда Борису Ивановичу. Но мы, члены клуба «Куница», помогали ему, как могли. А потом были первыми же экскурсоводами по музею.

Вот запись в книге отзывов в день открытия музея: «Важгортские краеведы — молодцы. Большое и нужное дело ведут следопыты. Люди скажут им спасибо за любовь к истории, за уважение к отцам, дедам и прадедам своим»¹.

За школьные годы мы были многим обязаны нашему наставнику: везде побывали! Столько видели! Но лично я больше всего благодарна ему за то, что побывала в «Орлёнке».

В 8 классе, весной, он отдал мне лично в руки гербарии с растениями и минералами и сказал, чтобы я самостоятельно готовилась к республиканскому конкурсу по краеведению на турслёте. Я выиграла все названия, научилась различать на ощупь кору деревьев, минералы. И заняла первое место. За что мне дали бесплатную путёвку во Всесоюзный пионерский лагерь «Орлёнок». 40 дней,

проведённых там, стали для меня самым дорогим воспоминанием на всю жизнь.

В 1966 году группа краеведов из разных городов и сёл Коми, в том числе и я, под руководством Бориса Ивановича, ездила в г. Тольятти (недалеко от Куйбышева) на старт Всероссийского похода «Из искры возгорелось пламя».

Опыт своей краеведческой работы с детьми он опубликовал в двух книжках, которые вышли в Коми книжном

Борис Иванович (второй справа) с группой краеведов, г. Тольятти.

издательстве: «Поиск венчают находки» (1972 г.) и «Дорогой отцов» (1976 г.). Обе книжки Борис Иванович подарил мне, за что ему тоже очень благодарна. Одну с дарственной надписью: «Але, бывшей страстной путешественнице от бывшего «мученика и горе-туриста».

Жизнерадостность, целеустремлённость, беспокойство души, желание работать и работать не покидали его долгие годы.

«Бывшая страстная путешественница» тоже стала учителем, только языковедом. Тоже ходила со своим классом по деревням и сёлам. Тоже собирала предметы старины, чтоб открыть в школе этнографическую комнату. Дальше духу не хватило. Ведь таких энтузиастов, как Борис Иванович, единицы.

Все мы прекрасно знаем слова Н.А. Островского, сказанные героем его романа «Как закалялась сталь» Павкой Корчагиным (Корчагиным же, как было сказано выше, называли Бориса Ивановича его коллеги-учителя): «Жизнь человеку даётся один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

¹ Б.И. Петров «Дорогой отцов». — Сыктывкар, 1976.— С. 3.

Нет, Борису Ивановичу не было стыдно за прожитые годы. Ведь он столько сделал для своей школы, села, района!

Осмелюсь перефразировать слова А.П. Чехова и добавить: если бы каждый человек на куске земли своей сделал столько, сколько Борис Иванович, как прекрасна была бы земля наша!

Он останется надолго в нашей памяти. Ведь остались его многочисленные ученики, туристы-единомышленники, остались односельчане, которые часто собираются в музее.

Мне остаётся только сказать (лучше поздно, чем никогда) словами Н.А. Некрасова:

Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

*Бушенева Альбина Михайловна.
Республика Коми, Удорский район, с. Пысса*

Нам пишут

Сегодня мы публикуем стихотворение из письма нашей сыктывкарской читательницы Елизаветы Апраксиной. Кстати, это будет не первая её публикация. Стихи Елизаветы уже появлялись в альманахе «Золотая строфа» (№ 2, 2012), она участница различных конкурсов на лучшее стихотворение для детей.

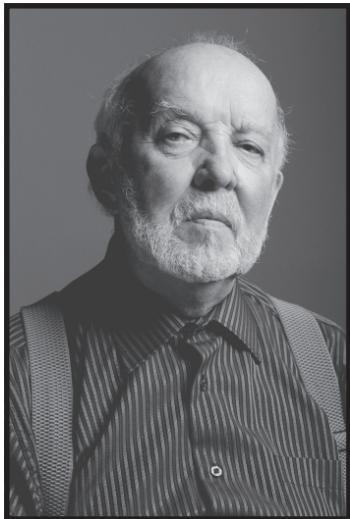
* * *

Пройдёшь — не замечу.
Разбитый асфальт или звёздная сырь,
Ветви деревьев, грозой искалеченные,
Готовы меня усыпить.

Земным притяжением принимало.
Ветер подует — ввысь норовлю.
Скольких попытки ветром сгубило,
Скольких сама загублю.

Во всякие дни. Однаково слепо —
Беспечно, рассеяно-тало.
(Мало-велики случайные скрепы,
Как кресла постылых вокзалов).

Но судеб в потоке — глухих и незрячих —
Чужих картотек,
Ты не пройди, живой, настоящий,
Мой человек.

* * *

3 марта ушёл из жизни КЛАССИК и ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК изобразительного искусства Республики Коми Станислав Анфимович Торлопов.

Станислав Анфимович — представитель поколения независимых, широко мыслящих художников, с органичной позицией в искусстве. И жизнь и его творчество отличает Чистота, звучность. Во всех своих работах он сохраняет внутреннюю мечтательность, проникнутую эстетичным духом высокой художественной культуры.

Удивительно уважаем и понимаем поколением молодых.

Станислав Анфимович родился 12 октября 1936 в Москве.

Учился в Костромском художественно-педагогическом училище (1953–1958) на отделении живописи у Н. В. Шувалова. Работы написаны в различных жанрах: сюжетно-тематическая картина («Буровая в пути», 1969; «Искатели», 1971; «Поэма о Северном море», 1976; «Мать-Земля Коми», 1979); пейзаж («Ветер дальних дорог», 1967; «Белые ночи над Вычегдой», 1981; «Красная палатка», 1991; «А снег идёт...», 2001); портрет («Пастух Ефим», 1963; портреты вьетнамского цикла, 1975; «Автопортрет», 1994–1995). Главной темой творчества является Север, люди. Станислав Анфимович работал в геологоразведочных экспедициях с такими же, как он, романтично-дерзкими.

Живописные полотна, созданные художником за 50 лет творческой деятельности, легли в основу цикла «Коми — край мой северный». Участник 150 различных выставок, начиная с 11-й Коми республиканской художественной выставки (1955). Состоялось 10 персональных выставок (в 1962–1996, 2006 в Сыктывкаре; в 1987 в Микуни и Ухте; в 1988 в Петрозаводске; в 1989 в Москве), 18 зарубежных (Монголия — 1965–66, 1971, 1975; Польша — 1971, 1990; Чехословакия — 1975, 1972; Румыния — 1972; Китай — 1975; Болгария — 1976, 1984, 1989; Вьетнам — 1975–1976; Финляндия — 1975, 1997; Бельгия — 1984; ФРГ — 1984; Германия — 1993; Венгрия — 1998). Торлопов работал в составе всесоюзных и республиканских творческих групп Союза художников в СССР, Российской Федерации и за рубежом (Болгария — 1989; Польша — 1989–90; пленэры в Германии и Голландии — 1993). Делегат съездов Союза художников СССР (1983, 1987) и съездов Союза художников РСФСР (1972, 1976, 1981, 1987).

Член Союза художников СССР с 1967 г.

Народный художник Российской Федерации (2006), заслуженный художник РСФСР (1971), народный художник Коми АССР (1980), действительный член Петровской Академии наук и искусств (1999), лауреат Государственной премии Коми АССР (1968).

Светлую память о нём как о художнике и человеке будут хранить почитатели его таланта.